

Ерофеев Виктор

Энциклопедия

русской души

Виктор Ерофеев

Энциклопедия русской души

Содержание

Я тебе люблю

Опыты

Пятизвездочный морг

Серый в порядке

Я тебе люблю

бляха

Телохранители искоса смотрели телевизор. Я пил в компании людей, которым хорошо знакома криминальная обстановка в городе. Несмотря на интеллигентный экстерьер, я готов перепить самых крепких мужиков, и три-четыре бутылки водки за вечер не производят на меня особого воздействия, разве что утром немного чешется кожа на животе. Такая особенность не раз выручала меня, но иногда приводила к непредсказуемым последствиям, что, собственно, и случилось в ту ночь.

Человек во власти сияет нездешним светом. Его влиятельное лицо охвачено всполохами затаянного экстаза. В зале резало глаза от начальства. Перепившееся руководство силовых структур, вице-премьеры, вожди и гонители демократии, государственники, главные придурки, реваншисты и прочие кремлевские красавцы гудели.

-- У меня бляха лучше твоей! -- раздавались голоса. Каждый мечтал о бляхе.

-- Твоя бляха -- вообще не бляха.

-- Я получал в месяц по четыре бляхи.

-- Когда это было!

-- А у меня платиновая бляха, -- сказал кто-то.

Все замолчали. А я спросил:

-- Вы какую бляху имеете в виду? Они покатались со смеху.

-- У тебя что, вообще нет бляхи?

-- Да нет у меня никакой бляхи! -- обозлился я.

Под утро им всем захотелось вместе полететь в космос. "Летите, голуби", -- подумал я. Они мне тоже предложили лететь, в качестве хроникера, были и другие, не менее достойные предложения. Кончилось тем, что один из них -кажется, самый толковый и что-то даже смыслящий в литературе -- завел со мной разговор о тайной стороне родной жизни.

-- Я тебя читал, и ты мне не нравишься, -- начал он с нормальной предутренней откровенностью, со сбившимся галстуком на белой правительственной сорочке. -- Но я тебе вот что скажу: это заколдованная страна.

Я понимающе хмыкнул.

-- Бермудский треугольник в подметки не годится. Тут круче. Никакие реформы у нас не пройдут, -- заверил меня ведущий реформатор.

Я молча верил ему на слово.

-- Была мысль найти объединяющую идею. Нашлись только разъединяющие. -Он огляделся по сторонам. Старик мешает.

-- Найдите лучше, -- сказал я.

-- Я не об этом, -- скорчился реформатор и даже сделал движение, чтобы уйти непонятым, но вместо того воскликнул:

-- Пал Палыч!

Подошел какой-то пьяный Пал Палыч. По виду -- силовик. С болтающейся от горьких раздумий челюстью. В штатском.

-- Скажи ему про старика. Он не верит. Силовик испуганно посмотрел на начальство.

-- Ну, говори, раз начал, -- твердо сказал реформатор.

-- Мы называем это передвижной черной дырой, -- поежился силовик -- Или воронкой. Короче, хренотень.

-- Закон исчезновения энергии, -- пояснил реформатор.

Я радостно приветствую разговоры о всякой нечисти,

но только не от пьяной власти.

-- Метафоры, -- подсказал я.

-- Встреться с ним, -- предложил реформатор.

-- С кем?

-- Со стариком. Пал Палыч организует.

-- Засасывает, -- скислился Пал Палыч, показывая плохие зубы вперемежку с золотыми. -- Хуже тарелки.

-- Я не работаю на правительство, -- примирительно предупредил я.

-- Личная просьба, -- подчеркнул реформатор.

призрак русской свиньи

Бывает, сидишь на балконе, пьешь чай, ведешь беседу с друзьями, спокойно, весело на душе, ничто не предвещает беды, как вдруг потемнеет в глазах, почернеет в природе, поднимутся враждебные вихри, послышится топот, в секунду все сметено, все в миг окровавится. Нет больше тебе ни чая, ни грез, ни друзей. За чаем выстраиваются километровые очереди, балкон обвалился, друзья обосрались от ужаса жизни.

И думаешь посреди всего этого великолепия:

-- Спасибо, Боже, за науку, спасибо за испытания.

враг народа

На утро проснулся как от толчка, с отчетливым чувством: я -- враг народа. Лампа подозрительно качалась под потолком. Я подумал: все-таки перепил. От возбуждения при встрече с властью. Мы все только делаем вид, что власть нас не волнует. Обеспокоенный, спрыгнул с кровати к зеркальному шкафу, ударил заспанное лицо по щекам. Из зеркала на меня хмуро глянула неумытая морда врага народа.

"Ну, все! -- решил я. -- Это полный пиздец или полный вперед!"

Я и раньше, если по честному, не был народным братом-сватом, не рыдал от сознания принадлежности. Мне знакомы минуты недоверчивого принюхивания к народу, даже приступы тошноты. Но я с этим справлялся и жил дальше, как все, с тупой надеждой на что-то.

Теперь все сделалось по-другому. Я снова лег, заснул в тоске, спал долго, без снов, проснулся в

полдень: опять -- враг народа. Но не в том дедовском смысле, будто я -- контра. Или: меня оклеветали. Я никогда не верил в невинность жертв: человек вечно чем-нибудь недоволен, и это всплывает. Но я ощутил всем своим существом, что я не объявленный, а сам собой объявившийся враг народа; такое необратимо.

Что это за состояние? Я бы не взялся описать его досконально. Оно только-только вошло в меня и заполнило. Его не обозначишь пламенной ненавистью, когда хочется орать и все перечеркивать. Бешенство -- расхожее объяснение в чувствах. Казни -- это вообще love story. Здесь же было, как после бури. Осенний ветер ласково теребил занавески. В наступившей прохладности ощущений крепло презрение. Неторопливое, неогненное чувство.

Мне хотелось задавить его спортом и равнодушием. Я сел в машину, чтобы побегать на Воробьевых горах свои положенные сорок минут. Бежал трусцой и думал: смирись. Смирись: вот гроздь рябины. Река, баржа, трибуны, колокольня -- смирись. Меня обдали потом немолодые офицеры, сдававшие рутинный зачет на выносливость -- зажми нос и смирись. Возле их финиша ко мне метнулась штабная крыса с криком:

-- Опять ты последний!

-- Хуже, чем последний! -- сказал я полковнику, сходя с дистанции.

Я -- враг народа. Чувство не из приятных, нечем гордиться. В состав презрения входит, скорее, не высокомерие, а безнадежность. Размышляя, я пришел к выводу, что у меня даже нет информационного повода. Вчера, на прошлой неделе русские не сделали ничего необычного. Не выплыли (хотя руки чесались) на

середины реки на "Авроре", не перерезали (хотя могли) младенцев. Жили как жили, пили пиво, но я уже с этим не мог смириться.

Это не значит, что я воспылил нелюбовью к конкретным людям: сдержанному дяде Сереже из Питера, которого я давно не видел и, боюсь, не узнаю в лицо; Зое Ефимовне, которой всю жизнь нравились стихи Маяковского; моим двоюродным сестренкам Белке и Стрелке, живущим в разных городах и обзаведшимся неведомыми мне детьми; обнищавшей бухгалтерше, гигантских размеров тете Славе, которая время от времени прокуренным голосом просит по телефону похоронить ее за мой счет. Толстой по-прежнему оставался автором "Войны и мира". Во всяком случае, на первых порах столпы России пребывали на своих местах.

Метаморфозе подверглось всего-то-навсего одно местоимение, затертое словечко, однако "мы" -- Николай Второй русской лексики. Напрасно думать, будто наше "мы" состоит из сложения самозначимых "я". Русское "я" как элемент не жизнестойко и обретается исключительно в семейственной молекуле. Выходит, не "я" формирует идею "мы", но "мы" манифестно и речетворно. "Мы" плодит убудочных "я", как мелкую картошку. Все силы русского правописания -- на стороне "мы", и сколько бы литературных терзаний ни вкладывать в развитие "я", они не окупятся за недостатком грамматических резервов. Взять, для примера, подсознательное мыканье Платонова и сопротивленческое яканье Набокова, чтобы увидеть разность потенциалов. На "мы" можно гавкать, как Замятин, над "мы" можно хихикать, как Олеша, но "мы" имеет самодержавное качество, известное под именем "народ".

"Народ" -- одно из самых точных понятий русского языка. Оно подразумевает двойной перенос ответственности: с "я" на "мы" и с "мы" на -род: "мы-они", внешне-внутренний фактор, что означает вечные поиски не самопознания, а самооправдания. Слово "народ" зацементировало народ на века.

Несмотря на различия между сословиями, поколениями, полами и областями, русские -- союз потомков, битых кнутом и плетями. Русские -- дети пытки. Там, где особенности индивидуальной жизни процветают за счет общественной, народ -- метафора или вовсе несуществующее слово. В этой стране оно передает суть неправого дела.

Изначально я был смущен и щедро испытывал чувство вины. Перед тем же народам. Но, спутавшие самоуправление с самоуправством, русские превратились в слипшийся ком, который катится, вертится, не в силах остановиться, вниз по наклонной плоскости, извергая проклятия, лозунги, гимны, частушки, охи и прочий национальный пафос.

Проснувшись, я осознал народ в сборной солянке, по общему настроению, которое он в себе квасит. Доходяги, интеллигенция, фаталистические позывы - все сравнялось. Я выключил телевизор. Я перестал болеть за команду.

моральная помощь гитлера

Если в Париже есть площадь Сталинграда, то это не даром. По большому счету, Гитлер помог России. Он создал ей хотя и не такой железобетонный статус моральной неприкосновенности, как для евреев, но тем не менее он его создал. В -е годы он переманил на сторону советской России всю прогрессивную западную

интеллигенцию, ставшую советскими шпионами мысли, в начале -х -весь западный мир.

Россия, лишенная неприкосновенности, не вызывает к себе уважения. Она, как правило, портит тех, кто к ней приближается. Неизменный отпечаток оставляет на всех, кто ее посетил.

Народ с "винтом" зря не рождается? -- Да ладно вам! Галактики и то премило blow up. Мне надоели назидания.

Было от чего растеряться.

Стремление найти презрению эстетический эквивалент привело меня в конечном счете к умственной горячке. Она дала диковинный приплод, и, всех оттеснив, возник жоак, что вывел меня из моего русского мира в свой, все изменив, ничего не порушив. Хотел бы заранее оговориться: движение по русскому миру не стало ни этнографическим, ни паталого-анатомическим. Оно не касалось ни общих маршрутов, ни запретных троп. Все эти подробности неважны жоаку. Движение шло по внутренней плоскости и редко складывалось в слова.

Я вобрал в себя Россию как художественное произведение.

гений места

Через неделю утром позвонил Пал Палыч. Спросонья я не сразу врубился. Он приехал ко мне домой, бегло похвалил квартиру, разулся по своему хотению, не расшнуровывая ботинок, и быстро прошел в кабинет. Он играл роль службиста, у которого сто сорок тысяч неотложных дел. Вместе с ним обозначился

референт, застегнутый на четыре пуговицы, не то голубой, не то просто элегантный молодой человек.

-- Не знаю, чем вам помочь, -- хлопотливо сказал Пал Палыч. -- Хотите хоть сто омовцев, хоть двести. -- Он подумал. -- Хотите танк?

-- Чего вы от меня хотите? -- сухо спросил я, живо представляя себя в танке.

-- Страной, -- в кулак откашлялся референт, -- руководит не президент, не правительство и не ЦРУ, как утверждают пенсионеры, а вот это самое, так сказать, вездесущее тело. Это не сказка, -- заторопился он, увидев мое недоумение.

-- Ну почему? -- сказал я как можно более небрежно. -- Россия и есть сказка.

-- Возможно, -- выдержал паузу референт. -- Иногда он живет на Ваганьковском кладбище, где похоронена ваша бабушка.

-- Идите вы сами на кладбище, -- сказал я, давая понять, что разговор закончен.

Пал Палыч поспешно вытащил из большого рыжего портфеля конверт и вручил мне. Я заглянул внутрь:

-- А еще говорите, что в вашем государстве нет денег. Пал Палыч по-генеральски потупился и невольно уперся взглядом в уставной непорядок

-- Не уследила! -- Пал Палыч застенчиво отправил мизинец левой ноги обратно в носок цвета хаки. -- Жена носки штопает. Такое у нее, понимаешь, хобби.

Референт бойко заговорил:

-- Польские, полушерстяные, люблинской фабрики. Не покупайте больше. Говно.

-- Понял, -- сказал генерал. -- Ближе к делу.

-- Если выйдете на контакт, -- обратился ко мне референт, -постарайтесь внушить ему... -- В передней со страшной силой хлопнула дверь, -- оставить нас в покое, -- пробормотал он.

-- Сквозняк, -- сказал я.

-- У нас в России от сквозняка может начаться все, вплоть до гражданской войны, -- озвучил референт свои опасения.

-- Почему -- я? -- спросил я генерала.

-- Вы там что-то такое писали о заре нового откровения, -- покраснел он.

-- Есть интерференция, -- прибавил референт.

-- Ну, мы пошли, -- поднялся с дивана Пал Палыч. -- Саша,-- кивок на референта, -- поступает под вашу команду.

-- Пойдите! Вы, случайно, не идиоты? -- поинтересовался я.

крутые девяностые

Между тем, Саша оказался вовсе не идиотом. Он был из тех, кто перепробовал сотни форм жизни в крутые русские девяностые годы. Он ощутил свист и скорость русского времени, когда час шел за год, как никогда ни до, ни, видно, после. Он был из тех, кто понял смысл энергии, перекроил пассивную ментальность.

Мало кто в России жил в -е годы -- почти все плакали. По разным поводам. Плакали от радости, получив свободу. Плакали обкраденные. Плакали обстрелянные. Почти все пугливо озирались, держась за карман, не включаясь в игру, шаря на обочине. Начиненная деньгами Москва казалась этим "почти всем" беднейшим, пропащим городом мира.

Деньги валялись на бульварах и площадях, залетали с ветром в подъезды, кружились на лестничных клетках. Их можно было сгребать метлой, -- только дворников не было, были новички-любители, и гребли они поначалу неумело, доморощено -- занятие настолько утомительное, что не хватало времени пересчитывать выручку по вечерам, так спать хотелось. Деньги держались в ведрах, тазах, больших кастрюлях, их были миллионы и миллионы, они обменивались на зеленые, и зеленых можно было за неделю накрутить на миллион.

Обменный пункт стал сильнее, чем "Фауст" Гете. Он работал без выходных.

Но для "почти всех" деньги были невидимками, они их не гребли, теряли. "Почти все" твердо знали, что раньше они ели помидоры, а однажды даже купили в покойном "Руслане" бельгийский, в клеточку, костюм; теперь не хватало на картошку. "Почти все" терпеливо ждали разъяснений по телевизору. Они не догадывались, что нигде в мире никто никому ничего не объясняет, когда на бульварах и площадях валяются кучи денег. Затем "почти все" плевались у телевизора и доплевались до того, что некоторые из них

стали бомжами. "Почти все" вяло ходили в поисках какой-то правды. Вдруг стало полно всего в магазинах. Это было особенно оскорбительно. И захотелось "почти

всем" увидеть пустые, привычные прилавки, уйти в добрый мир очередей.

Саша начал с носков в переходе. После носков и защиты свобод в живой цепи у Белого дома он торговал сигаретами, антиквариатом, иномарками, владел складами и магазинами, незаконно владел оружием, организовывал банки, хотел купить "Аэрофлот", вместо чего построил кирпичный завод и фабрику пуховых платков. Крупно горел, обанкротился, стрелялся в ванной и пропил немало собственной крови. Выжил, вернулся к "наперстку", вошел в игорный бизнес, надел красный пиджак, открыл мужской журнал, разорился, задолжал всем. Чечены его закапывали в подмосковном лесу. Точнее, ему предложили самозакапываться лопаткой.

Философией -х стала компьютерная игра. Виртуальность клубилась в воздухе весенним туманом. Каждому полагалось несколько жизней, гардероб менялся не по сезону, а по наитию, слетались птицы, звенели мечи, из груди вырывался звук боевого спазма. В Сашу стреляли, он отстреливался, работали скважины, он кинул деньги на Запад. Обзавелся недвижимостью в Лондоне. Завелись в голове тараканы. Занялся русской философией, задвинул православие, внял Алтаю, заделался отшельником, нырнул в буддизм, буддизм сменил на индуизм, плясал, ушел в астрал. Индуизм сменил на иудейство (не будучи евреем), какое-то время маялся атеистом, опростился, стал вегетарианцем. По воле сердца приняв епитимью, поменял джип на драные жигули, ужесточил разборки, дал зарок не прикасаться к женщине три года.

Это было десятилетие русского тела. Утрата материализма привела к обнаружению материальности.

Девочки стали мальчиками и -- наоборот. Желания обволоклись смазкой унисексуальности. Саша случайно обнаружил в себе мусульманство, завел пять саун и гарем, вошел в вуду, рванул на Карибы, оттуда -- в Нигерию, чудом остался жив в Лагосе, вернулся, покаялся в Даниловском монастыре, стал референтом. Он работал в безопасности и даже осмеливался передо мной восторгаться подвигами советских гэбистов, любил Америку, ненавидел Америку, ностальгировал по прошлому, в прошлое не хотел. Саше недавно исполнилось тридцать. Он продолжал эксперименты со здоровым образом жизни, сексом, кино, компьютерами, рекламой. Саша признал, что ситуация -- хреновая.

-- Блядь буду, если мы его не найдем, -- добавил он.
мишень

Я -- мишень. Живой теплый комок, пригнувшись, бежит по полю. В меня стреляют кому не лень. У меня грязное, потное лицо, грязная одежда, рваная обувь, кровь под ногтями. Наверное, безумный вид. Нет ни времени, ни сил думать о себе. Я бегу. Без всякой надежды на успех.

Рассматривая как-то дореволюционные фотографии в красивом английском альбоме, я поймал себя на нехитрой мысли, что каждый запечатленный на них вот-вот станет мишенью несчастья, которое каждого разворотит. Волжские бородачи с рачьими глазами, расф у ф ы р е н н ы е купчихи с чернявым блюдолизом-приказчиком под замоскворецким подолом, император на пне, отец Набокова с оторопевшим, как у всех либералов, лбом, четыре теннисистки с яйцевидными ракетками в своем харьковском имении,

офицеры, обсуждающие на досуге "Русское слово", деревенские отморозки, косящие в объектив, -- все впрок собраны для страдания, и, несмотря на их безмятежность, страдание уже прочитывается на лицах. Больше того, готовность к страданию. Не отпор, а пионерский салют. Готовность к унижениям. К мученической смерти.

Я испытал странное беспокойство. Такое прочтение фотографий было бы понятным, если иметь в виду знание о будущем, но я не мог отказаться от мысли, что будущее страдание присутствует в соотечественниках объективно, кем бы они ни были, независимо от злобы, любви и воззрений, независимо от меня.

На лица легла тень жертвы, куда более сильная, чем тень смерти, естественная для любой фотографии. Я подумал: завеса приоткрывается. В России существует особая добавка к обычной смертности, и даже в безобидном альбоме русские лица прекрасны той выразительностью, которую обеспечивает лишь насильственный выход из жизни. Их прозрачность, бледность как отсвет посмертной маски, смиренного пребывания в гробу с расстрелянным лицом красиво контрастируют с самонадеянностью заезжих физиономий. А в лучших русских сострадательных портретах, как у Крамского, есть любование несчастьем.

Будущее было заложено, разгадано и представлено, и только требовалось, чтобы наступило. Но именно потому, что оно в русских присутствовало, оно и могло быть возможно. Все сошлось.

Осиновый ветер. Быть русским -- значит быть мишенью. Жертвенность жертв -- тоже функция в мире, где мы освобождены от других обязательств, которые, на

худой конец, исполняем халтурно, поспешно, попутно. Бывают редкие периоды, когда русские забывают о своем страдательном залоге и начинают подражать прочим народам в их созидательном начале, что-то строить, к чему-то стремиться. Всякий раз это обрывается плачевно. Русская жизнь призвана отвлекать людей от жизни. Сопротивление русской косной матери только подчеркивает значимость этой матери. Россия должна быть собой точно так же, как Экклезиаст -- Экклезиастом, то есть одной составляющей библейских частей.

Иное дело, что свой чистый опыт, христианский по внешним формам, Россия хотела передать другим странам, с другим предназначением, и потому долго и напрасно мучала их.

В современных условиях Россия выглядит потерянно, проигрышно относительно прочего мира, где активное начало заявлено органическим образом. Однако Россия создана для молитв, тоски и несчастья. Россия -- это вид страны, которая производит людское несчастье. Существуют исторически все условия, чтобы страна бесперебойно была несчастной. Русская власть верно справляется со своими заданиями, какой бы ориентации она не придерживалась. Россия хороша в проработке утопических конструкций, которые заведомо неосуществимы и на развитие которых уходят многие жертвы. Большого странно ожидать даже от такой огромной страны.

И, как каждую страну, Россию нужно судить по ее внутренним ресурсам и финальному результату. Пусть результат, с точки зрения Запада, выглядит негативно. Пусть он со стороны Востока тоже глядится странно. Но в России есть положительная неспособность к так

называемой нормальной жизни. На каждого царя есть свой Распутин. Россия продемонстрировала крайности человеческой натуры, разрушила представление о золотой середине. Она показала тщетность человеческой свободы. Ее нельзя не уважать за верность самой себе.

Основным стилем писателей, писавших и пишущих о России, остается сочувственная слезливость. Ошибка и западников, и славянофилов в том, что они желают России счастья. Славные деятели со времен Чаадаева, должно быть, неправы в своем коренном беспокойстве по поводу отчаянного положения родной державы. Страх перед страхом, боязнь насладиться его глубиной свойственна большинству русской интеллигенции, Вечная и беспомощная идея вытащить Россию за волосы вопреки ее воле встречается из книги в книгу и становится, по крайней мере, назойливой.

Им всем подавай счастливую Россию с караваями, куличами и балыком. Их не устраивает килька в томате. По крайней мере, килька -- не их идеал.

Россия, бесспорно, опасная страна. Но здесь стоит согласиться с Ницше, призывающего "жить опасно". Проблеск определяющего национального сознания, смеси кнута и слащавого ханжества мне видится в позднем Гоголе, но даже у него не хватило сил провести мысль до конца. Предатели и некоторые иностранцы искренне пытались представить Россию как страну зла и несчастья, но делали это только ради политического или туристического интереса, и потому оставались недостаточно последовательны. Мы всякий раз шарахаемся от новых доказательств того, что здесь каждый -- мишень. Однако приходит время, когда страна б е г а ю щ и х м и ш е н е й о к а з ы в а е т с я

неконкурентноспособной, и общий труд, основанный на страхе и жертвенности, не выдерживает, наконец, компьютерных перегрузок.

Продолжая в том же духе, "легообразная" Россия скорее всего исчезнет с лица Земли. Как древняя Эллада, где

греческие боги превратились в назидательные игрушки. У нас с Грецией есть даже симметрия не слишком святого духа. Греция сгорела от религиозного формализма, Россия горит от формальной религиозности.

В экономии человеческого духа потеря России будет невосполнимой, не меньше, но и не больше того.

матрешка

Если верить матрешке, то жизнь -- кувырок в утробу. Центром русского мира заявлен эмбрион. Все остальное -- обложка, прана, покрывало. Какими бы клевыми тетками ни были большие матрешки, они поверхностны, самодовольны. В них -- статичное тщеславие жизни.

Взяв матрешку в руки, нельзя остановиться ее разбирать, развинчивать. Хочется докопаться до правды. Матрешка построена на первичной игре, знакомой младенцу, на ней же держится основной сексуальный эффект одежды -- игра в прятки. Правда похоронена в тайне. Правда требует жертв. Большие матрешки беременны маленькими, как своей многократной смертью. Скрипят, летят головы ради забавы. Чем дальше внутрь, тем меньше красок, слабее причуды, усталость художника. Матрешка -- сигнал хронического переутомления, светобоязнь. У самого маленького человека, плохо нарисованного по недостатку места,

истукана-эмбриончика, предполагается трогательность "деточки". Вспышка умиления. Тоска по родителям. На лице не морщины, а какая-то паутина, как терка, руки. Непонятно, мужчина, женщина? Шершавые материнские руки матери хочется поцеловать, отцовские морщины -- разгладить. Но русская целостность слишком мелка для эмоций, интегральность беспомощна, все это -- одни фантазии, и самая маленькая кукла всегда закатывается под стол.

сырость

Из корзины посыпались Лешки, Васьки, Нинки, Костики, Мишутки и всякие мелкие Павлики, случайно нашлись Толян и смурной Серафим, потом пошли отборные Иваны, круглолицые Ольги, оттуда же выпал повешенный железнодорожник с высокомерным лицом, далее обнаружили Николаи Николаевичи, Фролы Тимофеевичи. У русских все сырое, непрожаренное, непроперченное. И лица, и душа, и мать-Земля.

Леса -- сырые. Мы все -- сыроежки.

Еду в метро и чувствую, что мне противна эта потная сволочь. Инертная, покорная, прыщавая шваль.

Хочу ли я, чтобы Россия распалась на куски?

Чтобы Татария отделилась от Мордовии?

Чтобы Волга высохла?

Чтобы судорога прошла по Сибири?

Чтобы кончился балаган?

Хочу!

Хочу!

еще о русской свинье

Надо воспеть русскую свинью. Народ -- нерастаможенное понятие. Нерасторженное. Около % населения России составляет народ. Народ имеет свои особые способы оповещения. Он цепляется между собой колючками и корнями. У него электрический счетчик жужжит у двери. Он готовит пищу на двух газовых плитах. Он питается представлениями кошмаров. Во всем ему видится заговор. Против себя. Народ задает иногда вопросы. Слышит то, что хочет услышать.

Можно выйти из народа. По щиколотку. По колени. По пояс.

Пословицы не справляются. Частушками не откупишься. Раздражителей много. Народ сам по себе не выживет. Народ нуждается в поводыре. Царизм и коммунизм объединились в тяге к народному элементу. Одни ходили в народ, другие из него выходили. В народ ходили, как по грибы. Народность -- это такая грибница.

Наш народ, в отличие от французского, не разнародился. Но есть, например, мексиканский. Русский народ в чем-то уязвительно не уникален. Он похож на другие архаические народы Азии, Латинской Америки, Африки своей близостью к животному миру.

тетя нюра

Тетя Нюра проспала падение Империи. Она годами работала в газете "Правда" уборщицей. Это все равно, что работать уборщицей в замке у Кафки. Замка не стало. От СССР, как колеса, откатились республики. Тетя Нюра устроилась к ювелирам. Иногда, выметая пыль из-под кровати, она подбирала мелкие камушки. Некоторые из них были бриллиантами. Хозяин, приходя пьяным из казино, иногда давал тете Нюре зеленые деньги. Она долго не могла разобраться в зеленых

деньгах, а когда поверхностно разобралась, стала копить на всякий случай.

Она приходила ко мне с расспросами, но я не мог подобрать слов, чтобы объяснить. Не хватало общего понятийного аппарата. Я терпеливо, доходчиво пробовал и так и сяк. Она недоумевала, как это можно, кто позволил закрыть "Правду". Она верила мне, но не верила моим словам.

Тетя Нюра помнила коллективизацию и вроде бы не любила ее. Но она терпеливо относилась к голоду как к стихии. При Хрущеве она убирала у каких-то итальянцев, по всей видимости, в семье коммунистического корреспондента, и восхищалась чистотой квартиры, но что это были за итальянцы, она не разобралась.

Тетя Нюра пылесосит и говорит без остановки. Ничего не слышно. Поток подсознания, если выключить пылесос, наполнен неперевавленными кусками молодости, сценами грубой жизни, недостатком сапог, сплетнями о других хозяевах, соседе-татарине, который показал ей член, подпалил балкон, воняло резиной от шин: татарин попал в дурдом. Она не озлоблена, она -- трудяга. Сын -- пьяница, недавно опух и умер, зато толковый племянник врезал мне как-то замок. Тетя Нюра взяла старуху-погорелку из своей деревни жить в квартиру, значит, добрая. Ее мечта иметь отдельную квартиру не осуществилась.

Она мне мила. Когда выпьет пару рюмок водки, разойдется, поет частушки и говорит неприличности. Я пытаюсь вникнуть в нее. Она -- честная, беспокоится за моего сына. Но закладывает мне его всякий раз, когда представляется возможность. Считаю ли я ее человеком?

Сложный вопрос. Она, как жук, опрокинутый на спину, не понимает, что с ней происходит.

Если смоделировать реальность, в которой она живет, получится сказка испытаний. Их преодоление -- сплав усилий и чуда. Западный человек видит реальность как поле деятельности. Русский -- как сказочное пространство. Оно заселено существами, обладающими магической силой. Иногда эта сила равна нулю, иногда переворачивает мир. Сказочность внутреннего поля России -- в его принципиальной нерасшифрованности. Враги организуются как нечисть. Причины и следствия меняются местами. Завязываются зазеркальные связи. Сказка конспиративна. Черные кошки приравнены к проискам Провидения. Русский впускает в себя сказочное мышление и зависает на пороге двух миров, не находя покоя ни в житнетворчестве, ни в созерцании. Самобытность русского мира -- в самопоглощении. Магический мир привлекает меня волшебными фантазмами и напрягает неспособностью справиться с колдовством. Россия интровертна в своих возможностях и экстравертна в своей беспомощности.

Герой насыщается за счет испытаний. Если я против них, я выламываюсь из сказки в несуществующее пространство. Агенты сказки, пособники и вредители: поп, солдат, депутат, царь, купец, разбойник, милиционер, немец, московский мэр, баба-яга, змей-горыныч, налоговая служба, девка, жена, начальник, хохол -- находятся на своих местах до меня и после меня.

Я вхожу в мир с заранее заточенными символами. Я притворяюсь, что могу изменить иллюзорный мир иллюзорным действием. Тем самым я выполняю свою

сказочную миссию, и это по-настоящему русское индивидуальное существование, которое никто за меня не свяжет. Я превращаюсь либо в героя, либо в антигероя, либо просто в сказочного прохожего. От героя до жертвы -- шаг, и ноги уже разъехались.

Испытания преодолеваются разными способами, иначе не выжить: хитростью, обманом, изворотливостью, смелостью, долготерпением. В ход идут противоположные качества, сплетение которых и составляет русский моральный мир, ни на что не похожий. Имея подобный кодекс чести, трудно составить карту совершенного поведения. Единственным удалением от сказки может быть жестокая аскеза.

Насильственная смерть включена в сценарий не трагедией, а как неизбежность, и баба-яга никогда не задумается над своей жизненной ролью, иначе она перестанет быть бабой-ягой. Есть равновесие очарования. На этой земле сказочные понятия совпали с историческими требованиями. На суку -мочало. История России -- не выход из сказки (как у людей), а ее бурное развитие. Новейшие реалии по-прежнему упаковываются в сказочный лексикон. Странно после литературы девятнадцатого века говорить о неспособности русских к самоанализу, но это так. Тетей Нюрой засеяна Русь.

мужики и бабы

Все так запущено, что -- тишь да гладь. Большевики вовсе не были марксистскими идиотами, какими их рисует либеральная мысль. Раз народа больше, чем прочего населения, должна быть народная власть. Большевики хотели понять корни народовластия, создать соответствующее государство. Красная сказка кровава, но очень красива. Однако сказка слабеет во враждебном

несказочном окружении. Новые технологии срубили сказку. Россию приходится расколдовывать исключительно для того, чтобы она не погибла. Развитие реформ означает уничтожение народа в том виде, в котором он прибывает. Значит, бабы и мужики провалятся в тартарары.

больница

Как тяжело больным, русскому бояться сказать всю правду. Иногда ляпнут что-нибудь, причем не враги, а самые близ

кие, жизнь на него положившие, кто с ним больше всего возится, "утки" из под него выносит, от раздражения ляпнут, оттого, что извел выкрутасами, склонностью к побегу через окно, к езде на саночках, но потом опять вс[е] припудривают, приглаживают, а русский, тот тоже быстро забудет. А про себя русский думает:

-- Помогайте мне, помогайте. Не будете помогать, вам же дороже обойдется.

Но, скорее всего, и этого не думает. Лежит на кровати, яйцами болтает.

склонность к бесчестию

Бесчестие напоминает одеколон "Свежесть". Тому, кто не полюбил его запах в юности, нечего делать в этой стране.

Беспредел -- расширительное толкование возможностей. К этому надо подойти философски. Честь разрушает что-то очень существенное в человеке. Например, покушается на непредсказуемость. А предсказуемый человек -- не русское это дело.

В России по определению нет ни одного честного человека. Вот на чем надо строить общую жизнь. Это основа колхоза. Но это и основа поэмы. Россия состоит из кротких людей, способных на все. В этой стране должно произойти полное примирение с действительностью.

Даже нетерпеливый Белинский это однажды понял.

немного о себе

-- Хотите, я покажу вам наш семейный альбом?

-- Да пошел ты с альбомом.

-- Это наша семья.

-- Уроды.

-- Это отец.

-- По глазам видно: подлец. Вы очень похожи на отца.

-- Все так говорят.

-- А ваш младший брат и сестра похожи на мать. Сколько лет сестре?

-- Тридцать три.

-- Я бы дал сорок.

-- Я передам ей ваш комплимент.

-- А это что еще за говеный солдат?

-- Это я.

-- В тюрьме сидели?

-- Нет. А что?

-- У меня жена сидит за Можеем. Пишет, кормят сносно. Тоскует только. По дому. Стихи стала писать от тоски.

- За что села?
- По -ей. Любовницу мою убила. Из ревности. Ножом. И меня тоже хотела.
- Жалко любовницу.
- Любовницы не для того, чтобы их жалеть. А это кто?
- Моя сестра с мужем и детьми.
- У нее двое детей?
- Володя ходит в школу, а Леночка -- в детский сад.
- Я никогда не обижаю детей. А вы?
- Смотря кого считать детьми.
- А этот, похожий на Буденного?
- Дедушка. Его убили. А это бабушка Клава. Ее посадили на кол.
- Как на кол?
- Скорее всего, по ошибке. А это бабушка Сима.
- А что с ней?
- Ничего. Попала под электричку. У вас большая семья?
- Жена, я и дочь.
- У вас есть с собой их фотографии?
- Нет. Ненавижу.
- Обоих?
- Ну. Когда они что-нибудь едят, у них всегда изо рта падает. Макароны, огурцы.
- Сколько лет вашей дочери?

-- Семнадцать.

-- Курит?

-- Колется.

-- Я не думал, что у вас такая большая дочь. Скоро у вас будут внуки.

-- У нас уже были внуки и внучки. Пока Нина не думает выходить замуж. Кончает школу и хочет поступить в Институт иностранных языков. Нина мечтает быть переводчицей.

-- Какой язык она изучает?

-- Дрянью какую-то.

-- А вас как зовут?

-- Павел Андреевич. Я очень люблю спорт. Мой любимый вид спорта - футбол. Иногда мы ходим в гости к друзьям или приглашаем их к себе. Мы всегда напиваемся, я и моя жена Марина. Только она квасит текилу, а я - водку.

-- Чем занимается ваша жена?

-- Марина -- детский врач. Специалист по абортам. Она любит свое дело и работает с интересом. Марина хорошо поет, у нее красивый голос. Раз в неделю Марина ходит в Дом культуры, где поет в хоре. А эту вашу бабушку, которую на кол посадили, ее кто посадил? Есть в мире только один народец, который может посадить бабушку на кол.

-- Кого вы имеете в виду?

-- Я не прав?

-- Как ваша фамилия?

-- Зачем вам? Белов. Мне лет. Я родился в Москве и всю жизнь здесь живу. Я склонен к бесчестию.

живописность

Иван Грозный, убивающий сына, живописен. В России любят тех, кто замучил и убил многих русских. Русская власть в основном уничтожила собственное население, а не чужое или врагов, как в других странах. Отделить кровожадность от забавы и заботы о стране невозможно. Это и есть русская живописность.

Несмотря на то, что Иван Грозный был садистом, многие его любят из принципа. Другие любят его садизм. Нет слов: Иван Грозный -- это русский ренессанс.

закат россии

Дом построен -- хозяин умер. На Западе дома построены. А мы -- без домов -- ходим живехонькие. Фундаментализм -- агония мировых религий. Что-то будет дальше? Русские все время считали, что закат Запада неизбежен. Они, кажется, просчитались. Вместо Запада закатывается Россия. Правда, после революции тоже думали, что Россия завалилась. Но в том безумии была энергия. Бредовый энтузиазм. Русский наливается утопией, как гноем. Потом он лопается. Все идет в ногу, мы шагаем -- левой. И это переполняет нас законной гордостью. Мы всех хотим научить ходить не в ногу.

Русские не знают, что такое "норма". Они видят, что другие живут по-другому, но у самих так не получается. Идут годы -- не получается. У немцев получилось, у японцев получилось. Здесь не надо. И все этому не то что радуются, но не особенно беспокоятся. Ну, подумаешь. Что станет с Рос

сией, если она закатится? Что делать с этим большим разлагающимся трупом?

Присыпать гашеной известью.

мама

-- Мама! Что значит -- быть русским? Молчит.

-- Мама! Мама!

-- Чего тебе?

-- Что значит -- быть русским?

-- Чего?

-- Что значит -- быть русским? Молчит.

-- Мама!

-- Отстань! Надоел!

-- Мама!

-- Сказала тебе русским языком -- отстань!!!

-- Мама, не бей!

-- Молчи, засранец!

-- Мама! Мамочка! Не убивай!

учебник

Почему мама не захотела ответить сыну на поставленный вопрос?

По какой причине она стала его бить? Убила ли она его в конце концов, или сын все-таки выжил?

сказка

На сказку многие ловятся. Сказочная Русь стоит перед глазами. Зори неоприходованы.

описание нации

Русский состоит из "ничего", которое включает в себя "вс". Русский считает, что ему ничего не принадлежит. Русский считает, что ему принадлежит весь мир. При внешней мягкости и певучести России, при ее бабьем обличий, любви к кефиру, в этой стране живет население с чудовищным аппетитом. Вчера -- вс, сегодня -- ничего, завтра -- снова вс. Если окультурить и грамотно раскрутить этот стиль "вс-ничего-вс", можно стать модной страной, вроде Непала.

эстетический образ врага

После падения Берлинской стены, организованного во многом русскими хлопотами, если не сказать русской щедростью, несмотря на известное сопротивление союзников ФРГ, казалось бы, должна была начаться эпоха взаиморадостного соседства. И, верно, был момент, когда в воздухе ощущался дух братания. Все это кончилось неприятно быстро.

Мы разочаровали Запад и в чем-то самих себя, оказавшись "другими", не такими, какими бы европейцы хотели нас видеть. И хотя даже в самых неприхотливых американских фильмах существует пропаганда любви к "другому", не похожему на тебя, будь он хоть инопланетянином, хоть негром, русские не стали любимы в "другом" качестве. Запад скорее предпочел "других" китайцев, несмотря на то, что по общественным стандартам мы -- куда свободнее, нежели грамотно репрессивный современный китайский коммунизм. В конце концов оказалось, что в европейском доме для нас нет даже того угла, который предоставили румынам и прибалтам, не говоря уже о поляках и чехах.

Многое объясняется общественным варварством нашего затянувшегося переходного периода, но -- не все. Западная эстетическая норма жизни стала диктатором не только стиля, но и политических пристрастий. Русских не взяли в НАТО именно по эстетическим соображениям, как не прошедших face control.

Даже враждебные к России люди, ненавидящие ее хаос, которых я не раз встречал в Европе и США, не отрицают талантливости русских. В среде русских, действительно, встречаются таланты. Весьма противные индивиды, бывает, одарены интересными свойствами. Будь русские посредственной нацией, их бы вообще не было.

Идея национального характера, которая в Европе после Гитлера считается скользкой темой, -- единственная возможность понять Россию. Русские - позорная нация. Тетрадка стереотипов. Они не умеют работать систематически и систематически думать. Они больше способны на спорадические, одноразовые действия. По своей пафосной эмоциональности, пещерной наивности, пузатости, поведенческой неуклюжести русские долгое время были прямо противоположны большому эстетическому стилю Запада -- стилю cool. Строго говоря, об этом cool русские вообще даже не догадывались. Между тем, это понятие из элитарной моды превратилось в состояние, которое определяет в последнее время западную культуру, что вышла за пределы литературы и кино, вобрав в себя на равных основаниях "красу ногтей" в высшем смысле, то есть культура растворилась в каждодневном быту, быт -- в культуре. В Берлине или Париже вам точно укажут: эту марку сигарет курят только лесбиянки, а на той марке машин ездят одни пасторы. На русской стороне ни

официальная, ни "кухонная" культуры по понятным причинам не только не шли в ногу с

западным развитием событий, но круто забирали в сторону. Мы смотрели западные фильмы, листали западные журналы и читали западные книги, если это удавалось, совсем по-другому, чем западные потребители культуры. В любом случае, мы не видели во всей этой продукции объединяющей идеи, поверх барьеров столкновений консерваторов и либералов, архаистов и новаторов. Мы углублялись в экзистенциальный смысл, не замечая становления новой формы. Мы проморгали то, что составляет эстетическую сущность Запада последних -ти лет, о чем уже десятилетия назад было объявлено в двух установочных статьях журналов "Тайм" и "Лайф", на которые откликнулась молодежь от Лос-Анджелеса до Кейптауна, Токио и даже социалистической Варшавы.

Понятие cool (этимологически -- "прохладный"), возникло в США в конце -х вместе с джазовой пластинкой Майлса Дейвиса "The Birth of the Cool" и книгами Джека Керуака. Последнего можно считать идеологом "кула", в -ом году писавшего о разнице между "сырым" и "кул"-сознанием как о противоположных формах самосознания. "Кул"-сознание, до сих пор не имеющее русского словесного эквивалента, не оставляет в человеке неотрефлексированных, "темных" сторон. Ему свойственны открытость, прозрачность, внутренняя эротичность, ироничность, подчеркнутая стильность, что обнаруживается в его джазовых корнях. Далекое не все кумиры Запада были "кул". Ни Элвис Пресли, ни Мэрилин Монро в эту категорию не попадают. Зато лучшее, что есть в "Битлз", мюзикл "Вестсайдская история" Леонарда Бернштейна, песни Боба Дилона, с одной стороны, а с

другой -- улыбка, прическа, стиль одежды президента Джона Кеннеди (особенно если его сравнить на общей фотографии с Хрущевым) -истинный "кул".

Постепенно "кул" стал венцом глобальных американо-европейских усилий лицевых мускулов, голоса, моды, рекламы, кодекса поведения. Манеры советских дипломатов, как и родная культурная продукция, не проходили на Западе без сильной дозы иронии. Разрыв между западной модой и "русским стилем" привели к тому, что в сознании Запада после развала СССР русские заново оформились в образ врага, но уже не идеологический, а эстетический, менее опасный, более смехотворный. В сравнении особенно с эксцентричной, взвешенно заикающейся "The cool Britania" в интерпретации британского премьера, мы -- нервная, дергающаяся, застенчиво-нахрапистая масса. Нет среди белых людей в мире больших анти-"кул" (включая румынов), чем русские.

Тем не менее, Москва в течение -х годов усиленно стремится стать "кул", волей-неволей устремившись за Западом, донашивающим эту моду за неимением новой. Даже милиционерам пошили прозападную униформу. Но русское неофитство (ну, молодежные журналы, выступающие под обложкой "кул") не вызывает евро-восторгов по причине блеклой подражательности.

Однако... Пушкин! -- у нас есть свой фундаментальный "кул". А "Герой нашего времени"? -- да. А "Ревизор" Гоголя? "Лолита", возможно, одно из наиболее "кул"-произведений XX века. Who's cool in Russia? Илья Кабаков, лучший Бродский, где-то Сорокин, в чем-то Пелевин, дюжина фотографов, одна модная якутская манекенщица тоже адекватны "кул"-жанру,

хотя, понятно, не сводятся к нему. У нас есть и советский классический "кул", вроде "Кавказской пленницы". Наконец Сталин, "кул"-режиссер самого крутого политического театра мира.

беломорканал

Русская женщина любой разновидности атавистична, как каменный пень, что иногда способствует ее шарму. У нее запах тела, давно не употреблявшего духов. С кожи тянет запахом тления. Впавшие глаза. Подавленность. Севший голос. Там, на воле -- как будто на луне. А забор в двух шагах. Как когда-то в Берлине или в международном аэропорту. Многие бабы открыто хвастаются своей интуицией и подозревают за собой ведьминские способности, которыми порой устрашают мужчин. Другие, напротив, любят в себе блядские черты. Блядовитость русской женщины, изнанка ее застенчивости, ярка буфетно-ресторанным колоритом. Налей, поднеси, обслужи. Блядовитость -Беломорканал отечественной жизни.

русская правда

Не будешь уважать другого, тебя не будет. На этом контракте Запад держится двести лет. Банальность посылы окупается комфортным результатом.

Основная мерзость русской жизни -- не хамство, даже не отношение к человеку как к говну, но негласное согласие на продолжение недостойной жизни и стремление к ее оправданию. В умении все оправдать заключается русская правда.

кто виноват?

Накопление описаний составляет культуру. У русских большое количество описаний. Это -- русская литература. Непонятно, однако, почему, несмотря на большое количество описаний, русские не набрались культуры. Я знаю, что ни Тамара Николаевна, ни Людмила Валентиновна, ни Николай Павлович, ни Дмитрий Васильевич, ни множество других людей ни в чем не виноваты. И Михаил Кузьмич тоже ни в чем не виноват. Есть, однако, такие места, где отсутствие описаний особенно хорошо видно.

надежда

Надежда в России умирает первой. Вот вывод, который можно сделать из отечественной истории.

я ехала домой

Что такое счастье? Это пудинг.

Это просто пуд-д-д-инг. Наше счастье.

не закрывайте мне небо

Мне нравится быть русским. Мне нравится пропускать все мимо ушей. Иду и пропускаю все мимо ушей. Мне говорят, что так нельзя. А я говорю: не говорите мне "нельзя". Я этого не выношу. Не закрывайте мне небо.

быть русским

-- Провинившихся в прошлой жизни Провидение отправляет на переплавку в Россию, -- сказал Серый. -- В качестве наказания.

-- Кого именно? -- поинтересовался я.

-- Ну, там всяких блядей и мошенников, -- сказал Серый. -- В общем, нечистых.

-- А как же Рублев и прочие?

-- Для контраста.

история национального футбола

Петр Первый повел мяч в Европу, ударил, промахнулся -- разбил окно.

Сборная команда мужиков с бородами погнала мяч в Азию.

Здрав юбки, Екатерина Великая перехватила инициативу.

Павел отобрал мяч и погнал его в сторону азиатских ворот.

Александр Первый, завладев мячом, отправил его в сторону Европы.

Николай Первый погнал его в сторону Азии.

Его сын, Александр Второй, отбил его далеко в сторону Европы.

Александр Третий отфутболил мяч в Азию.

Николай Второй побежал трусцой в западную сторону.

Ленин повел мяч в сторону Азии.

Сталин, с подачи Ленина, забил гол.

Счет стал : .

Хрущев начал с центра поля и, сам не зная почему, погнал мяч в Европу.

Брежнев отправил его в Азию.

Горбачев играл на европейской стороне поля.

Ельцин продолжил его игру, но во втором тайме растерялся. Стоит и не знает -- куда бить.

Раздался свисток. Кончился пропущенный век.

беседа о главном

-- Было время, когда я страстно переживал за судьбы родины, не спал ночами, весь в мыслях, как ее освободить.

-- От кого? -- не понял Саша.

-- Русские -- мастера придумывать себе врагов. Это не могло мне не надоест.

-- Нас снова обокрало государство! -- радостно продекламировал Саша.

-- Не государство! -- нахмурился я. -- А тот, кого мы ищем!

-- Мы отомстим! -- поклялся Саша.

-- Человеческий климат России хуже экономического колапса и агрессивного попрошайничества, -- заявил я.

-- Я убью эту гадину! -- заорал Саша. -- Дайте мне, пожалуйста, "Нарзана".

-- Наивному дураку, мне казалось, что вся эта советская нелепость -наносная случайность, но вот я сам убедился, что русские могут "заспать" другие народы, как свинья -- своих детей, и на утро даже не почесаться.

-- Свинья не может "заспать" себя, -- возразил Саша. -- А у нас это замечательно получается. Спатеньки-заспатеньки, -- запел он, сильно ударяя себя по коленям.

-- Охи-крохи, -- подхватил я. -- Наивность нового поколения, бросившего превращаться в средний класс,

самовыражаться и самоутверждаться, вызывает у меня не меньше презрения, чем глупость их отцов и матерей.

-- Презрение -- тонкое чувство, -- с легкой обидой рассмеялся Саша. -Молодежь должна взять власть в свои руки.

-- Конечно, я не могу сказать, что остался ко всему равнодушен. Меня смущает гностическая мысль о неравенстве душ, но, глядя на народные подвиги, я не могу не признать,

что первобытное состояние, в котором пребывает народ, -- производное его умственных возможностей.

-- Счастливые народы, живущие под счастливыми небесами, как итальянцы, несколько путают нам карты, -- вздохнул Саша. -- Давайте создадим тайное общество.

-- Какое?

-- По созданию нового Бога.

-- Дайте мне закончить про Россию! О России обычно пишут с оглядкой. Ее либо жалеют, либо стремятся понять. Но понимание затруднено не сверхсложными особенностями сознания, а, напротив, излишней простотой здешних

нравов.

-- Вот мы сейчас говорим-говорим, а над Капри висит луна, как сочная долька лимона, -- сказал Саша.

-- Человек, который не понимает своих интересов и сознательно вредит себе в течение жизни, в самом деле кажется загадочным. Народ, оставшийся архаическим образованием после запуска спутника и создания ядерного оружия, опасен и беспощаден.

-- Я, разумеется, скрываю свои убеждения, -- сказал Саша.

-- Внешне я провожу линию интеллигентного человека, -- добавил я.

ближний свет

Если бы в России не было русского языка, а разговаривали бы, например, по-немецки, то здесь вообще ничего бы не было. А так, по крайней мере, есть русский язык

Когда кавказский человек с активным отношением к жизни хотел в советской Москве поужинать в ресторане, он всегда находил слова, чтобы получить вкусную пищу.

-- Слушай, -- говорил Кавказ, и так весомо произносил свое сознательно испорченное "слушай", внятно морщил нос и близко подносил к нему пальцы, отделяя себя языком тела от носителей непорченного языка, что официантка тут же начинала приветливо вилять шариковой ручкой. И некоторый богатые евреи из богемы тоже умели заказать себе что-нибудь вкусное, на их палочках шашлыка не было кусков из одного несъедобного жира, а на моих они были. Дело не просто в том, что официантка верила в грузино-еврейские чаевые. Она верила в языковой напор, постановку голоса. А русский, если он был со стороны, командировочный или просто с крашеной любовницей, никак не мог словесно пробиться к официантке, даже если был при деньгах. Он барахтался в пассивных словах. Поэтому русский ел говно.

Некоторые считают, что русский язык засорен большим количеством мерзких слов. К ним относится мат. Кроме того, постсоветский язык Но советский язык --

это все равно что носить сине-красную милицейскую форму с фуражкой: жмет, тесно, болтается, давит. Надеть на любого русского милицейскую фуражку -она окажется сильнее русского. Так было. Все выглядели милиционерами. Я почти не знал исключений.

Я люблю мат за его магнетизм. Но мне нравится тонкое перерождение нравов, нежный корректив в отношениях, когда "блядь" тихо переплавляется в "блин". Я люблю языковую "чуму", табачную смесь разных фень. Когда кончились шутки, высохли как понятие, потому что шуткой стало нельзя образумить действительность, слово сдалось -- начались приколы. Я фильтрую базар, я строю людей, чумарю детей -- чисто так, у меня все пучком, несмотря на то, что все так запущено.

В советские времена машины ездили по ночам с подфарниками. Подфарники -- это скромно. Когда коммунизм кончился, сами собой перешли на ближний свет. Тем самым заявили о себе. Активно. То же самое и постсоветский язык. Зажгли ближний свет. А некоторые стали ездить с дальним.

Но те, что стали ездить с дальним, так быстро поехали, что половина из них оказалась в Москве-реке. Их там постоянно вылавливали. И потому язык выбрал все-таки ближний свет.

Он освещает то, что есть: женские ноги, мусорные баки, тоску по надежде, всякую дрянь. Подфарники освещали только самих себя. А ближний свет -- это уже свет.

инсталляция пессимизма

Поразительное чувство частичной правоты всех. Прав Грозный, обидевшийся на Курбского. Прав Николай,

обидевшийся на декабристов. Прав Курбский, не стерпевший русского ренессанса. Прав обыватель, не верящий никому. Прав кабацкий Есенин. Прав мир искусств, отворачивающийся от вонючей России. Правы те, кто хотят имитировать Запад, вдохнуть в Россию его энергию. Никто не прав.

-- А слабо вам замириться с государством, найти в нем что-нибудь "милое"? -- спросил меня Саша.

Сомнительность попытки, квалифицируемой как предательство, мракобесие или усталость. "Милое" не находится, "милого" нет. Отчаянное пробуждение к вечным ценностям посреди говна. Хамское высокомерие вечно занятой собой власти, не имеющей времени объясниться с людьми. Новые обиды. Сила русской интеллигенции -- внеправительственное мышление. Оно же -- вечная слабость. Бесконечное письмо Белинского Гоголю.

Теперь, глядя на то, что случилось, мне кажется, что это произошло не со мной. В России быть пессимистом -- как отстреляться. Ничего не принять, никого не признать. Стоишь -- поплеываешь. Если будет лучше, чем ты сказал -- забудут. Если хуже, призовут к ответственности: "Ты обещал!"

Редкие случаи благородного служения отчизне, никогда не признаваемые подозрительными современниками. Неверие в собственность, нажитую нечестно. Зуд передела. Горечь во рту -- основной привкус родины. Неспособность заставить страну работать на себя. Неспособность преодолеть извечную отчужденность государства от человека. Бесконечное нытье. Словоблудие диссиды. Мартиролог. Бесконечный сволочизм русской жизни. Когда жизнь идет вопреки

жизни. Возведение отчаяния в степень героизма и последней национальной истины. Разочарование диктует отвращение к стране.

-- Дух Лермонтова, -- обобщил Саша.

Мы не могли с ним наговориться. Мы говорили и обобщали. Ночи напролет. Наши слова сливались в экстазе.

Пробуждение кондовой России. Она выдвигает идею предательства, соблазна соращения страны Западом, евреями, грамотеями. Все забывается. И повторяется. Долгая ночь политических разборок, которых за глаза хватает на целое поколение.

В чем чудо России? В русской патологии есть дополнительное измерение жизни. Вот главная ценность. Да, но кто принадлежит этому измерению? Низы безответственны, противны. Интеллигенция как сословие истерична. Никого нет, но есть люди.

-- Они приоткрываются и исчезают, -- предположил Саша.

Говорят, отношения между людьми в России уникальны. Разговор, действительно, может зайти далеко. Глубоко. В дополнительном измерении между мной и Сашей проскакивает искра. Мы озаряемся, и тогда нам кажется, но то, что нам кажется, никогда не будет. Однако на секунду, когда в темноте мы озаряемся, это "кажется" полно очистительной энергии. Она приводит случайный разговор в состояние экзистенциального обнажения.

здравствуйте!

-- Здравствуйте! Почему не здороваетесь?

-- Да неохота.

-- Что так?

-- Ну, если здороваться, то потом надо, по большому счету, прощаться. Не мое это.

-- Вы -- Серый?

-- Ну!

книга

О русских написано много, как ни о ком. Но русские не читают ученых записок. Их воспевают или поносят, а русские не читают. Ничего не доходит. Раньше сбрасывали на железный занавес. Оказалось -- хуже.

гордость

Мы летим с Сашей на коллоквиум в Бухарест. Бухарест не принимает. Садимся в Софии. В аэропорту открываем утреннее пьянство. Заливаемся водкой. Саша хочет домой. Сует мне деньги.

-- Посади в машину. Меня -- в Чертаново!

-- Здесь нет Чертаново. Это София.

-- Хочу в Чертаново!

Он выбегает на площадь. Садится в такси. Таксист увозит его в Чертаново. Я -- один. Я прихожу в Румынии на коллоквиум, стою, пью вино и вызываю к себе интерес.

-- Вон русский стоит.

Французы, немцы, поляки стоят -- и ничего. А русский встал -- сразу интересно. Русский обязательно чем-нибудь отличится. Или опоздает. Или забудет что-нибудь. Или потеряет. Или сморозит чушь. Или

блеснет умом. Или кого-нибудь возьмет и выебет. Или наблюдает на пол.

И я, загадочный русский, знаю: меня нельзя разгадать. Я не поддаюсь анализу. Анализу поддаются разумные существа. Я сам не знаю, что выкину, руководствуясь неинтеллигентными соображениями. Могу броситься в огонь и спасти ребенка. А могу пройти мимо. Пусть горит! Пусть все горит! Я, моральный дальтоник, не вижу различия между да и нет. Мне говорят, что я -циник. Но это уже звание. А я -- без звания. Может быть, я бессовестный? А это -- как повернется. Я люблю глумиться, изводить людей. Но я помогу, если что. Я хочу, чтобы уважали мое состояние. У меня, может быть, тоска на душе. Тоска -- это заговор "всего" против меня.

отделение русских от россии

Можно договориться с черепахой, но попробуй договорись с ее панцирем. То же самое и Россия. Россия радикальнее русских. Создание сильнее создателей. С русскими кое-как еще можно иметь дело; с Россией никогда не договоришься. Слишком много говна в нее слито.

Понимая, что что-то не то происходит, но сказать не умея, русские придумали себе вымышленную родину и поверили в нее. Одни называют ее так, другие -- иначе.

Надо отделить русских от России. Россия говнистее русских.

где он?

Где искать Серого? Зачем искать? Если не найти теперь Серого, Россия потеряет свое лицо. Возможности России состоят в воображении русского человека.

суд

Русский суд страшнее Страшного суда.

лишние люди

Никак не получается увидеть себя такими, какие мы на самом деле. Что-то мешает. Не потому ли русские -- не Монтени, то есть не способны к самопознанию, что иначе -- беда?

Предусмотрительно заблокированная система.

Если ее взломать, то получится, что национальная идея русских -никчемность. Нет никакой другой идеи, которую русские проводили в жизнь более последовательно. Во всем непоследовательны, в никчемности стойки.

На такой идее каши не сваришь. И не надо. Национальная идея -- не надо варить кашу. Кто берется варить кашу -- тот не русский. Никчемность -нулевая степень созидательности, неумение что бы то ни было довести до конца. Самолеты падают, автомобили глохнут. Никчемность -- пустоцветная духовность, близость к религиозному созна

нию, но с противоположной стороны. Крайности склонны путать. Отсюда вечное недоразумение с богоносцем. Россия -- негативная теология. Было время, когда писатели нашарили сословие лишних людей. Но дело не ограничивается ленивыми умниками. Бизнесмены России -- тоже лишние люди. Они не нужны. Не нужны пенсионеры. И сами писатели -- лишние люди. Крестьяне

тоже не нужны. Зачем пахать вечную мерзлоту? Рабочие совершенно излишни. Во власть идут одни лишние люди. Дети -- неходовой товар.

Каждый в России -- лишний. Однако из социального ряда, где это звучит настораживающе, лишнего человека достаточно перевести в метафизический, чтобы никчемность превратилась в добродетель и все встало на свое место. Возникнут метафизические крестьяне, им подадут руку метафизические рабочие, они вместе встанут на пьедестал.

А если бы Наполеон завоевал Россию, как о том мечтал Смердяков? Все равно бы все обошлось. Отсюда такой расцвет искусств и литературы перед революцией. Грандиозное собрание лишних людей. Россия лишает сала, оставляет один на один с бытием, без посредников.

россия и африка

Не зря русские смешались с татарами, и теперь непонятно, была ли Куликовская битва или просто гражданская война. А если бы, на самом деле, не понравилась русским Византия, можно было бы, на худой конец, перекраситься в католичество. Призвали или не призвали славяне варягов княжить -незначительный спор, а то, что могли призвать (нашли тоже, кого призвать: северных дикарей!), не справившись с собой, это точно.

Как важно уметь не справляться с собой, не быть жандармерией собственной личности. Все с собой справляются, причесывают инстинкты, стригут ногти, читают газеты, а мы не справляемся. Ни с собой, ни друг с другом. Мы выше этого. Но и другие тоже с нами не справляются. Варяги не справились. Цари оплошали. Даже Петр Первый не справился. Бороды брил,

стрельцам головы рубил, хуй у царя стоял, ничего не вышло.

Россию пора, наконец, колонизировать. Как Африку. Колонизация Африке помогла. Проложили дороги, столбики вдоль них поставили, красно-белые, как во Франции. Научились говорить "спасибо" и "пожалуйста". Завезли в магазины нормандские сыры. Не все, конечно, получилось, не все полюбили сыры, по-прежнему прозябают, керосин жгут, но что-то все-таки удалось.

Попросить, чтобы русских колонизировали. Без всяких поблажек. Кого? Только не немцев. У тех нервы плохие. Могут русских перебить. Выгоднее всей Россией попроситься в Японию новым островом. Или, по примеру Аляски, уйти на торгах за семь миллионов. И русские научатся есть нормандские сыры, запивать их бургундским вином. Преобразятся неслыханно. Но своеобразие останется. Как у африканцев. Те все равно едят руками. Верят в своих, не французских богов. Носят божественные одежды бубу с королевским достоинством. Чем Россия хуже Африки? А если хуже, раз у нас нет бубу, нет умения достойно носить одежду, нет гибкости в пальцах и танцах, что тогда?

эмиграция

Россия не забывается. Все в ней плохо, но не просто плохо, а чудесным образом плохо. Русская эмиграция, даже самая

просвещенная, не вырастает в другую реальность. Поляк уедет в Германию -- не потеряется, язык выучит, раздастся, усы топорщатся. Мы же не складываемся в чужой шкатулке. Нам надо отрезать хвост. Мы -- хвостатые.

Пленные немцы и то с каким-то смешанным чувством вспоминали Россию. Обрусели фрицы. Им тоже померещились хвосты.

Русская эмиграция -- перерождение, как смена пола. Не хочу быть пай-мальчиком! Хочу снова быть бабой! Все жалуются. Ностальгия душит до слез. Назад, в бабы. Но ужасно боятся своей родины.

Русские за границей -- уже во втором поколении -- кастраты. С виду морды еще более-менее те, но начинка другая, не нашенская. Разлагается все-таки вне России русская порода.

внешность

Русские, как правило, неэстетичны. Неряшливы. С пятнами. На штанах пятна. На жопе тоже пятна, если не прыщи и пупырышки. Пятнистые гады. Плохо пахнут.

труд

Труд в России гасится с двух сторон. Со стороны позыва и -- результата. Я хотел поправить каждый забор, выпрямить столбы, но понял: делаю не то. Сделанное не стоит, но потому и делается плохо, что оно все равно упадет. С другой стороны, потому и не стоит, что делается плохо. В России не надо ничего самому делать. Все равно как-то само по себе сделается.

усталость

Меня всегда удивляло, что люди на Западе так быстро устают. Говорят -много работают, но это не много. Они -- какие угодно, но только не жилистые. А вот русский -- жилист. Раздеть его -- он состоит из одних жил. Русский редко жалуется на усталость. Я, например, смущаюсь, когда устаю.

вышний волочек

Саша показал мне карту, и мы приуныли. Россия лежала на карте большой разведенной гармошкой, кинутой после пьянки. Длинная родина, за сто лет не объедешь. И мы поехали в Вышний Волочек на междугороднем автобусе. Вдруг крупными хлопьями повалил снег. Вышли на автобусной станции, съели чебуреков, пошли по колено в снегу в сортир.

Общественные сортиры в России -- это больше, чем тракт по отечественной истории. Это соборы. С куполами не вверх, а вниз. Их бы показывать туристам, как Грановитую палату, с приличествующим самоуважением. Россия дяденька-проруби-окно-либералов уже не первый век стесняется своих сортиров -- считает своим слабым местом. Однако общественная жизнь людей лучше всего определяется подлинной, а не по-католически ханжеской общественностью сортира. Наши места социальной сходимости по натуральной нужде, связывающие человека с природой, не погубила историческая дестабилизация как следствие снижения пассионарного напряжения этнической системы.

Сортиры отстаивали свою самобытность, несмотря на тех дяденек-проруби-окно-эгоистов, которые не способны

к самопожертвованию ради бескорыстного патриотизма. Сортиры спасла твердая позиция неприятия иноплеменных воздействий. Нам есть чем гордиться. Мы преодолели условности. Мы вышли в открытый сортирный космос. Мы все -космонавты общественного толчка. Я бы повесил перед входом в каждый общественный сортир андреевский стяг. Пусть развеивается. А на стене -- иконы и портрет президента. Я много видел чудесных сортиров, они все так или иначе

недействующие, подспудно обличающие философскую суету Запада, но нигде больше не видел такого византийского чуда, как в Вышнем Волочке. Там перегородка между женским и мужским отделениями идет не по низу, а по верху, от потолка. Голов не видно, а все остальное -- как на витрине. Сидят бабы всех возрастов, рядом, и ссут-срут с большой пассионарностью, безголовые, в дырки. Трусы, анатомия, пердеж и ток-шоу. Кто курит, кто газету читает, кто переговаривается о насущном, кто просто пассионарно тужится, забыв обо всем. Эротический театр, торчи сколько хочешь, хотя вони, конечно, много. Мы вышли оттуда и решили дальше не ездить. Зачем? И так все пассионарно на родине до предела.

ленин

Ильич знал, что делать. Необходим заговор против населения. В России надо все переделывать конспиративно. Только насилие способно привести страну в чувство. С населением не считаться. Если убить половину (не жалко -народа много), вторая будет сговорчивее. Потому что население не сознательное. Никчемность не вяжется с демократией. Русских надо "строить".

Консерваторы полагают, что русские ни на кого не по

хожи, и только сильное государство способно обуздать их. Чем бесчеловечнее государство, тем лучше. На мой взгляд, консерваторы знают подноготную русской жизни. Русских надо держать в кулаке, в вечном страхе, давить, не давать расслабляться. Тогда они складываются в народ и кое-как выживают. Консерваторы всегда звали подморозить Россию. Русских

надо пороть. Особенно парней и девушек. Приятно пороть юные попы. В России надо устраивать публичные казни. Показывать их по телевизору. Русские любят время от времени поглядеть на повешенных. На трупы. Русских это будоражит.

У русских нет жизненных принципов. Они не умеют постоять за себя. Они вообще ничего не умеют. Они ничего не имеют. Их можно обдурить. Русский -очень подозрительный. Русский -- хмурый. Но он не знает своего счастья. Он любую победу превратит в поражение. Засрет победу. Не воспользуется. Зато всякое поражение превратит в катастрофу. .

У русского каждый день -- апокалипсис. Он к этому привык. Он считает себя глубже других, но философия в России не привилась. Куда звать непутевых людей? Если бестолковость -- духовность, то мы духовны. Нам, по большому счету, ничего не нужно. Только отстаньте. Русский невменяем. Никогда не понятно, что он понял и что не понял. С простым русским надо говорить очень упрощенно. Это не болезнь, а историческое состояние.

Россию можно обмануть, а когда она догадается, будет поздно. Уже под колпаком. Россию надо держать под колпаком. Пусть грезит придушенной. Народ знает, что хочет, но это социально не получается. Он хочет ничего не делать и все иметь. Русские -- самые настоящие паразиты.

самодур

Когда русский все имеет и ничего не делает (русский исторический помещик), он все равно недоволен и становится самодуром. Самодур -- русский

предел человеческих желаний, все равно как в армии -- генералиссимус.

Каждый русский начальник -- самодур. Только одни вялые самодуры, а другие -- с неумной фантазией. Непонятно, что выкинут в следующую минуту. Начальник склонен, казалось бы, к бессмысленным действиям, но в них всегда своя логика -- хамство. Он принципиально не уважает того, кто слабее. За исключением нескольких друзей юности, которых тоже способен обидеть, самодур любит унижать всех вокруг. Русский начальник обожает говорить "ты" тем, кто отвечает ему "вы". Он обожает свою безнаказанность.

Иногда самодур кается, чтобы дальше жить с еще большим удовольствием. Самодурство настояно на национальном садизме.

мораль

Самое сложное в России -- разобраться с моралью. Все интеллектуальные силы страны ушли на оправдание добра, но без всякого толка. В принципе, русский -- поклонник нравственности. Но только в принципе. На самом деле, русский -- глубоко безнравственное существо. Он считает, что он сам добр и что вообще надо быть добрым. Мораль не имеет для русского основания. Она подвижна и приспособляется к обстоятельствам.

Взяточник, конокрад, русский создает ситуативную мораль, под себя.

пенька

Меня тянула к себе Россия. Она так сильно (сука!) тянула меня к себе, что мне говорили знакомые девушки:

-- У тебя к России патологическое чувство.

Возможно, они ревновали.

Или -- или. Или будем придатками, или державой. Обрастаем мускулами, перед нами трепещут, и тогда пенькой

давим вредителей.

Благодаря своему французскому детству я никогда не был последовательным западником. Меня со странным чувством извращения волновали славянофилы. С их самобытностью. Но они ничего путного о самобытности не сказали. Погрязли в Византии.

Вестернизация -- менее кровавый путь, но она выхолостит русских. С этим никто не спорит. Только одни не хотят этого, а другие -- боятся. Надо сознательно идти на кастрацию русского элемента. Народ падок на дешевую демагогию. Не надо ничего выдумывать особенного. Надо обманывать наглыми средствами.

Самодержавие -- "наш" путь -- сохраняет русскость, но будет трудно у кого-либо попросить взаймы. На первых порах. А потом те сами дадут. Вновь откроют посольства. Россия снова будет модной страной. Потому что им станет страшно. Ведь за десять лет русские проведут коллективизацию и индустриализацию. Напишут патриотические песни. Русским не надо давать слишком много образования. Достаточно церковно-приходских школ. Не надо выпускать за границу. Сволочь должна сидеть дома. Тогда появятся новые Белинские. Романтическое подполье. Натуральная школа. Оживет интеллигенция. Все заработает. Пустые магазины -- полные холодильники. Начнется прекрасная жизнь.

трусы

Русские женщины еще вчера носили малиновые панталоны, а мужики ходили в черных, до колен, трусах "динамо". При этом рождались дети. При этом русские создали водородную бомбу.

Некоторые русские перехвалили Сахарова. Он был сначала патриотом и взорвал водородную бомбу. Но потом он все это зря делал.

диалектика

Сначала я не догадывался о существовании Серого. Долго жил без него. Серого я стал впервые чувствовать через язык Русский язык -- царство Серого.

агрессивность

Чужое тело для русского не имеет полицейской запретности. Русский человек -- корявый человек Толкается, пихается, может даже укусить. Чужое тело можно использовать как аргумент. Его полезно взломать.

метод

Чтобы понять Россию, надо расслабиться. Снять штаны. Надеть теплый халат. Лечь на диван. Заснуть.

видение

Я шел по дороге. Иногда меня охватывало отчаяние. Васильки. По большому счету, я сам -- это мы. "Мы" и есть русская

душа. Я тоже склонен к бесчестию. Встреча с Серым. Наконец мы с ним встретились. Я -- и Серый.

как обращаться с русскими?

Противогаз -- и вперед. Русские не терпят хорошего к себе отношения. От хорошего отношения они разлагаются, как колбаса на солнце. Всю жизнь вредят

сами себе. Не заботятся о здоровье, разваливают семью. Они живут в негодных условиях и приживаются. Трудно представить себе, чего только не вытерпят русские. У них можно все отнять. Они неприхотливы. Их можно заставить умыться песком. Тем не менее, русские ужасно завистливы. Если одних будут перед смертью пытаться и мучить, а других просто приговорят к расстрелу, то первые будут с возмущением кричать, что вторым повезло.

И окажутся правы.

типы русских

Толстой, описывая солдат, говорил, что главный русский тип -- покорный человек. Я думаю, что русский -- это тот, к кому не прилипает воспитание. Он лишь делает вид, что воспитан. О воспитании в России никто не заботится. Есть только один тип русских -- невоспитанные люди. Крестьяне, рабочие, интеллигенция, правительство -- все невоспитанные. А элегантный русский -вообще анекдот.

поиски

-- Саша! -- урезонил я его. -- Его же нет.

-- Как нет? -- поразился Саша. -- Хотите пари? Он командует парадом.

-- Пусть так. Но надо выпрыгнуть из себя, чтобы добраться до него.

-- Обратимся к книгам. Не может быть, чтобы все, что написано о русских, было ложью.

-- Из книг мы его не сцедим, -- засомневался я. -- За исключением нескольких строчек Есенина.

-- С Есениным не ошиблись, -- пристально посмотрел на меня Саша.

-- Ударим по кабакам? Искать его среди бомжей, сторожей -- жизни не хватит.

-- Начнем с кабаков, -- согласился Саша. -- Все оплачивается.

догадка

Русский человек догадлив. Я догадался о существовании Серого.

очарованная русь

Большинство умных русских в конце концов разочаровываются в русских. Но сначала думают о святых старцах, вологодских скромницах, нестеровской Руси. У русских есть воображение. Они умеют рассказывать. Русский мир состоит из слов. Он словесный. Убрать слова -- ничего не будет.

история

Ни одного солнечного дня.

история

Лучшие давно перебиты. Затем перебили более-менее приличных. Затем перебили умеренную сволочь.

приметы

Приметы -- наше единственное бомбоубежище. Русская жизнь -- бьющееся зеркало, страх вернуться. Мы нащупываем знакомую систему мирового фатализма. Перегибаем палку. И становимся уникальными.

писатель

Не могу понять тех писателей, которые уехали. Россия -- рай для писателей. Но я никак не пойму читателей, которые здесь остались. Россия -ад для читателей.

москва кабацкая

Русских много, и они страшные. Это весело. Разнообразит мир. Гитлер хотел русских превратить в животных. И что бы вышло? Мир бы завял. А так мир движется своей боязнью, тревогой, беспокойством. Волнуются, сволочи! Хорошо. Блок это понял. Обрадовался, что понял. И написал. Но, правда, потом удивительно быстро умер.

дискотека

Сначала Саша развеселился. Подвалил к бару, потребовал выпить. Схватил за руку стриптизерку. Нас вежливо провели в комнату, где все друг другу делали минет. Девки набро

сились на нас с открытыми ртами. Но Саша вдруг нахохлился, от минета отказался, в казино не пошел, призадумался.

-- Превратили Москву в Амстердам, -- проворчал он.

-- Так слава Богу!

-- Молодым скоро подрежут крылья. Покудахтают. Одни разбегутся, другие -- угомонятся. Каждое поколение русских надо подпаливать на костре.

-- Саша, что вы несете! Вы пьяны? -- удивился я. -- Мы же пришли искать Серого.

-- Серый не любит избыточную радость. Ему отвратительны бляди и йогурты. Очереди за хлебом -- это Россия. Откуда вы знаете его имя?

Мы ушли с заложенными ушами.

загон

-- А может, Серый сидит за колючкой? -- сказал я. -- Россия -- загон.

-- Ну.

-- Послушайте, -- сказал я, -- а вы сами случайно не сидели?

Саша смутился:

-- Меня оклеветали. Посидел немного. Выпустили. Кто в России не сидел?

соцарт

В понедельник ко мне приехал озабоченный Пал Палыч.

-- Лажа, -- сказал он. -- По агентурным сведениям им уже занимаются. В Москве крутится парочка: он -- американец, она -- француженка, помоложе. Он аккредитован как

журналист, и она с той же крышей. Не приходилось пересекаться?

-- Пал Палыч! -- взмолился я. -- Я не имею отношения к иностранцам вот уже десять лет. Когда-то они мне были нужны.

-- Когда были диссидентом?

-- Они меня прикрывали. Теперь какой от них толк?

-- Кредиты, -- сказал до тех пор тихо сидящий при начальстве Саша.

-- Кисло, -- ответил я.

-- Страна крутится, все меняется, -- заверил меня Саша.

-- Вы крутитесь, и кажется -- все крутятся, -- сказал я. -- Пал Палыч, знаете, как зовут нашего мужика?

-- Князь тьмы? -- прикинул начальник.

-- Серый.

-- Кликуха? -- спросил Пал Палыч.

-- Да вы притворщик! -- зашумел Саша. -- Еще неделю назад уверяли, что его нет, а теперь знаете, как зовут.

Вид у него был, действительно, изумленный. Пал Палыч гнул свою линию:

-- Пускай будет Серый. Вон в зоопарке и то животным дали клички. Правильный шаг. Даже если он не Серый. Что делать с американцем?

-- Его как зовут? -- спросил я.

-- Грегори, -- сказал Саша.

-- Грегори Пек?

-- Как актера? Кликуха, -- заметил Пал Палыч.

-- А "Пал Палыч" не кликуха? -- не выдержал я. Генерал смолк.

-- Я знаю Грегори, -- сказал я. -- Он был пламенным антисоветчиком. Внешне похож на Байрона. И бабу его французскую знаю.

-- Я в курсе, мы проверили, -- сказал Пал Палыч. -- Этот ваш Байрон ненавидит все русское.

-- А что вы не попросите патриотов найти Серого? -- спросил я.

-- Они не найдут. Им вообще лучше не знать. Они возьмут этого Серого как знамя и этим знаменем начнут нас пиздить по головам.

-- Допустим, мы его с Сашей найдем. Что дальше?

-- Пусть он вникнет в наше положение, -- сказал Пал Палыч.

-- Раньше не вникал, а теперь вникнет? -- рассмеялся я.

-- Раньше мы были сами знаете, кем, -- грустно сказал Пал Палыч. -- Нарушали права человека. Рубили головы. Вообще нарубили дров. А теперь идем к нормальной цивилизации. У нас не все получается, много дряни, но мы искренне стараемся и в душе -- демократы.

-- Демократы, которые в кустах ищут Серого, чтобы упротить его вникнуть в наше положение.

-- Я буду с вами предельно откровенным, -- сказал Пал Палыч. -- Мы установили, что у вас мало человеческих качеств. Вы сбиваете людей с толку и получаете от этого удовольствие. Вы не церемонитесь. Но не берите хотя бы меня за горло. Мы платим вам деньги.

-- Мы будем ловить Серого по электричкам, -- предложил я. -- Он выплывет на нас в качестве ревизора.

-- Думаете, он маскируется под народного типа? -- спросил Саша.

-- Каждый из нас может замаскироваться под народного типа, -- сказал Пал Палыч. -- Я сам -- народный тип.

-- С другой стороны, возьмите Сашу. Он-то не похож на народного типа.

-- Новое поколение, -- сказал Пал Палыч. -- С ним еще

не все ясно. В среднем классе я бы не стал искать Серого.

-- А роль мещанства в русской жизни? -- удивился Саша. -- Все русское просвещенное общество ненавидело мещанство. Может быть, мещанство и есть тормоз общества?

-- Отставить, -- сказал Пал Палыч. -- Мы с мещанством дали маху. Правда, кто-то из литераторов любил мещан, забыл, кто.

-- Как же вы представляете себе Серого? -- спросил я. -- Суперлешим с тоскливым взглядом, как у Врубеля?

-- Мало, что ли, нечисти на нашей земле! -- вскричал Пал Палыч. -- Непонятно, с чего начинать. Кого куда нужно перезахоронить прежде, чем выравняется плоскость морали.

-- Всех не перезахоронишь, -- вздохнул Саша.

-- Вернемся к американцу, -- предложил генерал.

американский шпион

-- Старик! -- обрадовался он мне на старомодном жаргоне. -- Давай увидимся!

-- Возьми Сесиль, -- сказал я. -- Пошли в грузинский ресторан. -- Я знал, что Грегори прижимист. -- Приглашаю.

В ресторане нас, конечно, пожелали подслушать, но я запретил Саше даже думать об этом.

-- Или доверяете мне, или до свидания, -- сказал я.

-- Что же все-таки, по-твоему, революция года? -- задумчиво спросил Грегори. -- Случайность или закономерность?

Он писал книгу о России уже десять лет и никак не мог кончить. То власть менялась, то -- концепция.

-- Случайная закономерность, -- безошибочно предположил я.

-- Как? Как? -- Он бросился записывать в блокнот.

Мы вспомнили ужасы диссиды. Пришли в умиление. Это было тысячу лет назад, когда на праздники давали пайки-заказы с синей курицей, баклажанной икрой и зеленым горошком, и мне стало странно, что я жил тысячу лет назад. Грегори был тогда похож на молодого Байрона с полметровыми ресницами. Я работал "одним молодым писателем" в качестве цитат для его влиятельной газеты, и органы не могли вычислить, кто бы это мог быть.

-- Да вычислили! -- сказал мне Пал Палыч при следующей встрече. -Вычислили, но не сажать же было вас всех!

-- Значит, подслушивали?

-- Не все, -- признался Пал Палыч. -- Аппаратура забарахлила на самом интересном месте.

Грегори любил русскую поэзию и грузинские рестораны, но был настроен непримиримо. Он считал, что Россия неисправима, и ее ослабление благожелательно для всего человечества. Любой провал России на Украине, в Прибалтике, Чечне, Ираке, где угодно, он воспринимал с облегчением.

-- Меня тошнит от твоей Америки, -- чистосердечно сказал я. -Пластилиновая страна.

-- А меня тошнит от твоей России, -- рассердилась француженка Сесиль.

-- От твоей Франции меня тоже тошнит.

-- От Франции-то почему? -- не понял Грегори.

-- Мертвые души! -- хмыкнул я.

Правда, когда мне резали шины или воровали на даче, мне казалось, что Грегори прав, и чем дальше, тем больше. Я понимал, что если со мной что-то случится, я поверю ему целиком, потому что индивидуальный опыт важнее общественного счастья, по крайней мере, для меня. Но, с другой стороны, Грегори меня раздражал. Он делал вид, что в стране ничего не происходит.

-- Но ведь вся ваша сраная советология провалилась. Никто ни черта не понял. Даже не могли предсказать перемены.

-- Перемены! -- скривился Грегори.

-- Только не говори, что было лучше.

-- Не знаю.

-- Есть немало эмигрантов, которые накачивают вас, потому что их не позвали. Писать об этой политической возне -- одна тоска, -- сказал я.

-- Для заработка полезно.

Положение было парадоксальным. Я принимал игру с бывшими палачами за деньги, а Грегори вел честную игру, отстаивая свои идеалы для заработка. Но с Сесиль у меня были особые отношения, и я решил встретиться с ней отдельно. Мне с женщинами проще.

галломания

Если Россия когда-нибудь кого-нибудь любила, так это -- Францию. Она отдала всю свою славянскую душу за Францию. Не спросив позволения, она бежала за Францией, как дворняжка. Она облизала каждого французского учителя, приехавшего учить барских детей, каждого французского повара. Она любила Францию за бесконечную разницу, которая была между ними, за то, чего в ней никогда не было и не могло быть: за изнеженность носовых дифтонгов, ясность понятий, неминдалевидные глаза, будуары, за "р", неподвластное рабской натуре.

В погоне за Францией она уже никого больше не встретила, ни на кого не оглянулась, немцы, голландцы и шведы остались на обочине без должного внимания. Краткая предоктябрьская симпатия к англичанам не смогла раз

вернуться, кроме как в изучение второго языка у питерских барчуков, а климатический рай Италии, помноженный на музеи и простонародный тосканский характер, имел прикладное, художественное значение Юга.

Россия не только говорила по-французски грамотнее, чем по-русски. Она думала по-французски, жила по-французски, пила по-французски, сочиняла

стихи по-французски, мечтала по-французски. Как ебутся француженки? Каждый русский мужчина считал за счастье спать с француженкой.

Россия возвела Францию в невиданную математическую степень, слово "француз" освещалось королевским солнцем, и они были королями любви, принцами остроумия, кардиналами легкомыслия. Все, что у нее самой не получалось, она приписала к послужному списку французов. Она сочинила им биографии из оргий, дудочек и пасторалей, она балдела от декольте с геометрически безукоризненными, непрыщавыми шариками груди и от качелей, возвестивших о свободных шалостях.

Она любила без разбору: якобинцев и роялистов, французские романы и французские моды, наизусть знала французскую историю. Она любила Наполеона, который хотел ее протаранить и втайне мечтала отдаться ему, как последняя блядь, за Можаем, на Бородинском поле, где угодно, когда угодно. Она подожгла Москву, чтобы ему, любимому южанину, было теплее, но он не понял, схватил треуголку и сбежал. Она споткнулась только раз, на Дантесе, но все равно -- простила по-бабски. Она любила маркиза де Кюстина, пославшего ее на хуй, и Пикассо, в своей безмерной жизни не нашедшего времени заехать в Москву, она любила Париж как бесконечный Лувр и мировое кафе.

Если сложить, сколько раз российские рты произнесли слово "Париж", то время произнесения окажется равным сотням русских жизней. Россия ездила загорать в Ниццу, лечиться от туберкулеза в Ментон, дышать океанским воздухом в Биарриц, учиться архитектуре в замки Луары. У нее была одна закадычная подружка --

Полина Виардо. "Vive la France!" -звонко кричал молодой лакей Яша.

Именно Франция, а никакой ни Карл Маркс, заразила Россию социализмом, сбила с толку Парижской Коммуной, а потом почему-то бросила на полдороги к счастливому будущему. Россия поехала эмигрировать во Францию, как к себе домой, но вот здесь впервые просчиталась.

Даже в советском виде Россия неслась по инерции. Не стали туда пускать, Россия села за переводы, пошла к частным подпольным портнихам с французскими выкройками. Она пронесла верность французской моде через всю советскую власть и перевела всех; в каждом что-то нашла. Она любила Эдит Пиаф, Ива Монтана, черные парижские свитера, гарсонов из ресторана, французскую компартию за то, что она французская, устрицы, луковый суп, клумбы Люксембургского сада, Мулен Руж, Версаль, экзистенциализм, "кафе о лэ", импрессионизм, мадам де Сталь, Брижит Бардо, шампанское, фарфор, Селина, Пруста, Мольера, квартал Марэ, деконструктивизм, Эйфелеву башню, Мопассана и Рабле. Она обрызгала все свои подмышки французскими духами.

Поверхностному взгляду всегда казалось, что Россия подражает Франции, донашивая за ней ее платья. На самом деле Россия выдумала Францию, чтобы не сойти с ума. Сила ее любви к Франции равнялась невменяемости ее жизни. Россия стала губкой, чтобы всосать в себя Францию целиком и полностью, от всего сердца. Она понимала Флобера лучше французов, она плакала от своего понимания. Она

обижалась: любовь не была взаимной; восставала против своей любви, изводилась, зарекалась говорит по-французски, горько смеялась над собой, издевалась над своим прононсом, не спала ночами, она припомнила Франции ее мелочность, скупость, но все равно любила беззаветно, преданно, как никогда.

От этого ничего не осталось, кроме радио "Ностальжи".

Пропажа Франции из русского поля зрения произошла на моих глазах. Париж не померк -- его не стало. На его месте -- туристические картонки. Любовь не перешла к другим странам. Америка -- не в счет. Россия разучилась любить. Тогда она развернулась к себе и стала себя ласкать по-старушечьи, на место зеркала повесив Глазунова и Шилова, включив на всю катушку Высоцкого.

Дрочись, родина. Тоже дело.

сесиль

Сесиль трахалась всем телом, усидчиво, бурно, остервенело, как будто чистила зубы, но было что-то механическое в подергивании ее французских сисек. Она призналась мне в постели, что Грегори истомил ее русофобством и вовсе не трахает. Сесиль знала русский серебряный век и была из тех, кто пострадал от советской власти. Ее вместе с подружкой Клэр послали из Парижа стажироваться в Москву. Одна выбрала Чехова, другая -- Андрея Белого. В сущности, им было все равно. Что Чехов, что Андрей Белый, но они выбрали так, как выбрали. Клэр пришла во МХАТ и ее стали бешено любить как француженку, гардеробщицы трогали ее за руки, чтобы понять, что такое французская кожа.

Клэр быстро стала музой истеблишмента и возвращалась в обще

житие на черных волгах с начальством и на белых -- с богатой богемой.

Сесиль -- убедившись в полузапретности Белого -- прибилась к диссидентам. Те тоже трогали ее за руки, интересовались кожей, все объяснили, и две француженки, живя в одной комнате, ощетинились взаимным недоверием, пропитались скрытой враждой, пока однажды не подрались в кровь, бросаясь книгами, ревя, царапаясь и мерзко кусаясь, не то из-за исторического значения "Архипелага ГУЛАГ", не то по поводу бульдозерной выставки. Во всяком случае, у Сесиль остался памятный шрам на левой брови.

Сесиль стала привозить тамиздат и "Русскую мысль", завела знакомство с подпольными фондами, двойными французскими дипломатами. Ее схватили в темном подъезде на Цветном бульваре, когда она передавала деньги, завернутые в газету, не церемонясь, раздели, усадили на гинекологическое кресло, подержали и выслали. Клэр вышла замуж за советского режиссера, но -разочаровалась и уехала с концами в Париж Высланная Сесиль вернулась в перестроечную Москву вместе с Грегори.

-- Мой позор превратился в страсть, -- взволнованно облизываясь, призналась она. -- Гинекологическое кресло стало самым сильным эротическим переживанием моей жизни.

В сотый раз, покрасневшись, она принялась мне показывать, как ее раскорячили.

-- Засунь мне руку! Глубже!

-- Есть такой мужик, по имени Серый, -- сказал я после того, как вынул руку.

-- Грегори ищет какого-то Серого, -- кивнула она. -- Мы носимся за ним по всей стране.

караван-сарай

Ковбойский привкус западного Подмосковья. Я люблю старые довоенные дачи. Деревянные запахи. Заросшие навсегда участки. Сирень. Тропинки в саду. На даче мне снятся дивные сны. На этот раз мы встретились вчетвером.

-- Я накрыла на стол в саду, -- сказала Сесиль, открывая ворота.

-- Я голодный, как волк, -- улыбнулся Саша. Саша необычайно понравился Грегори.

-- Честный парень, молодец, -- сказал он мне, когда, пообедав на славу и с хохотом, мы пили чай с клубничным вареньем. -- Не то что его циничное поколение.

-- Пойдемте на реку смотреть закат, -- предложила Сесиль.

Мы вышли на крутой берег Москва-реки. Стволы сосен просвечивали насквозь. Саша от полного восторга прошелся на руках метров двести.

-- Грегори, -- тихо сказал я, -- ты знаешь, в этой стране есть чертовщина. Об этом писал твой любимый писатель.

-- Это была политическая маскировка.

-- Не знаю. Это твой любимый писатель.

-- Я ненавижу все это, от соборности до чертовщины.

-- На Миссисипи тоже верят в приведения.

-- Америка -- это не только Миссисипи.

-- А Россия -- это только сказка.

-- Йес! -- крикнул Саша, весь потный от хождения на руках.

-- Я пошел против своих принципов, -- сказал Грегори. -- Углубился тут в метафизику. Возможно, в этой стране есть не только наблюдатель, но и метафизический деятель. Его зовут Серый.

-- Подробней с этого места, -- попросил Саша. Грегори поправил очки.

-- Это так, домыслы пьющего американца, -- сказал он.

Грегори хотя и не любил Россию, перенял от нее привычку пить. Это, наверное, сказалось на потенции. А, может быть, возраст. Мне взгрустнулось от быстротечности

жизни.

-- Давай искать вместе, -- предложил я.

-- Если Серый найдется, это будет уже не Россия. Тут ничего не находится.

Сесиль вмиг разделась и шумно бросилась в реку.

-- А вдруг найдется? -- спросил Саша.

-- Парни! -- крикнула Сесиль с середины реки. -- Парная вода!

-- Мне стыдно за мою русскую постановку вопроса, -- сказал Грегори. -Россия меня шарашит. Если Серый есть, значит, прав Достоевский, говоря о русском боге. Но если он прав, то как я могу защищать ценности западного мира? Представь себе, я об этом напишу. Не напечатают.

-- А ты говоришь, в Америке нет цензуры, -- сказал я.

-- Ее нет, -- Грегори выкатил грудь колесом, -- и ты был не прав на конференции в Хайдельберге, когда сказал о

ней.

-- Я испытал ее на себе!

Мы тогда в Хайдельберге поссорились и больше не виделись до грузинского ресторана.

фекальная станция

-- Грегори, конечно, умник, но мы и сами с усами, -- сказал Саша. -- Я обнаружил странное место. Фекальную станцию. Там есть один очень подозрительный мужик.

-- Фекальная станция! -- взорвался я. -- Мало тебе Вышнего Волочка?

-- Не я страну придумал. Я что, виноват, если Россия завязана на говне?

-- Ни за что не поеду!

Был понедельник. Фекальная станция не работала.

-- Надо же, -- сказал я. -- Директор есть, фекалии есть, а станция не работает.

В понедельник работники фекальной станции опохмелялись. Во вторник они пытались включить

генератор, но кнопки не слушались. Станция то переваривала фекалии, то отключалась и затоваривалась.

-- Где подозрительный? -- спросил я.

-- А вы присмотритесь.

В среду включился генератор, и фекалии перерабатывались. Они перерабатывались весь четверг. Фекальная обработка вошла в апогей. Работники были азартны и все, как один, на вид подозрительны, включая директора. Утром в пятницу фекалии тоже перерабатывались, но вторую половину дня они уже перерабатывались слабее и слабее, а к вечеру вовсе не перерабатывались - работники сходили в магазин, а директор вообще покинул свой пост.

-- Кто вам внушает наибольшее подозрение? -- спросил Саша. -- По-моему, директор.

-- А, по-моему, вы, -- пошутил я.

-- Глупая шутка, -- резко обиделся Саша.

В субботу народ на станции не работал, хотя, по идее, она работала без выходных. В воскресенье станция и обслуживающий персонал были мертвы.

Саша, застегнутый на четыре пуговицы, довез меня с фекальной станции до дома.

-- Не расстраивайтесь, -- сказал он. -- Найдем Серого в другом месте.

-- Где?

Саша достал из кармана два авиабилета компании "Дельта".

-- Завтра летим в Сан-Франциско.

-- Зачем?

-- Вдруг он там?

После фекальной станции сан-францисский "Хилтон" нам понравился. В баре на первом этаже мы залились по уши коктейлем "Маргарита", пошли гулять по Маркет-стрит и кричали:

-- Ну, кто тут Серый? Выходи!

В окнах развивались пидерастские радужные флаги. Никто не вышел. Но нас подобрали на день рождения Большой Заи из Сан-Франциско. Сборище больше ста человек. Они кружили по комнатам апельсиново-голубого цвета с пластмассовыми стаканчиками, обмазанные кетчупом и майонезом. Разговор шел о западно-африканской музыке и подводном клипе с нарочито замедленным участием Большой Заи. Сама Большая Зая в черной майке, черных джинсах, с открытым пупком плясала перед ярко горящим камином.

Вернувшись в отель, мы с Сашей залезли в джакузи, прыгали, брызгались, пели, цинично обсуждали достоинства Большой Заи и заснули в одной кровати, обнявшись, как две длинные зеленые редьки, но наутро, смущенные, мы вновь были на "вы".

мужик

Вакханалия анекдотов, национальных образов, частушек, пословиц, неотпетых мертвецов должна была в конце концов рвануть, воплотившись в зверскую силу. Я нашел Серого на стыке чефира и Интернета. Я не то чтобы вычислил, я

его выносил, открыв через запуск мышью подкладки икон. У него была селективная память. Что-то он начисто не хотел помнить; заслонка стояла у него на пути.

-- Чего пришел? -- спросил он.

-- Взял и пришел.

-- Мне в тебе что нравится? Ты отвязный. Тебе ничего не надо.

-- С чего ты взял?

-- У тебя хуй не болит за Россию.

-- Ладно, -- по-доброму сказал я. -- Хватит мерится хуями.

богоборцы

Некоторые русские богоборцы предъявляют претензии к Богу, считают, что Бог несправедлив -- убивает миллионы неповинных людей, отнимает у родителей малолетних деточек, соглашается на войны, теракты, несчастные случаи. Но у Бога есть воинство душ, это его дети, хорошие и не очень, у него на них свои виды, свои с ними счета. А тело -- мешок костей и производитель новых мешков, случайное убежище, исправительная колония души. Тело он не берет во внимание. Поэтому оно такое дырявое, скоропортящееся. За телом нужно следить самим.

невеста

Стране низкого качества жизни к лицу опрощение. Зато русская природа очень ранима. Нужна поэтическая строка, чтобы ее утешить. У русских девушек много чего

хорошего. Светлого. Но есть изъян, с которым ничего не поделать. У русских девушек плебейские глаза.

-- Невеста -- переходящий вымпел, -- заметил Серый. -- Вчера -- твоя. Сегодня -- моя.

Умная и вшивая. Невеста с зубами. Такой она мне досталась. Вшивая умница. Со страшным детским личиком.

анекдот

Русский продаст душу за хороший анекдот. Он -- бродячая коллекция анекдотов. Всегда наступает такой момент, когда пора рассказывать анекдоты. После четвертой перед пятой. Анекдоты делятся на подвиды. Есть неприличные. Есть похабные. Про ежей. Почти все анекдоты -- смешные.

-- Русский живет внутри анекдота, -- говорил Серый. -- Ползает по его внутренней склизкой поверхности. Ты начитался всяких Бердяевых, всяких маркизов, блядь, де Кюстинов, и думаешь -- банку вскроешь. Француз -вскрытая банка, а русский -- это когда она вспухла и внутри бродит от томатного соуса. Ты вот мне подай любой другой народ, который так соком гнилым заплыл. А ты говоришь -- иностранцы.

Я стал думать над его словами.

Россия -- мать анекдотов. Мы создали государство-анекдот. Когда позолоченный пафос сходит, остается один анекдот. Что значит жить в анекдоте? Анекдот -- русский жанр, неизданные произведения. Непечатность русского анекдота идет от его изначального неприличия, которое, в свою очередь, отражает изначальное неприличие русской жизни. В России все неприлично. Неприлично рождение.

Неприлична смерть. Неприлична власть. Неприличен народ.

Сделать что-нибудь неприличное -- высшее приличие. Все остальное в системе русского мира не считается и даже

не учитывается. Гоголь стоит на анекдоте и не развенчивает его. То же самое у Платонова -- анекдотические страсти. Другие -- пафосные -интеллигентские -- писатели, может быть, и нужны, но они не свои. Свой -неприличен. Свой перднет. Свой насрет. Свой, наконец, убьет. Но если он убьет внутри анекдота, он будет прощен. Чаадаев негодовал, что анекдот Гоголя нравится, а его собственные горькие мысли -- нет. Гоголь -- не сумасшедший, а он, Чаадаев, ходит по городу умалишенным.

Русский анекдот группируется вокруг знаковых фигур по экономии материала, но о ком бы, о чем бы он ни был, он -- о несостоявшемся существовании, то есть о каждом из нас. Вот почему в России все неанекдотическое темнеет и стирается, а анекдот, даже самый старинный и не очень ясный, остается жить. Русская история состоит из анекдотов больше, чем из летописей. Чтобы быть адекватным России, нужно превратиться в чрезвычайную и полномочную эманацию анекдота и поступать соответственно.

Русский смех -- поощрение нарушения. Все герои анекдота поступают не по правилам, но потому и смешно, отчего вызывают двойное чувство: отторжения и признания. Они высмеиваются; тем самым отчуждаются, но, по сути, на них ложится тень нашего понимания. Через анекдот происходит одомашнивание русского мира.

Русский ценится по анекдоту. Правильно рассказал -- значит, свой. Чужой не умеет рассказывать анекдотов. Чужой обязательно проколется. Через анекдот идет взаимопонимание. Доверие. Близость. Деловые партнеры, влюбленные рассказывают анекдоты. Анекдот рассказан -- выслушан -- на человека нельзя обижаться. Это грех. Он прошел в свои. Ему, девушка, надо "дать". Каждое наше действие со

держит в себе зародыш анекдота. Как и бездействие. Провалиться за пределы анекдота -- значит выпасть из русского мира.

Власть преследовала анекдот как попытку разгерметизировать ее миф. Анекдот развенчивает. Он -- дело. Но он развенчивает и того, кто рассказывает анекдот. Потому что анекдот примиряет с действительностью. Анекдот ободряет. Он откладывает решение вопроса на неопределенное время. Анекдот -- это русская церковь. Это конфессия.

Русские рассказывают друг другу анекдоты, чтобы поразмяться в смехе, прежде всего над собой, но есть предел, за который анекдот не выходит. Француз, американец, немец в анекдоте всегда хуже русского. Ясное дело: они в анекдоте неанекдотичны. Они ищут линию поведения. Русский -- без линии.

Анекдот -- единственная форма русского самопознания. Род терапии. Больше того, род выживания. С другой стороны, это род отчаяния. Любимые герои анекдота -- элита бестолковых людей. Бестолковщина не раздражает, а стимулирует. Не сообразили, не предусмотрели -- нарвались на реальность. Опростоволосились, опозорились. И смех, и

грех. Мы коллективно бестолковы. Соборно -- без головы. Взялись за что-нибудь -- не получилось.

Вот -- анекдот. И почему мы так легко смеемся над собой? Но это -- не просто. Мы не любим; когда нам не прощают бестолковщины. Мы бестолковы в высоком смысле презрения к поверхности жизни. Это русская ценность -бестолковщина.

Анекдочивание каждого акта жизни есть форма ее проживания. Без анекдота русское существование было бы невозможно. Что же тогда заложено в голову русского, если он все видит через призму анекдота?

Русское слово подыгрывает анекдоту. В русском синтаксисе спрятан эмбрион анекдота. Анекдотический вирус. Избыточное воображение и недостаточная рефлексия. Из мира выхватывается и развивается до предела его несуразность.

Чукча -- гиперболизация русской бестолковщины, гипербестолковщина, которая, с русской позиции, кажется тотальной, а русские выходят умеренно разумными существами. Мы подставляем чукчей, беспомощно стремясь сократить беспредел собственной бестолковщины. То же самое, вроде бы, обереуты. Они довели до предела принцип интеллигентной бестолковщины. Культуру обокрали. И они крикнули страшным криком. Но анекдот не кричит. Даже не разговаривает. Он мычит и смеется, пережевывая культуру.

облом

Облом -- пещерный бог, прародитель Серого.

самопознание

-- Серый!

-- Ну?

-- Познай самого себя!

-- Это как? -- прищурился Серый.

-- Это как? -- прижал уши Серый.

-- Ты чего? -- не понял он.

интеллигенция

У меня с интеллигенцией вкусовая несостыковка. Интеллигенция любит арбузы, а я -- винегрет. Она -- за разум, а я -

за океанский бриз. Интеллигенция любит повести, а я -- рекламные щиты.

Интеллигенция -- секта борцов за народное счастье. У интеллигенции всегда одно и то же: как самодержавие, так плач по народу. А как революция -- русские свиньи. Интеллигенция подослала мне привет от учителя жизни.

-- Нельзя ли Серого использовать в мирных целях?
-- спросили заговорщики.

-- Зачем? -- спросил я.

-- На благо народа.

-- Да распустите вы этот колхоз, -- отозвался я.

-- Если вы нам не поможете, -- сказала интеллигенция, -- мы вам больше не подадим руки.

Я засунул руки в карманы, а интеллигенция спрятала руки за спину.

как выйти из народа

Павел вышел из народа, а его отец, пьяница и драчун, так и не вышел. Павел осмыслил себя в осмыслении нужд народа. Это революционный выход из народа в романе Горького "Мать".

Второй, религиозный, выход из народа -- выбор монашества, сектанства, любой другой религиозной активности.

Третий -- бандитский. Бандит, принимающий самостоятельные решения, видящий свои интересы, поощряющий свои желания, скрывающийся от погони -расторможенный человек, то есть уже не народ. Народ любит такой выход из самого себя больше других и с удовольствием поет блатные песни.

Четвертый, художественный, выход присущ самородкам типа того же Горького или Шалапина и напрямую связан с талантом.

Пятый, карьерно-образовательный, затягивает на долгие годы, несет с собой все несчастья первого поколения интеллигенции и руководителей всех уровней. К этому выходу когда-то относился и потомственно-родовой, аристократический. Именно пятый выход порождает большие иллюзии насчет связи народа и власти, вызывает много недоразумений.

Каждый выходит из народа по-своему. Если из народа выходит муж, это не означает, что жена тоже выйдет. Где пролегает граница между народом и не народом, необратим ли переход? Можно снова опуститься в народ. Для этого достаточно опуститься. Выход из народа, как правило, сопровождается усилением европейских понятий, но они исчезают, если их не культивировать. Есть несколько приграничных

положений. Это ниже-средний класс: парикмахеры, учителя младших классов, ветеринары, таксисты, продавцы, челядь, младший командный состав армии, шофера служебных машин (в сущности, та же челядь), мастера на производстве. Выход из народа не имеет однозначного морального содержания, и даже революционный выход вместо борьбы за народное счастье может стать либо показухой, либо отторжением от народа, разочарованием в нем.

Чтобы вывести Россию на нормальную цивилизованную дорогу, необходимо всем русским до последнего человека выйти из народа. Нынешнее поколение молодежи начало широкомасштабный выход из народа, по крайней мере, по пояс.

Народ же останется, как сброшенная шкура, которую можно сдать в музей.

давай

Голые пальцы у невесты радостно растопырились в разные стороны.

-- Входи!

-- Бегом! Скорее!

-- Конечно!

-- Еще быстрее!

-- Ну, как ты?

-- Плохо.

-- Красная армия всех сильнее! Ты меня любишь?

-- Очень.

-- Ой! Ну, хватит.

-- Ладно. Давай.

-- Пока.

-- Я поехал.

родина

Некоторые считают, что слово "родина" надо писать с большой буквы и носить на сердце, а другие -- с прописной и носить в штанах.

Вот, собственно, и вся разница между почвенниками и западниками.

она готова на все

-- А что я могу поделать? Я, ты слышишь, на все готова. На все.

геометрия крыла

Рекламный поборник презерватива меняет свое лицо вместе с возрастом, очками, цветом волос, полом, голосом,

интеллигентностью, социальным образом, оставаясь, тем не менее, единой фигурой поборника презерватива, которому лучше застрелиться, чем отказаться от пользования гондоном. Наиболее радикальная публика могла бы предположить, что Серый и есть тот самый гондон, в верности которому клянутся сменяющие друг друга смешные и грустные морды. Но гондон не существует без хора его поклонников.

От молодого козла, променявшего пословицы на цитаты из рекламного ролика, и строителя сказочного дворца с башенкой до папаш с колодками непонятно какой войны, вышедшими Бог весть из какого колхоза, от русских дипломатов с напором, холеными рожками до

женских обличий, для упрощения принимающих здесь форму родственниц, своячениц, невест, матерей и прочих наседок, -- весь этот калейдоскоп клянется в чем-то на грани распознаваемого, но до сих пор не услышанного. Наверное, смысл слов не менее строг, чем вера в гондон. Но неуловимость общего хора очевидна. Конечно, можно предположить, что, меняя геометрию крыла, Серый произносит прямо противоположные по мысли высказывания, материализуется в несопрягаемых вещах, и именно этот гул сбивает слушателя с толку. Плохой слух, однако, не оправдание и даже не повод для загадки. В системе рациональных выкладок, традиционных логических построений сменяющие друг друга маски кажутся насилием над здравым смыслом. Но сам здравый смысл меняет геометрию крыла.

Среди противоречивых истин, которые составляют сущность Серого, есть одна, кажущаяся мне несомненной. Это -- склонность к саморазрушению. По сути дела, ни одна из масок не смогла это преодолеть. Если иметь в виду, что Серый собрал в себе череду клятв и заверений, превратился

в мистическое тело, заряженное энергией слез, дикого перенапряжения, хронического страха и дивной снисходительности к пороку, который рассасывается сам по себе благодаря этой снисходительности, короче, если общими усилиями, я бы не сказал народа, но определенного перенапряженного населения, сформировался единый мистический продукт, ясно, что без определения его параметров трудно понять источник его опасности.

Склонность к саморазрушению, самоуничтожению гораздо более значительна, чем все другие волевые характеристики Серого. Принимая во внимание, что склонность к саморазрушению опасна для окружающих, точнее говоря, для всего мира, поскольку Серый -- продукт многомиллионного гниения, на нем есть повод сосредоточиться.

русская рулетка

Ногу сломаешь в этих бесконечных именах-отчествах, дрейфующем юродстве, вранье и воровстве, авгиевых конюшнях русского сознания. Можно только поражаться невежеству людей, оторванных от остального мира и не имеющих ничего общего с ним. Было бы весьма кстати притушить эту энергию, размагнитить ее настолько, чтобы она сравнительно мирно растеклась и ушла в песок. В конце концов то, что напозволял Серый, называется дрянью.

Но нельзя не заметить, что русский мир гипнотизирует. Вместо однозначной оценки Серый вызывает интерес. Серый привлекает своим исключительно вялым бешенством игры. Серый не просто искренне выходит за грань добра и зла. Он разрывает круг моральной энтропии игрой со смертью. Серый укладывает жизнь как судьбу. Серый выкалывает жизни глазки.

я тебе люблю

Огненное озеро. Водяной, домовой и леший, окнувшись, уходят на фронт тремя богатырями.

Александр Невский дарит Василисе Премудрой мешки отрезанных русских ушей и носов.

Петр Первый запросился обратно в Азию.

Христос схватился с Перуном, другие поганые боги разбежались, не зная своих имен.

Первый бал Наташи с чертом.

Клеится к сумеркам дымный рассвет.

Милитаристское выступление сестрицы Аленушки в военно-политической академии имени Фрунзе.

Саша, застегнутый на четыре пуговицы, выскочил в огород.

Цветет бесшумная капуста.

Аввакум меняет Библию на лошадь.

Полет сорокой, езда на корове с пустыми руками.

Я сидел на табурете и отдирал Россию, как пластырь, от своей волосатой ноги.

-- Я столько времени на Россию угробил, -- объяснял я Серому.

-- Время на то и время, чтобы его гробить, -- сказал Серый.

-- Сегодня какое число?

-- В России каждый день -- окаянный, -- заботливо заметил Серый.

На берегу озера, повернувшись к миру задом, невеста полоскала французское белье.

-- Я тебе люблю, -- улыбнулась она нам с Серым, утираясь.

Опыты

зима

Серый сегодня белый. Серый сегодня в белом. Пушистый Серый сегодня в белом. Очень высокие выросли елки.

триллер

Мне открылись все горизонты.

-- Ты читал такую книжку -- "Три мушкетера"? -- спросил Серый.

-- Ну.

-- Кровавая книжка. Там всех убивают. А всем нравится. Мне тоже нравятся кровавые книжки, триллеры -- не триллеры.

-- А мне не очень, -- сказал я.

-- Есть такие писатели, они чертей нагоняют, -- сказал Серый. -- Давай залезем куда-нибудь высоко-высоко.

Мы полезли на Останкинскую башню. Посмотрели сверху вниз.

-- Что ты видишь? -- прокричал Серый, борясь с горным ветром.

-- Ну, понятно, -- сказал я, держась за башню. -- Россия и есть триллер.

-- А я тебе что говорил? -- обрадовался Серый. -- Триллер! Хреново написанный! На газетной бумажке! В глупой обложке! Не оторвешься! Не знаю, мне нравится.

поездка в святую русь

-- Давай поедem в святую Русь, -- сказал я.

-- На электричке? -- спросил Серый.

-- Как хочешь.

-- На электричке я не поеду, -- сказал Серый. -- Я билет не люблю покупать, а без билета мне ехать не хочется.

-- Давай я тебе куплю билет.

-- Ну, купи.

-- С какого вокзала?

-- Да мне все равно, -- удивился Серый.

-- До какой станции?

-- До любой.

среда

Одних -- среда заела, другие -- среду заели. А вот и Серый.

раскол

-- Что-то у меня все совпало, -- почесал в затылке Серый.

смертный узел

У Серого умерла мать. От нее остался смертный узел.

звукорясь

Хрясь! Хрясь! Хуяк! Хрясь!

птичка

Мутным взглядом Серый посмотрел на птичку.

вина

-- Юрий Петрович! -- старший лейтенант Млечина весело посмотрела на шефа. -- У нас в подразделении думают, что Серый во всем виноват.

провинция

Серый страстно поцеловал Млечину в губы.

передвижник

Серый прибил капотом Юрия Петровича.

любовь серого

Серый покрасил невесте с зубами щеки свеклой.

-- Так будет лучше, -- заметил он.

-- Я -- красивая, -- радостно дыша, сообщила она. --
Меня на Курском вокзале два солдата приняли за
проститутку!

-- Ты и так блядь, -- присмотрелся Серый. -- Сведи
бородавки с лица.

-- Это родинки, дурачок, -- объяснила невеста с
зубами.

Стамбул

Серый угнал самолет в Стамбул.

-- Жарко -- не холодно, -- сказал он невесте на
прощание.

зимний дворец

-- Какое прекрасное здание! -- сказала невеста.

-- Петровка, , -- сказал Серый.

-- Давай тут жить, -- сказала невеста. -- Это
красивее Зимнего дворца.

яблоки

Серый ел яблоко. Кусал, жевал, проглатывал, снова
кусал.

-- Серый, здравствуй! Ты куда?

-- Я всегда на распутье, -- ответил Серый.

пляски

Серый -- веселый. Серый -- смелый. Серый -- страсть убивать.

надоело

Россия меня загрызла вконец. Боже, как надоела! Она срет по ногам. Она срет. Мы срем.

оправдание русского мира

Один из главных парадоксов моей жизни -- отношение к России. Русский до мозга костей, по всем линиям и диагона

лям, я уткнулся в проблему России и не смог для себя ее разрешить. Я никогда не хотел из нее уезжать, хотя ненавидел режим. Я не хотел уезжать, потому что, в отличии от диссидентствующих друзей, представлял себе Запад. Они бежали из России, как собаки, случайно сорвавшиеся с цепи.

Я не уехал, хотя знание языков, западные связи и внутрисемейные обстоятельства способствовали. Бедные родители, особенно, мама, многие годы вели в семье душеспасительные антиэмигрантские разговоры. Много позже я узнал, что меня собирались выслать по системе Солженицына, но не выслали, не знаю почему. Я бы вполне справился с жизнью на Западе, не смотрел бы на него снизу вверх. Я никогда не примыкал ни к одному идеологическому движению, включая западничество. Западник на Западе -- растворяющийся субъект.

Я остался в России. Надежда -- плохая спутница писателя. Начало реформ было связано с надеждой. На

счастье, она была недолговечной. Надежда на то, что в России не исчерпан человеческий потенциал, оказалась слишком прекраснóдушной. Россия не принадлежит к культурам, способным к самоопределению. Это исторически нечестная страна. Она покоится на лжи. В России можно прожить только на лжи, включая гуманистическую ложь интеллигенции.

В стране вечной мерзлоты население не справилось с климатом, не нашло существования, которое бы преодолело враждебность природы к человеку. Зима не обыграна в русском сознании как полноценное время года и, несмотря на все зимние праздники, не обжита человечески. А другого времени года у нас нет. Лето кончилось вчера, не начавшись. Колапс жизни в коммунальной квартире -русский не коммунален. Колапс русского коммунизма -- русский не

любит людей. Он -- человек необщинный и, в основе своей, необщительный. Русский не врос в мир, как немец. Он летит, парит над миром. Русский не овладел миром, не справился с ним и провис. Из этого "провис" возникла русская духовность.

Бесценен опыт полного неудачника.

"Зачем?" -- центровое русское слово. Оно тычется в смысл. Без него нет ответа, на него нет ответа, потому что безбытийность -- русское дело.

Все бросить -- и пойти.

Русский -- не путь; он -- дорога.

Русская духовность -- беседа о бренности. Но русский -- вынужденный аскет. Не справившись с миром, он говорит о тщете мира. Он отворачивается от мира, обиженный, и культивирует в себе обиженность,

подозрительность к миру как дорогую истину в последней инстанции.

-- Мой грех, -- сказал отец Сергей, вставая со стула.
-- Я думал: ты хуже!

-- Прости, святой отец! -- взмолился я. -- Я и в самом деле хуже! Я люблю есть сырые человеческие мозги. Открываю чашку черепа и ем их ложкой. Как икру.

-- Ну, иди, иди с Богом, -- посуровел отец Сергей.

Русский не меньше немца чтит порядок, но немецкий порядок возвышает немца над другими народами, а русский порядок доводит русского до уничтожения. Русский идет по порочному кругу истории, не сознавая, что это круг и что он порочен.

Русский -- радикально неисторичен, и в этом -- его самобытность. Он все время сбивается и, начав об одном, говорит о другом, не держит мысль. Видимо, он боится мысли. Не справившись с миром, он гадит в мире. Он антиэкологичен. Мир превращается в помойку и если бы не власть, рус

ский бы уже давно утонул в отходах. Он -- механический богоносец.

Закон приходит в противоречие с самыми кровными интересами русского, противоречит идее выживания: от нищенского "не помереть с голоду" до общемещанского "свести концы с концами". Нет сил, времени оглянуться вокруг. Отсюда -- наплевательское отношение к планетарным и районным делам. Русский затравлен, замучен, задрочен. То скаля пасть, то виляя хвостом, он ждет для себя оправдания.

во власти серого

У русских яркие свистульки. Все вокруг -- кудрявое, в завитушках. Серый объявил поголовную амнистию. Пришел к власти и всех выпустил из тюрьмы. Но потом передумал и всех посадил снова в тюрьму.

-- Так надо, -- сказал он. -- Так проще править.

-- Павловская слобода, -- ответил я. -- Уйдем с головой в любовь?

-- Не помешает, -- согласился Серый.

дней россии

-- Давай отвяжемся, -- сказал Серый, беря в руки "Калашников".

-- Ну, давай.

-- Люблю убивать, -- признался Серый. -- Люблю, когда они боятся умирать, трепещут, на все согласные, ноги лижут, писаются, как щенки, раком становятся. А ты делаешь вид, что вроде уговорили, не буду стрелять, а потом стреляешь им прямо в лицо. Мозги летят, как брызги шампанского.

А девчонок насиловать? Дрожат, за писечку держатся. Руки по швам, бляди! Жопу врозь, говнюки! Мальчишки мои! Не знаю, мне нравится. Я молча вздохнул.

-- Люблю бить ногами, -- продолжал Серый, -- давай будем жить, как положено. Возведем детские сады, вскопаем огороды, взопрем, пророем туннели, как какие-нибудь итальянцы, соорудим кольцевую дорогу. -- Серый снял кепку, утерся, высморкался. -- Но смешнее всего, конечно, сбивать пассажирские самолеты. Они летят себе ночью, завернувшись в пледы, с апельсиновым соком в руках, стюардессы ходят

туда-сюда, ни о чем не подозревая. А ты -- хуяк! И они падают вниз без парашютов. От удара с них облетают одежды. Как с клена. И они падают, голые, в море. А еще! Будь я главарем военной хунты, ну, например, аргентинцем с усами и саблей, я бы выкидывал врагов-депутатов с вертолета. Чап-чап-чап, летит вертолет. А я выкидываю врагов-депутатов. Одного за другим. Над океаном. Без парашютов. Не хотел бы оказаться в их положении.

Мы стали налетчиками. Мы стали насильниками. Насиловали, как джазисты, во все дырки. Бомбили деревни и города, давили поселки городского типа, бабы выли, мы взрывали газовые плиты. Все насиловалось легко, все разваливалось непринужденно, как будто только и ждало дня развала. Русская земля лежала готовой для опустошения. Дома падали, как домино. Природа брезгливо стряхивала с себя русскую халтуру. В Смоленске сравняли с землей собор. В Ярославле спалили милицейский участок. Приехали пожарные. Из шлангов едва капала вода.

-- Помогите! -- смешно махали руками менты.

-- Начальник, забери свой труп! -- кричал в ответ Серый командиру блюстителей порядка.

Мы надели тельняшки и дали в их память благотворительный концерт. Мы гоготали. Бросились на Москву. Перерезали правительство, запретили почту и телеграф, взяли банки, объели аптеки. Дума вывесила красный флаг. Мы только усмехнулись.

-- Давай пытаться людей? -- предложил Серый. -- Будем озорниками.

Стали пытаться. Утюгами, паяльниками, щипцами, капали капли на макушку. Пытались по-всякому.

-- Ты посмотри, как они красиво страдают! -- любовался Серый, ломая русские кости, позвоночники, черепа. -- Нет, только глянь! Выносливы и неприхотливы. Цены вам нет, -- обращался он к мученикам.

В ответ русские дико орали. Никто не ушел от пытки. Все сознались во всем.

-- У меня мечта. Иногда так хочется быть медсестрой, -- сказал Серый, перевязывая мне раненую руку после утреннего налета. -- По головке гладить людей.

Возле урны стояла пустая бутылка. Мы бросились к ней наперегонки. Я быстрее, Серый -- опытнее. Он подставил мне палкой подножку, а потом той же палкой откатил бутылку к себе.

-- На, -- сказал он мне, улыбаясь. -- У тебя нет. Возьми.

-- Серый, -- благодарно промолвил я.

-- Конечно, в нашей коммуналке был закон тайги, -- покачал головой Серый. -- Но когда приходили похорожки, все забывали о драках, о том, что мы евреев звали жидами. Мы хотели помочь, кто чем мог, понимаешь?

Мы написали на радио письмо с просьбой исполнить нашу любимую мелодию, но не сказали какую. Мы добрым словом вспомнили родителей. Мы выебли мумию Ленина в мавзолее. Поужинали и пошли спать до утра.

куча

Серый сидел на куче и думал. Он думал, но не мыслями, а так, непонятно как, широко. Он не делал разницы между разными вещами. Мимо шли люди.

чефир

Серый получил задание поклеить обои к четвергу. Милиция не работала. Серый сам вел расследование. Утром Серый пошел на завод.

ужин

Серый оделся в темно-серое. Дети оделись в темно-серое. Зажгли свечи. Святки. Святцы. Задымило сцепление. За ужином Серый ел темно-серых детей.

самозванец

-- Все анекдоты о Чапаеве сочинил я, -- сказал Серый.

-- Так уж прямо и все? -- не поверил я.

-- Все до одного, -- сказал Серый. -- И те, что не сочинил, я тоже сочинил.

-- Да ты самозванец!

-- Да, -- сказал Серый, -- и горжусь этим. Идея самозванства извела Россию до такой степени, что она ее создала.

земля

Серый на землю серит.

-- Александр Иванович, хотите чаю? Серый на землю серит.

-- Не откажусь.

-- Вам с лимоном? Серый на землю серит.

-- Не с апельсином!

революция

Серый взял в руки красный флаг и пошел куда глаза глядят.

евреи

Серый мутным взором посмотрел на еврея.

пидерасы

Серый встретился с пидерасом и перекрестил его.

церковь

Серый сел в электричку и поехал замаливать грехи. Мы решили стать монахами. По дороге поезд сошел с рельсов. Это были уже не вагоны, а сплошной баян. Мы отделались ссадинами.

-- Что за знак? -- Серый вылез из сломанной электрички, плюясь зубами. -- Ехать дальше или возвращаться домой?

-- Давай поедem дальше, -- сказал я.

-- Ну, давай, -- сказал Серый. И мы стали на минуту монахами.

акция

-- Юрий Петрович! Давайте сегодня возьмем Серого.

-- Давайте!

-- А как?

-- А как знаете.

ленин

Серый остудил пыл вождя.

история

Мамы нету. Папы нету. Никого нету. Народу -- много. Серый знает: чтобы выжить, нужно все предать.

глаголы

Серый может не бриться. Серый может не стричься. Серый острижен наголо. Серый не чистит зубы. У Серого мало зубов. Серый волнисто летит над страной. Огибает в полете разные облака. Держит курс на Восток Цари не в счет. Серый издевается. Серый измывается. Серый изгаляется. Серый изводит Серого. Серый понял, что выхода нет. И всем хорошо. Отбили почки.

память

Застрочил пулемет.

-- Наши?

Все как-то смешалось.

татары

Шли татары через реку. Серый шел через Волгу в мороз. Брови в снегу. Навстречу -- татары. Ну, кончилось все компромиссом.

изуверство

Серый откусил ухо и другие излишества.

серый - колхозник

Серый устроился работать в колхоз. Закурил. Купил валенки. Наступила пора урожая.

юрий михайлович

-- Юрий Михайлович! Серый летит на Восток.

-- Меня это не касается, -- резко ответил Юрий Михайлович.

новая жизнь

Серый купил на рынке время. Покупное время стало тяготить Серого. Всю свою жизнь Серый собирался начать новую жизнь.

созерцательность

Серый нежнеет, когда все мреет.

впереди -- исус христос

-- Верно, -- похвалил Серый. -- Сзади -- пес. Впереди -- Христос. Кто придумал?

-- Блок.

-- Накормите отрубями. Блока поволокли.

-- Чаадаев! -- вскричал Серый. -- Щенок! Чаадаев закрутился, превратился в морскую свинку. Серый захохотал:

-- Ладно, ошибся! Кто следующий? Победоносцев? Александр Третий? Владимир Ульянов? Пошли вон -- в песочницу!

Те стали играть в куличики.

-- Так-то лучше, -- сказал Серый. -- А где Константин Леонтьев? Что-то я не вижу его сегодня.

-- Я тут! -- сказал Константин Леонтьев.

-- Дай прикурить.

Константин Леонтьев бросился с зажигалкой.

-- А где твой кореш? -- полуртом сказал Серый, прикуривая папиросу.

-- Кореш?

-- Ну, эта противная рожа! Розанов!

-- В больничке.

-- Триппер? Сифилис? Может быть, СПИД? Веховцы!
-- заорал Серый. -- На выход! С вещами! Профессора
высыпали на плац.

-- Ну, что, хуесосы? -- сказал им Серый. -- Где ваши
шляпы? Вопрос на засыпку: что такое долг? Профессора
закивали:

-- Долг перед родиной.

-- Долг перед родителями, -- сказали профессора.

-- Врете! Я никому ничего не должен! -- сказал
Серый охране. -- Всех расстрелять, а этого четвертуйте!
Он ткнул пальцем, не глядя, в одного из них.

-- Они все здесь такие, -- сказал Серый, обращаясь
ко мне. -- У нас очень много всяких деятелей.

Ахматову выволокли на порог дома без всякой
одежды.

-- Народ мудрее власти! -- завопила голая храбрая
женщина.

Я жадно к ней пригляделся.

-- Какое тяжелое заблуждение, -- содрогнулся
Серый.

-- Губители! -- возвестила Анна Андреевна.

-- Перебить ей нос! -- приказал Серый охране. -- И
одеть потеплее!

сухари

-- Вот ты говоришь: жалко, -- вздохнул Серый, расстегивая телогрейку. На груди, как панорама Бородинской битвы, развернулась барочная татуировка. -- А я считаю, русские должны мучиться. Так у них на роду написано. Большими буквами. Русские должны мучать русских. Богатые -- бедных, и наоборот. Все должно быть путем. Это летный закон самоистребителей. Так тут положено.

-- Серый, -- спросил я, -- зачем?

-- А хуй его знает, -- весело ответил Серый. -- Ты думаешь, я не читал того же Чаадаева? Чаадаев вскрыл вены России. И Победоносцева читал. Сухо, но убедительно. Это я Ульянову кликуху придумал -- Ленин. Да, я поощряю бандитов. Да, я превратил эту страну в братскую могилу. И это еще не конец. Веселиться -- так веселиться. Давить сок -- так давить до конца. Здесь все можно. А посмотри, какая у нас молодежь-- я тебе скажу: нарядная молодежь. Все взорвем! Оторвем яички! Пусть падают с небес самолеты и вертолеты! Пусть растащат по домам все рельсы! Пусть сушат сухари. Страна сушеных сухарей. Это в генах. Не знаю, мне нравится.

body language

-- Пошли смотреть трупики, -- предложил Серый.

-- Страшилка, -- смешливо поежился я.

Но ошибся. Глубокая заморозка пришлась всем по душе. А Маргарита Ивановна резко обернулась ко мне и сказала:

-- Меня не проймешь никаким Интернетом. Я всегда жила под виртуальной звездой первого бала Наташи Ростовской.

Серый так резко обернулся к ней, что у него свалилась шапка, и посмотрел, как водится, не в глаза, а в даль:

-- Русская духовка -- это и есть пятизвездочный морг. Я, в свою очередь, тоже резко обернулся на эти слова. В меня вошел запах лука.

америка

-- Беги в свою Америку, -- сказал Серый. -- Вот тебе последний шанс.

-- У нее такие глаза, -- сказал я. -- У наших баб нет таких глаз. Ты, говорит она мне, непредсказуемый. Вчера ты больно хватал меня за руку. Сегодня ты мягкий и грустный. Ты, говорит, меня поражаешь. Но раз уж мы перешли на сексуальную территорию, ты, пожалуйста, не делай мне больно.

закаты

Серый по-бандитски надавил мне на горло.

-- Где ты видел такие малиновые закаты? -- заорал он, подтаскивая меня к окну.

-- В Мексике.

-- В какой такой Мексике?! -- заорал Серый.

деньги

-- Ну, чего ты? -- сказал Серый. -- Россия -- выдумка.

-- Вместо того, чтобы отсюда бежать, я погружаюсь в эту выдумку с головой.

-- Чем американская пизда отличается от русской? -- задумчиво спросил Серый.

-- Американская, -- сказал я, -- это особая организация материи, а русская -- разбазаривание.

-- Бляди, тихо! -- завопил Серый. -- Мы теперь познаем силу денег, - усмехнулся он. -- Настрогали новых людей. Смешно. Не соскучишься.

-- Сейчас русские, -- поддакнул я, -- жадно начинают любить деньги. До них наконец дошло, что не знание, а деньги -- убойная сила. Открыли этот закон и думают, что они -- первые. Очень удивляют иностранцев своей страстной жадностью до денег.

-- Все равно встречаются бессребреники, -- заметил Серый.

лазурный берег

-- Вот, говорят, бандиты, русская мафия, -- зажмурился Серый, -- но почему рождается гордость за родину, когда узнаешь, что половину Лазурного берега скупил русские, что они все скупают, не спрашивая цены, почему меня тешит этот размах?

-- Мне на Цейлоне директор гостиницы говорил, -- откликнулся я, -- что две русские девчонки на Рождество за ужин потратили больше, чем сто немецких туристов. Пили шампанское за тысячу долларов.

-- Я хочу открывать бизнес с русскими, -- сказал цейлонец.

-- Ты буддист? -- строго спросил его Серый.

-- Да!

-- И откуда берется этот русский размах? -- сладко зевнул Серый.

the flavor of the month

-- Я не хочу быть вкусом месяца.

А у самой глаза блестят. Последний раз пришла домой на ужин в черном. Глаза не блестели. Большая Американская Зая меня зацепила. Между тем меня понесло в национальный круговорот, закружило. Я понял, что поиски Серого до сих пор, несмотря на всю теоретическую необходимость, были блажью.

Я привык к устойчивости неродных явлений. Я столько времени был с краю, а тут бросился во все тяжкие, окунаясь в нетвердость русской материи, с пятнами по бокам, с разбросом понятий. Я променял порядочность на приблизительность, расчет на теплоту, но был ли в самой теплоте расчет, я не мог разобраться. Незаконная связь обретала реальные черты.

Меня затягивало. Мне стало трудно отбиваться. Мой долгострой, наконец выстроенный и внешне выглядевший успешной архитектурой, дал трещину. Я боялся удешевления доступного удовольствия, в которое я все равно добавлял частицу запретного.

тоска

-- Надо уметь тосковать, -- сказал Серый. -- Давай потоскуем.

-- Это как? -- спросил я.

-- Тоска -- это русская медитация, -- сказал Серый. Только вместо того, чтобы на чем-то сконцентрироваться, нужно рассредоточиться. Но даже когда полностью рассредоточишься, не спеши тосковать. Ты услышь сначала в себе далекий вой. Каждому русскому свойственно слышать этот вой, он - неотъемлемая часть осеннего дождя, пугливо доверчивой нищеты, унылого безрадостного вида. Есть

такое старое слово "погост" -- оно наводит на далекий вой. Далекый вой ничто не отменит, ни деньги, ни любовь. Но это только начало. Неясные каракули тоски. Не спугни далекий вой напрасным шевелением членов. Замри. Пусть вой приблизится. Тогда ты услышишь серебряный вой. Это хороший вой, но ты все равно никуда не спеши. Серебряная тоска -- хроническая, пожизненная, полноценная. Она -- стеснение духа, томление души, мучительная грусть. Но это тоже еще не все. Ты позови к себе золотой вой. Жди, когда придет к тебе золотой вой. Это всем воям вой, близкий, негромкий вой. И тогда в тебя поплывет золотая тоска. Ты отдайся ей, не как женщина и не как минерал, а как умирающий. Золотая тоска -предсмертная полоса. Зависни между двух миров по-предсмертному. Вбери в себя всю золотую тоску без остатка.

русский европеец

Когда я смотрю на Алексея Матвеевича, Федора Максимовича, Ларису Владимировну, Василия Михайловича, Дмитрия Васильевича, Ирину Никаноровну, Софью Ивановну (если она еще не умерла), ди-джея Элеонору, на моего механика Володю и на сторожей из гаража "европейским" взглядом, мне кажется, что они -- уроды.

А стоит мне на них посмотреть русским взглядом, то -- никакие они не уроды.

Вот так я и существую: то уроды -- то не уроды.

В других странах люди не мешаются под ногами. Они обычно приятны в обращении. Я не беру в пример Берлин или Нью-Йорк, там свои проблемы, но, как правило, западные люди не агрессивны. А, главное, на уровне ежедневных понятий я их понимаю. Я тоже за

круассаны с абрикосовым конфитюром на завтрак Больше того, я -- их. Я ценю их оболочку, физическую и понятийную. Мне нравится, как они одеваются. За ними вкус.

Я офранцузил Россию и обрусил Париж. Всего того, что я ношу в себе, на самом деле нет. Я выдумал оба мира. В себе самом я их скрестил. Я, видимо, тот самый русский европеец, который и не европеец, и не русский.

У меня получилось то, что не получается. Можно ли меня считать удачным гибридом? Я потерял возможность абсолютных критериев. Поскольку два мира не совпадают, я ощущаю превратности морали.

Я тех вижу, как своих, и умею с ними справляться, но я и русских вижу, как своих, и тоже (хотя хуже) справляюсь. На перекрестке Монпарнаса и Распая я -- свой, но только непонятно, для кого. Я хочу жить на два дома. Мне тесно в том и другом мире. Мне нужна хотя бы поочередность, лучше бы -совместность, в идеале -- совместимость. Последнее я не нашел. Но я все равно не их, потому что мне там чего-то не хватает.

Это как профессора литературы. На первый взгляд -- свои люди. А на второй -- чужие и мертвые.

шапкозакидательство

Русская шапка -- хитрый предмет. В ней тяжелая магия звериного меха. Русские головы полгода покрыты тушками убитых кроликов, сусликов, выдр. Это даром не проходит.

Когда долго гладишь меховую шапку, будишь предсмертный испуг животных. В лучшем случае, шапка годится для обороны. Шапку можно пустить по кругу. Но русский верит, что он всех закидает шапками. На самом

деле -- не получается. Я бы хотел очистить Россию от шапок. Она могла бы быть чудесной страной. Веселой, хлебосольной. Каждый день -- Новый год. Но Россию нельзя очистить от шапок. По крайней мере, в обозримом будущем. Скорее всего, никогда. Иначе все умрут. Приходится жить в этой меховой стране .

авось

Даже неграмотный иностранец знает, что русский надеется на авось. "Авось" -- вводный расчет на везение. Когда-то, возможно, так и было. Но теперь "авось" -- неприятное понятие, шелуха пословицы, свет потухшей звезды. Русский уже ни на что не надеется. "Авось" устарело, как "сударь".

демянова уха

Русское хлебосольство всегда отдает обидой. Почему русский так страстно хочет напоить гостей? Раскрасневшаяся хозяйка кормит на убой. Салаты -горой. Пироги сменяются пельменями. Имя им -- легион. Хозяин подливает. Это что за ритуал? Зачем нафаршировывать гостя? В чем он провинился? Пусть гость уйдет обожравшимся, с выпученными глазами. И пьяным, чтобы хвататься за стены, блевать винегретом. Пусть гость икает всю ночь.

Мечта русского хлебосольства -- икота. Если гость икает, значит, он повержен, с него сорваны погоны. В икоте все равны, солдаты и генералы. Русское хлебосольство по своей задаче эгалитарно. Всех уравнивать икотой. Похоже на

ленинский лозунг. Это настораживает. В этом есть грубая проказа растления и убийства.

победа

Да, ты победила. Американок. Итальянок Всех. Но ты не победишь мою русскую тоску.

нежности

Помимо бесчестия, русские расположены к нежностям. Они до ебли мяукают, после ебли -- воркуют. Русские слащавы и пафосны. Тонна жирного крема. Женщины называют мужчин "котик", а те им в ответ -- "моя зая". Матери сюсюкают. Во всем задушевность и клич умиления. Но это никому не мешает бить друг друга ногами. Резкое, ничем не обоснованное изменение настроения - основа здешней шизофренической жизни.

природа

Русская природа -- жалостливая. От всякой излучины пахнет грустью.

социалистический реализм

Маргарита Ивановна думает, что социалистический реализм -- отрывка советской идеологии. Другие считают его большим национальным стилем. На самом деле социалистический реализм точно отражает народные идеалы счастья, справедливости. С этим ничего не поделаться.

домострой

В России есть счастливые семьи, но они скрываются от народного гнева. Русские -- плохие отцы. Они упускают из виду своих сыновей. Дочки им не пригодны для жизни. Русская семья настроена на трагедию. Кого ни возьми. Русские считают, что муж важнее жены.

В русском мире семья взята под сомнение. Это, как правило, недружная семья. Переход женщины из невесты

в жены сопровождается актом позорного унижения. Мужик не любит своей бабы. У русских считается не очень приличным любить свою жену. Серый тоже был не высокого мнения о бабах и не скрывал.

-- Баба сладка только поначалу, -- говорил Серый. -- Ты слишком увлекся бабами. Много лет просрал.

-- Бабы спасли Россию, -- сказал я.

-- Что значит спасли? -- посмотрел на меня Серый. -- Зачем ее спасать?

-- Послушай, -- сказал я, -- зачем вообще что-то делать?

-- Делай ровно столько, чтобы ничего не делать, -- сказал Серый.

как обращаться с русскими? (инструкция для шпионов)

Грегори Пек писал инструкцию для шпионов, которая состояла из ста трех пунктов.

"Как все другие люди, -- писал Грегори Пек, -- русские обидчивы, но их обидчивость принимает безумно активную, ярко выраженную форму".

-- Что вы делаете, Грегори?

-- Я пишу инструкцию для шпионов, которых засылают в Россию.

-- Не могли бы вы ознакомить меня с этой инструкцией?

-- Охотно. "Русского можно вычислить где угодно по тому, как он ест суп. Обычно люди поднимают ложку ко рту. Напротив, русский не ест, а хлебает суп, низко склоняя лицо к посуде. Он пресмыкается перед супом".

-- Оскорбительно, но верно, -- признал я.

-- Еще бы не верно! -- драматически вздохнул Грег.
-- Хотите еще?

-- Спасибо, мне хватит.

-- Тем не менее я прочту: "В сопоставлении с западными людьми русский, как правило, выражает свои мысли таким способом, словно он страдает удушьем". -- Грег не выдержал и сделал сравнение: -- Русские давятся словами, как бифштексом. Вы слушаете дальше? "Но если русский начал говорить, не спешите прерывать. Дайте ему занять площадку. От говорения русские испытывают сильное воодушевление, не контролируют, что несут. Не торопитесь с недоумением, а только потакайте, потакайте. Узнаете много интересного".

-- До свидания.

красота россии (инструкция для шпионов)

-- "Вы приехали в Россию в первый раз и не знаете, с чего начать. Присмотритесь к русским. Они покажутся похожими на вас, но не спешите".

-- А где же о красоте?

-- Пожалуйста. "Есть разные точки зрения на то, краси

ва ли Россия. Сами русские обычно относятся к России со смешанным чувством. К этому нужно привыкнуть. С одной стороны, русские считают красоту России блеклой и невзрачной, в лучшем случае выделяя внутреннюю прелесть страны. Вместе с тем они удавятся за свою вечную мерзлоту". Ну как?

-- Я с удовольствием помогу вам переделать ваши мысли.

красная площадь

Красная площадь -- проверка на вшивость. Если она вам нравится -значит, вы стопроцентный мудака Если не нравится -- значит, вы тоже стопроцентный мудака
Заколдованное пространство. На Красной площади много празднично одетых мудаков гуляет в разные стороны.

-- Они как будто пришли на парти, -- говорит мне Большая Американская Зая.

Конечно, мудаки одеты по-особенному. Девушки, например, любят прозрачные кофточки. Красная площадь -- это встреча Востока и Запада, кончившаяся поражением обеих сторон.

кого русские считают за своего?

Русский быстро разбирается, кто свой, а кто не свой. Свой -- это тот, у кого остолбеневшее лицо.

царевны

Серый выпал из своего измерения. Сижу и плачу, что убили царя. Зато приятно, что мучали царевен.
Охрана под

глядывала, как они ходили на двор писать и какать.
И кричала:

-- Садись на корточки, суки! Показывайте нам, рабочим, ваши царские жопы.

И те показывали, сидя в белых снегах в кроссовках.

-- Знатные дырки, -- дивились охранники. -- Не то что у наших невест-засранок.

А маленькая Анастасия даже кончала от таких разговоров с рабочими, страшно волнуясь грудью, штормя всем телом и плача, как чайка, при сильном оргазме:

-- Аморе мио!

Она до сих пор живет на Урале, для конспирации сохранив фамилию Романова.

цветной дельтаплан

-- Куда вы делись? -- беспокойно спросил Саша. --
Что у вас с глазами?

-- С глазами?

-- Они запрокинулись.

-- Саша, не надо! -- вяло обозлился я. -- ВсЈ на месте.

-- Вы его видели?

-- Ну.

-- И как?

-- Улет. Да нет, ничего особенного.

-- Держите себя в руках.

-- Саша, это как стоишь на балконе, внизу море и тысяча солнечных зайчиков.

-- Вы сильно не очень.

-- Чайник-чайник, я -- улет!

-- Эй! Берегите правоохранительные органы.

радость чужому горю

Во все времена люди радовались чужому горю. Но многие народы научились это скрывать. Только не

русские. Русских не остановит смерть. Они не считают смерть достаточным поводом, чтобы закончить сведение счетов. Они и о покойнике скажут страшные гадости. Девки любят, когда других девок кидают парни. Это в кайф. В самой теплой компании невеста с зубами залепит подружке такую гадость, что обе закачаются от сильных чувств. Русские вообще любят говорить друг о друге гадости. Я и сам этому подвержен. У меня сладостно замирает сердце, когда я узнаю о смерти в среде знакомых. Возникает даже эйфория.

Отличительной чертой русского является его способность делать гадости. Вообще -- гадить. У русского кругом все виноваты. Он человек хмурной.

Иностранцы, в общем, мало что поняли в этой стране. Наиболее искренними иностранцами я считаю пограничников, которые русских подозревают во всем и правильно делают.

-- Слава богу, что это не я, -- сказала мне стареющая популярная писательница, узнав о смерти молодой актрисы. Мы сидели на пляже в Сочи.

-- Такое ощущение, -- продолжала она, -- что жизни стало больше. Вы не думаете?

русский и советский

Многие тонкие деятели считают, что русских очень исказило советское время. Раньше они были другими. Действительно, разглядывая дореволюционные фотографии, понимаешь, что тип человека качнулся не в лучшую сторону.

Особенностью групповых портретов дореволюционной поры была умеренная вменяемость и скромная адекватность. Правда, люди бедных сословий

на фотографиях выглядели взъерошено, а на рождественских открытках -- не в меру глазасто. В целом же держались усато, восточно, как будто не понимали, кто они такие, не собирали себя воедино. Это был не распад личности, а ее мягкое полуотсутствие.

В советские времена групповые портреты постепенно меняются в сторону "морды". Морда -- не просто грубость. Морда -- лицо низшей пробы. Его не жаль потерять. Морда -- защитная маска, противогаз, сначала наброшенный ради смеха, затем надетый от беспокойства, потом приросший к лицу и ставший наступательным оружием. У моего знакомого, Виктора Павловича, морда, например, кирпича просит, плечи -- широкие, но покатые, а ручки -маленькие. Все это вместе говорит о русской изворотливости.

Гэпэушники, доярки рвутся к обретению морды и добиваются ее. Профессора, зубные академики, артисты отстают, но тоже подтягиваются, и к концу -х годов сложилась всесоюзная морда лица.

Сравнив эстонцев с финнами, поляков с белорусами, видно, что строй калечит лица пропорционально личной затравленности. Но, с другой стороны, процесс советизации затянулся на долгие годы и, как ни странно, пережил Сталина.

Произошел бытовой столбняк Элементы "модерна" отразились не только в бессменном логотипе "Правды", но и в сегодняшней раскраске ментовок, тюрем, коммуналок с делением стен на два цвета при разделительной полосе. Остановились нравы. Еще в -е годы (судя по фильмам, кни

гам, по детским моим воспоминаниям) люди сохранили кое-какие дореволюционные привычки,

навыки поведения. Они были еще вежливыми (Кюстин вообще -- возможно ошибочно -- считал русских более вежливыми, нежели французов), обращались к матери и невестам на "вы" (см. фильмы), даже некоторые супруги говорили друг другу "вы". Сохранялся еще профессорский тип, морда, но с бородкой, подлец, но с куриным бульоном и вермишелькой. Французский язык к тому времени выветрился, но музыкальное образование гнездились в хороших семьях.

Пережив Сталина, общий дух страны рухнул как раз тогда, когда, казалось, ему бы снова петь и танцевать. Впрочем, внутренний источник русских морд обозначился задолго до революции. Страна не шла.

линии жизни

Невеста стояла поперек жизни с буро-малиновым дуршлагом в руках. Серый стоял вдоль жизни с пустыми руками.

швейцары и Сталин

Китаец смеется, сообщая о смерти отца. Это шокирует, если не знаешь: так принято. Русская мутность в том, что нарушено понятие "принято". Правила игры настолько подвижны, что подвижность кажется правилом.

Русский славится необязательностью. Пообещает -- не сделает. Это потому, что он занят гораздо более важными делами. Ему важно сохранить отсутствие линейного способа существования. Он необязателен, иначе он разрушится как русский. Это система национальной самообороны, особый вид карате.

Русский необязателен даже тогда, когда это явно нарушает его интересы. Ключевое условие деловой

активности "работает" в России нестандартным образом. Человек-тормоз, русский одержим своим внутренними идеями, чувствами, настроениями, что создает впечатление ушибленного сознания. Помимо того, русскому постоянно что-то мерещится. Все это сводится к неуравновешенному, разбалансированному поведению. Самое простое дело вырастает в проблему.

С русским, когда вступаешь в беседу, это совсем не так, как с иностранцем. У них обычно отделяются доброжелательством, а у нас -- нужно ключ подбирать. Один известный немец рассказывает в своем московском дневнике -х годов, как не мог договориться со швейцарами гостиницы, чтобы его разбудили. Если проснемся, разбудим, а не проснемся, не разбудим.

В чем суть анекдота, который вызывает у русских улыбку бурного понимания? Швейцары отказались быть швейцарами. Их профессиональная роль подмята другими соображениями.

"Ну его на фиг, этого немца!" -- думали швейцары. -- Сдался он нам! Пошел в болото!"

Швейцары продемонстрировали свое человеческое измерение. Русский ущемленно воспринимает себя как функцию. Он хочет, чтобы его воспринимали интегрально. Это надо заложить в голову. Но что толку, если неизвестно, разбудят тебя или нет? От русского жди всего. Среди прочего открыт простор для редкого бескорыстия.

Во-вторых, швейцары уклонились от личной ответственности на случай, если они не проснутся. Кроме того, показали себя важными людьми, от которых что-то

зависит. Они сорвали немцу моментальную уютность жизни и полу

чили удовольствие от глумления над ним. Все это могло произойти как осознанно, так и бессознательно.

"Чтобы заставить швейцаров работать, -- в свою очередь думал Сталин, -есть три пути:

Провести с ними индивидуальную работу, установить человеческий контакт и выйти на "понимание".

Пообещать непомерные чаевые (развить инстинкт собственника).

Сильно испугать".

Сталинизм был неизбежен.

укус

В крови -- инстинктивный империализм, но также и вечная забывчивость по этому поводу. Невеста прокусила мне руку до крови. Русский не может без идеалов. След зубов сохранился. Идеал -- очень русское слово. Родное мессианство построено на "плавающей" идее: русская форма существования оправдана наиболее божественным образом. Нация-солянка из золотых рыбок. Что общего у меня с тамбовским мужиком?

грибница

Россию заговорили до дыр. Отечественная техника самоанализа оформилась в образы, от Обломова -- через Платона Каратаева, Остапа Бендера, Василия Теркина -- до ученого алкоголика из Петушков. Всякий раз культовые герои были односторонни. Обломов хорош -- но Каратаев не хуже. Речь же идет не о типе, даже не об архетипе, а о гении места, грибнице, на которой растут и

Обломовы, и Василии Теркины. Эта грибница и есть Серый.

сумбур вместо музыки

Гений места оказался без места. Неукорененность в бытии приближает Серого к духам мятежным. Лежать на печи -- это тоже бродяжничать. Иван-дурак и Обломов -- бродяги. Не говоря уже об Остапе Бендере. Советский туризм с гитарой -- тоже бродяжничество. Нигде нет покоя. Оторвались от одних богов, не прописались к другим, к другому. Не потому что места много, в сущности, не настолько уж и больше, чем у китайцев, а потому что принципиально не обживается. Если безбытийность, то тогда никакой загадочности, совмещается несовместимое, пятое с десятым, целки с блядством. И потому христианство не укоренилось.

Безбытийность -- это еще и потерянность. Отсюда прилипчивость общих экзистенциальных идей. Русские задолго до Сартра -- прирожденные тошнотворцы, но разница в том, что на Западе богооставленность -- энтропия богов, а в России -- нутряное богоотчуждение. Сегодня церковь ставят, завтра -- атеизм безбоязненный.

Нация бомжей. Бродяжничать -- доблесть. Это идет на укрепление общего безделья. Дом -- против такого устава. Дом -- незаконен. Семья -необязательна. Баба -- обуза. Дети -- зачем? Опять-таки перепутали с христианством. Обознались. И многие, из простых, приняли за чистую монету и даже стали святыми по недоразумению. И как результат бродяжничества -тюрьма. Вечный конфликт с государством.

Народ рвется бродяжничать. Не ногами, так головой. Марксизм и пьянство -- бродяжничать головой. Но бродяжничать -- не кочевать. Кочевники -трудолюбивые.

Бродяги -- попрошайки. Мы -- нация попрошаек. Бродяги -- воры. Крадут, что плохо лежит. Они -- не убийцы по страсти, но мо

гут. Бродяга -- это воображение. Это -- смекалка. Бродяга -- грязен. Мы -- не цыгане. Там -- уклад. Но косимся на них -- романтически -- с приязнью. Отсюда вечная неприязнь к мещанству. К фикусу. Черный передел -- народная память. Россия всегда взрывоопасна. Потому что собственность -- ворованная. Значит: любовь к блатному. Бог не освятил труд в России.

Как все бросились к Горькому! Русский бестселлер! Это -- наше. Да еще -- во славу! Оправдание бродяжничества. И, как один развернувшись: а почему это безбытийственность? Может быть, это и есть бытийственность?

Но как же у нас все подгнило! Народной подстилки под жизнь нет. Было -сгнило. И мы -- безбытийственная страна. Стержня нет. И пока не впишемся в бытие -- ничего не будет. Но как же вписаться, если мы не знаем, что у нас его нет? Оттого так сильны консервативные идеи. Либерализм -- вся жижа потечет. И точно -- течет. И так будет всегда. И так было всегда. Ничему никогда не научимся. А как же бытие? Если тыща лет -- без него. Значит -будем неприкаянными. Вот наша прозрачность. А все хором: не понять, не разобраться. Да понятно. Но только страшно. Во-первых, обидно. Как же так: все с бытием, а мы -- без. Во-вторых, несправедливо. И потому искоренение нации Сталиным было делом правым: всех бродяг в ГУЛАГ.

-- Я, -- признался мне Серый, -- отрезан. Отрезанная пуговица. Вот такой как есть, такого меня и бери.

Мне стало не по себе. Так значит -- бежать отсюда. Куда глаза глядят. Вон! А сюда все равно идет очередной Сталин, всем свинтит голову, иначе развалимся. Но почему мне не хочется отсюда, когда так все прозрачно, бежать? Да, как на вулкане. Да, народ -- мутный. Но здесь весело! Здесь гульба. Но гульба -- это же плохо. Значит, я тоже бродяга. Зна

чит, это моя земля. А вдруг проскочим? Никогда не проскакивали, а тут проскочим. Но мы не проскочим. Надежда в России умирает первой.

зеркало

Серый подошел к зеркалу и долго стоял, недоверчиво почесывая щетину. Показал зеркалу обложенный язык, повинтил пальцем у виска.

-- Ничего не показывает, -- сказал он, обернувшись ко мне.

-- Что не показывает?

-- Меня не показывает. Не отражаюсь.

-- Не может быть, -- не поверил я. Я подошел. Серый виделся в зеркале.

-- Ну, чего придумываешь? Вот ты.

-- Где? -- он потрогал себя за нос. -- Нет, -- сказал он. -- Не отражаюсь.

что делать,если ничего не поделаешь?

Если с этой страной ничего поделать нельзя, может быть, выстроить здесь, на горе, обсерваторию, чтобы изучать природу человека? Или это только отклонение? Перверсия по-русски? А мы выдаем все это за правду.

Иностранцы сбегутся -- смотрите, как они о себе.

Закрывают ворота.

Это я уже проходил.

обида

Не надо обижать русских.

искра

Откуда эта искра? Смесь говна и озона. Это тоже ни с чем не сравнимо.

удовольствие

Видится, приоткрывается что-то за жизнью. Небольшое, дорого оплачиваемое муками удовольствия.

Светочка и тусовка

Вот говорят: пупок. Отвращение к телу. Серый явился ко мне в форме принтера "Паккард энд Хьюлет". Городской сумасшедший. Откуда у меня такое тщеславие? От мамы? От папы? Голый пупок. Русский не имеет никаких прав. Он без них влегкую обойдется. Я пришел. Они набросились. Я стоял -- губы облизывал.

Помнишь?

Помню.

Ты стала противной. И еврейка раздобрела. No questions. Но есть в России некоторые люди, которые этой искрой светятся. Они светятся независимо оттого, что происходит со внешней, гнусной Россией.

сомнения

Я буду сомневаться до победного конца. В тебе. В себе. В квартире. В твоей собаке.

В дочке твоей.

В твоей честности.
В твоих подружках.
В твоей чистоплотности.
В твоих запахах.
В твоём вкусе.
Я хочу в Америку.

красота

Мальчиком Серый рано заметил, что мир красив. Да он и сам был красив. Кудрявый, только глазки колючие. Нехорошие такие глазки.

польша

Я о Польше все что думал, уже сказал. А потом передумал. Мы с невестой зашли в чужой подъезд. Она села на корточки между вторым и третьим этажом, поерзала и стала крупно срать, мучительно выпучив на стену свои близорукие глаза. Я стоял на атасе.

-- Алло, гараж! -- невеста никогда не называла меня по имени. -- Есть чем подтереться?

-- Нет.

Она подтерлась указательным пальцем и вывела калом на стене:

-- Миру -- мир.

большие крики грегори

-- Народ -- пиздюк! -- раскричался, разволновался Грегори Пек, по-дружески схватив меня за руку. -- Страна

с

подвижной, виртуальной историей. Страна, где от перемены мест слагаемых сумма меняется, если вовсе не исчезает!

о снах

Россия моих снов -- забор. Забор. Забор. Кладбищенский забор. Оградки. Весть о том, что Серый вышел из народа, имеет технологическую ясность. В то время, когда сон без труда проецируется на монитор или экран телевизора, странно подумать, что Серый не высветится.

Но вышел ли он из народа, как -- из леса или как из себя? Смотрю: Серый стал профессором Лихачевым. Стоит со свечкой. Ну, хорошо.

-- Я готов воплотиться во вс], -- сказал Серый. -- Меня волнует понятие "вс]".

знание

Я выступил с позиции точного знания, что есть чефир и что -- Россия.

Серый сидел, удил рыбу.

Я рассказал ему, что Россия -- азиатская жопа. Я делал вид, что знаю больше его. Я с детства знаю, что Россия -- азиатская жопа.

-- Интересно, -- заметил Серый. Мне пришлось затратить много времени, чтобы снова найти его.

тяжелое детство

У каждого русского тяжелое детство. Русское детство должно быть тяжелым. Иначе разве это детство?

У Серого было тяжелое детство. Родители Серого часто со стуком падали на пол. Серый, зажавшись в угол,

смотрел, как родители падали. Его били. Рвали уши, запирали в сортире, мазали морду калом, душили до посинения, больно дергали за пипиську. Ели что ни попадя. В школе было много хулиганов. Во дворе тоже. Дети придумывали гадкие игры. У старух отнимали ручные часы, портили лифты, истребляли почтовые ящики, девчонок насиловали в подворотнях, маменькиных сынков изводили. Жгли мусор. Пылали костры.

Однажды Серый побил отца, как всякий русский. Хорошо, не убил. Но не мог вспомнить, за что побил. Впрочем, по этому поводу не мучался. Одно время Серый был грозой двора. Утром отец Серого пошел на завод. Он был рабочим. От отца пахло канифолью.

По ночам Серый спал без задних ног.

соборность

-- Что такое соборность? -- спросил я Серого. Серый высморкался в песок.

-- Боженьку надо менять, -- сказал он. -- Христу пора на пенсию.

-- Я боюсь, -- признался я.

-- Боишься, а втихаря тоже так думаешь, -- сказал Серый.

тренер

Серого заприметил тренер. Психологически его обработал. Не подмял под себя, а напротив: дал развиваться его творческой индивидуальности. Серый стал чемпионом сначала района, потом города, потом России, потом всего мира. Тренировался. Прыгал через скакалочку.

моя бабушка

Моя бабушка Серафима Михайловна любила кофе с молоком. Она вошла в комнату с чашкой. На столе лежала мама Маринки, ее обмывали.

-- Ну что, обмываете? -- спросила бабушка, хмуро посмотрев на свою умершую дочь.

-- Бабушка, убирайся вон! -- закричала Маринка.

-- Ладно-ладно, -- повернула Серафима Михайловна на кухню.

кровавое воскресенье

Русских надо бить палкой.

Русских надо расстреливать.

Русских надо размазывать по стене.

Иначе они перестанут быть русскими.

Кровавое воскресенье -- национальный праздник.

мерседес

Серый ехал на шестисотом по делам. Спешил. Наскочил на заповожец. Тот перевернулся, загорелся. Там была семья. Семья горела и кричала. Мама, папа, дочка тринадцати лет. Собралась толпа. Но Серый не знал об этом. Он уехал. Он опаздывал.

Наутро прочел в газете. Обрадовался. Наконец-то о нем, пусть хотя бы как об инкогнито, написали в газете.

-- Ну, я же не нарочно, -- сказал мне Серый.

пирожки с человеческим мясом

Русские очень гордятся своей кухней. И правильно делают. Особенно вкусными считаются русские закуски. На москов

ских вокзалах стали появляться пирожки с человеческим мясом. Пассажиры едят с удовольствием.

-- Вкусные, -- хвалят они. -- Лучше, чем в Макдоналдсе.

Русские часто травятся разной пищей. Съедят что-нибудь и -- отравятся. Детей рвет. Стариков рвет. Бабулек поносит. Приедет "скорая" -- а они уже умерли. Тогда надо хоронить. Отравляются всем. Несвежим мясом. Рыбой. Творогом. Или грибами. И гороховым супом. У всех желудки не очень здоровые. Зубы -- вообще отдельный разговор. Русские зубы -- всем зубам зубы.

шашлыки

Русские очень любят есть шашлыки. Приедут на природу. Куда-нибудь на речку. Искупнутся. Повизжат в воде. Некоторые сразу утонут. А другие начинают священнодействовать. Шампуры. Шашлыки. Рыжики! Маслята! Ну, половина отравится. Остальные переебутся. Но зато весело. Под музыку из машины. По дороге домой все обычно молчат. Думают о своем. Так у русских заведено. Может, устали. А может, просто дремлют.

история

Русские знают лучше географию, чем историю. Истории русские совсем не знают. Русские все забывают. Я смотрю на людей как на вспомогательный материал. Мне они бывают нужны иногда, чтобы не было скучно. Я с ними развлекаюсь, потом выбрасываю. Меня удивляет,

когда кто-то с энтузиазмом говорит о том о сем. Мне это кажется неприличным.

диссиденты

Серый решил бороться за демократию и попал в тюрьму. Он там тоже продолжал бороться. Из тюрьмы вышел пидерасом. Теперь живет в Европе и обижается на весь мир.

гимназистки

Дебелые. Я бы хотел иметь много друзей, но они мне быстро надоедают. У них нет желания повеселиться. Мой покойный ныне французский приятель рассказывал, что, когда переезжал границу России, у него в голове раздавался "клик!" и он чувствовал, что приехал в цирк. Все ненастоящее. Но зато кайф.

грязь

Даже странно, что в России так грязно живут. Это не объяснить отсутствием денег. Помыть пол можно и совсем безденежному человеку. Но полы грязные, обои засранные. На люстре висят штаны. Холодильник лежит боком на полу. Все потолки залиты. Одни -- желтые, другие -- черные. Если черные, это плохо, значит балки гнилые. Даже непонятно, почему уж так засрано.

Правда, есть дома, где почище. И думаешь: вот ведь суетятся, пыль вытирают. Но не с уважением. А так -- между прочим.

Все-таки самое главное русское слово -- грязь. В России все грязное: машины, помыслы, девушки, цветы, поля, весна. О грязной весне писал Пушкин, а потом задумался и не напечатал, постеснялся. А, может быть,

если бы напечатал, получилась бы другая, чистая Россия, кто знает.

москва

-- А ты, верно, скрывался на Ваганьковском кладбище?

-- Ну!

-- А чего ты там делал?

-- Обгладывал кости знаменитостей. -- Серый помолчал и добавил: -Можно, конечно, привести в порядок Москву. Москва стала краше.

америка

Я нашел для себя Америку. Америка танцует. Америка поет. Америка смотрит на меня открытыми глазами.

-- Америка, -- сказал я, -- давай решать, что нам делать.

-- Давай решать, -- ответила Америка.

И тут было тяжелое решение. Я заколебался.

-- Как хорошо послать мою родину на хуй! -- сказал я. -- Как хорошо спрятаться в Сан-Франциско.

Там так ветрено. Там так по-американски. Я завис. Ты приехала, чтобы меня увезти. Там у тебя яхты. Компьютеры. День рождения. Но что мне делать с тобой? Жизнь -- не резина.

любовь серого

Серый влюбился в надзирательницу. Веселая такая надзирательница, нескучная. Она стала его тайной невестой. Она его выкупила. Он освободился. Жили

вместе в пригороде. Играли в дурака. Вместе совершили вооруженный разбой, чтобы сыграть свадьбу. Кого-то убили, кого-то покалечили. Менты почему-то их не поймали.

имена-отчества

У каждого русского, на удивление иностранцам, есть не только имя, но и отчество.

-- Русский без отчества, как мужчина без трусов, -- сказал мне старый римский профессор филологии.

Поверхностное наблюдение. Но даже мой русский друг, большой любитель имен-отчеств, который знает всех русских по именам-отчествам, относится к именам-отчествам как к вспомогательным элементам. В отличие от него, я уверен, что имя-отчество, соединяясь цугом, создает картину человека и представляет за него даже при полном его отсутствии.

Россию погубили имена-отчества. Именно благодаря отчествам могла возникнуть такая пагубная идея воскрешения отцов. Русский таскает на себе отца в течение всей жизни в качестве отчества.

Мертвый груз.

мат

-- Зачем у нас мат? -- спросил я его.

-- Мат надо хранить как зеницу ока, -- наказал Серый. -- Мат -- наше топливо. Как керосин. Его нельзя разбазаривать.

-- Россия развалится?

-- Ты что, журналист? -- удивился Серый. -- Россия хороша как раз тем, что непредсказуема. Это ее

конституция, и кто этого не понимает, тот мудака. Россия может развалиться -- запросто! А может не развалиться. Россия может победить немцев, а проиграть финнам или еще каким папуасам.

Я посмотрел на Серого. Вид у него был берложий.

новая встреча

Потом я его долго не видел. К каким бы ухищрениям ни прибегал, я не мог его видеть. Я познакомился с ним случайно, в том измерении жизни, в которое боялся зайти, не зная из него выхода. У меня есть такие завороты головы, когда мне думается, что мои мозги делают мертвую петлю. В той жизни, где метро, булочная, издатели, дети, Серого нет и быть не может. Гений места никогда не имеет места быть. Есть только напряжение, схожее с ясновидением. Не повод обращаться ни к анаше, ни к героину. Я и сам -- героин.

Тогда я стал путешествовать. Я видел разные вещи. Я видел миражность Мали, пингвинов с розовыми бровями на скалах возле Кейптауна и вертикальную аскезу Индии, я ушел на Тибет, потому что там живут самые правильные люди этой земли.

И когда возвращался, я думал о Сером, мне хотелось ему задать несколько вопросов. Я встретил Серого совершенно случайно, на автобусной остановке, когда, отдав в ремонт на улице Обручева свой неновый автомобиль, собирался ехать домой.

-- Отъездился? -- сказал он.

-- Я был на Тибете, -- не без гордости сказал я, может быть, даже желая его чуть-чуть уязвить.

-- На хуй мне твой Тибет? -- сказал Серый. Он сел в автобус и уехал.

живое средневековье

Агенты по торговле недвижимостью, участковые врачи -- все те, кто имеет каждодневный доступ к простому народу, поражаются степенью его одичалости.

За фасадом большого города, в недрах "убитых" коммунальных квартир, с гнилым серпантинном наружной электропроводки, "жучками", крючками, затворами, синюшными стенами, битыми стеклами, разохшимися подоконниками, оторванными дверными ручками, тазами, затхлостью, там, где улица начинается с коридора, трубы слезятся, в уборных дворовый холод и голая лампочка, расселена Русь, которая до сих пор продолжает допетровские времена. Случайно ошибешься номером телефона -- откликнется из глубины колодца неменяемый голос -- с размаху въедешь в средневековье.

Неадекватность самых элементарных представлений, фантастические образы мира, скопившиеся, роящиеся, размножающиеся в головах, малиновые прищепки и дуршлага, под отклеившимися, повисшими изнанкой обоями -- газетные желтые лозунги, осуждающие не то Бухарина, не то Израиль, вонь ветхого белья, дрожащие руки со вспухшими венами, хитрость таракана, за которым гоняются с тапком в руке, изворотливость, непомерные претензии на пустом месте, неприхотливость, чудовищный алкоголизм, неподдающаяся анализу отсталость при работающем весь день телевизоре, ссоры, свары как норма жизни, ябеды, пересуды, сплетни, ненависть, крохоборство, нищета -- весь этот ком слипшегося сознания

перекатывается по всей стране. Дохлое пушечное мясо, непредсказуемый фатализм, готовый фарш для самой низменной демагогии, недобрый прищур, припизднутый рокер, маньяк с лобзиком, неизбывный запашок газа, неустойчивость реакций, болезни всех видов, физическое уродство, необъяснимая гордость за прожитые годы, нестриженная седина, паралич воли, неумение суммировать свой опыт, безграмотные понятия об истории хотя бы вчерашнего, прожитого ими же, как свидетелями, дня,

мозговые узлы карикатур с неизбежным Хрущом и бровастым хануриком, поклонение силе, нечеловеческая слабость -- вот тот люд, который живет -- не живет, но который есть и с которым мы слишком редко считаемся как с реальностью.

Дребезжат в их комнатах слабенькие серванты.

Сплетение бреда и ссылка на шурина, когда доказываются недоказуемые вещи, когда наивность -- нежнейшее из слов, которое можно подобрать, характеризуя их мысли -- какое испытание для любого человека, который выбрал своей религией любовь к ближнему, какое издевательство над ним.

Моль изъела плюшевые подушечки.

Надежда на то, что коммуналки расселятся, тоже наивна. Коммуналка как свет непогасшей луны -- норма русской ментальности. Она же -- модель взыскуемой собранности. Засранные подъезды и подворотни, непрочищенные, засоренные, как мусоропроводы, пещерные люди метафизичны. Их разрозненная посуда, гнутые ложки-вилки подотчетны лишь божественному суду. Они понижают представление о человеке, контакт с

ними чреват самыми эмигрантскими мыслями, совместное проживание рождает мысли об аде.

Запущенная Россия, которая никогда не проветривалась, никогда не была удостоена человеческого слова, не понимала логики своего развития -- сколько таких людей? миллионы? десятки миллионов?

Средневековье без средневековых символов веры, воплощенное в образы кому-то очень близких людей, не учитывается при разговоре о стране, где выставляются напоказ подсвеченные французами фасады сталинской архитектуры, которые посреди новейших построек ка

жутся чуть ли не итальянским городом. Надо ли говорить, что Русь с голой лампочкой, наследство допетровского, дореволюционного, советского и сегодняшнего времени, безынициативна настолько, что на ее фоне Обломов покажется Штольцем, и мы призваны с этим "пассивом" считаться?

Всегда найдется ватага доброхотов, которые бросятся бешено выступать против средневековья, приводить примеры счастливой соборности, с устойчивым графиком дежурств по уборке мест общего пользования, со скромным уютом и гуталином, когда жилички ходят в восточных халатах, сидят на диванах, задумчиво поджав ноги. Они закричат: что же народ мог сделать? Вот именно -что? Я знаю этих доброхотов наперечет. Они делают свою работу настолько грубо, что по природе не дуэлеспособны.

Помимо них есть огромное количество людей, которые возьмутся защищать всех этих средневековых существ: они прошиты общими токами, им жалко пьяных, жалко старух, брошенных без помощи. Мне по

отдельности тоже многих жалко. Но всю эту жалкую массу мне не жалко, она тащит Россию на дно.

Конечно, легче всего отнестись к ней язвительно, сыграть на панических настроениях, запугать, как и поступают те, кто вступает с ней в контакт и теряют быстро терпение. Можно попробовать отнестись к ней по-христиански и возлюбить. Но как бы к ней не относиться, она, эта масса, превращена волей случая в электорат, имеет голос и ничего общего не имеет с демократией.

Что с ней делать? Обманывать? Отмывать? Перевоспитывать? Ждать, пока перемрет?

Но последнее иллюзорно -- старики тащут за собой внуков, правнуков, которые тоже становятся на карачки.

После первого петушиного крика молодости от них больше нечего ждать, кроме рабской зависимости от вечного повторения. Все идет по кругу. Остается одно -- поместить их в концлагеря.

Но они там уже и так.

неуклюжесть

В каждом русском есть своя неуклюжесть.

Иван Петрович слишком толст. У него ремень под брюхом.

Василий Васильевич слишком обносился. У него дыры в обоих карманах.

Николай Иванович никогда не стрижет ногтей на ногах. Они у него сами собой подстригаются.

У невесты с зубами рваная ночная рубашка. Из нее аппетитно вываливается немытая сиська.

Мария Николаевна не пользовалась ни разу в жизни туалетной бумагой. И ничего -- осталась жива.

Вот почему у русских сильный балет.

мелкая совесть

Как-то я встретился с одной мелкой совестью нашей нации. Совесть предложила мне сделать беседу для газеты. Она стала рассказывать, как мальчишкой во время войны сбежала из детского дома, потому что там было невыносимо, проехала "зайцем" всю Сибирь и, поскольку Россия полна добрых людей, ей помогли добрые люди, которым она благодарна. Они не сдали совесть обратно в детдом.

Я спросил, почему было так невыносимо в детдоме, и, выслушав ответ, сказал:

-- Получается неувязка: добрые люди помогли вам бежать от злых детей и злых воспитателей.

Мелкая совесть удивилась, как будто в первый раз об этом подумала, беседы не опубликовала.

Русские переоценивают не только самих себя, но и своих детей. В каждом отделении милиции расскажут об их подвигах. В русском детском мире полагается быть жестоким. Мне рассказывали уличные проститутки, что самое страшное -- оказаться во власти подростков. Знакомый бандит, свидетель рассказа, кивнул:

-- Так везде. И в зоне. И тут, в Москве. Пацаны звереют. Бьют до смерти.

Драку заказывали? Ничего не изменилось со времен моей школы, где на перемене можно было влегкую получить по морде -- просто так

таланты и поклонники

Мне рассказывал французский посол, из русофилов, что у нас -- он много ездил -- в каждой церкви так замечательно поют. Голоса -- посол восторженно взмахнул рукой -- поднимаются к куполу, омывая лики святых угодников, навстречу Спасу. На свету, особенно в солнечный день, виден их непорочный музыкальный состав, и они растворяются в поднебесье. Такой талантливый народ. Я с ним согласился.

несознанка

Некоторые считают, что русские уходят в несознанку с тем, чтобы выкрутиться. Все равно, как рыба уходит на дно. Но,

по-моему, русские уходят в несознанку, потому что это нормальное состояние их сознания.

счастье

Как хорошо ничего не чистить, не отмывать. Пусть все окажется неотмытым.

непонятно что

Разве герои сказки -- нация? Они -- из сказки. Взгляните на себя. Мы -сказка.

польза

Любимым напитком Серого был чефир. Кому кактус, а кому чефир. Делал ли Серый детишкам свистульки из глины? Из орехового прута? Или самокаты? Посадил ли он клен? Или только курил, наклонившись низко к столу?

Если в тех автобусных измерениях жизни, где живет опустившийся усталый народ, где обитает Клавдия Федоровна и все остальные несчастные люди, где у

Ирины Борисовны взламывают дверь, чтобы забрать сломанный телевизор, заводится Серый, то, возможно, все решается очень просто. Какая польза от убийства Серого? Во-первых, он не будет мешать прогрессу. Во-вторых, разрушится сказочное измерение России. В-третьих, она перестанет быть мутной.

человек-исповедь

-- Grattez le Russe, et vous verrez un Tartare (Поскребите русского, и вы найдете татарина), -- говорят французы.

Они по-своему правы, но, как всегда, не заглядывают глубже феноменологии.

-- Поскребите русского, и вы найдете исповедь, -- dirais-je.

Русский -- человек-исповедь. Совсем не надо для этого обстановки движущегося предмета: поезда или самолета. Как перезрелый гранат, русский взрывается и истекает исповедью в самый неподходящий момент. Или как гнилой гранат. Скорее, как гнилой. А может быть, все-таки как перезрелый.

отношение иностранцев к России

Серый считал иностранцев обмылками и никогда не интересовался их мнением о России. Он ценил неподдельное чавканье русской жизни.

-- Зачавкала! -- одобрительно жмурился Серый, прислушиваясь к событиям жизни.

Он любил мутность русского человека.

-- Ты погляди, -- говорил он мне, -- как безобразно мутен русский человек. Он озадачивает жизнь. Она не

знает, чего он хочет. Он срывает с петель ход жизни и ставит жизнь раком.

-- У него паралич воли, -- говорил я.

-- Хуйня все это, -- незлобно отзывался Серый. -- Ты лучше прислушайся к этому вечному хрипу русского мужика, как он сипит и говнится.

Я уходил на цыпочках прислушиваться и возвращался в полном умилении.

-- Ну что, меняешь взгляд на Россию? -- подмигивал Серый. -- Про Россию никто не подобрал верных слов. Одни бьют себя в грудь и клянутся в любви и верности. Не верь

их клятвам. Другие, подражатели немцев, которые надели немецкое платье и думают про себя многое -- они, конечно, ублюдки, но хотя бы ясны. А эти -они вроде бы делают вид, что любят, а сами подмахивают с пользой для себя. Может, до них что-то доходит, но они глухие. Россия -- это хрюканье. Если не хрюкаешь, тебе тут нечего делать. Иди в интеллигенцию и придумывай теории.

-- Не хочу! -- невольно вырвалось у меня.

-- Россия по-умному не гордится умом. Она его топит, как котенка, но не потому, что любит утопленников, а потому что ум мешает жизни.

-- Ах, Серый, -- заплакал я.

-- На России мир держится, -- сказал Серый, залезая под одеяло.

плакун-трава

-- Серый, сыграем в жмурки? Ты -- гений этого гнилого места. Не Пушкин, не Достоевский, а -- ты. Ты -- гений. Ты -- шаман. Нечленораздельный человек. Ты держишь в руках братву, ты крутишь русскую политику, вершишь судьбы армии.

-- Солдаты -- необученные, -- сказал Серый. -- Мрут, как мухи.

-- Ты -- Spartak и ЦСКА, ты спускаешь мочу в попку, ты болельщик отечественных команд, ты -- вой стадиона, судорога трибун, ты насосался крови, ты грандиозный клоп, ты -- друг Христа, большевик, автор русских сказок, три богатыря в одном лице, трое братьев, от старшего до дурака, серый волк и Иван-царевич, владелец всех джипов, молодой месяц над снежным полем, ты -- все русские тараканы в ваннах и на кухнях, ты -- кровавое воскресенье, седьмое

ноября, великий почин, день победы, ты -- герой Советского Союза, ты -пивная, ты -- мое раздвоение, пребывание между двух невест, моя неустроенность, моя бестолковость -- вот почему смывается русское знание, не идет вперед цивилизация, ты держишь Россию за пизду. -- Я -- плакун-трава, -- застеснялся Серый.

Пятизвездочный морг

удавка

Стук в окно.

-- Кто там?

-- Это мы! Силовики! Я зажег свет.

-- Вы еще живой? -- недовольно спросил Пал Палыч.

-- Живой, -- недовольно ответил я.

-- А чего пропали?

-- Заболели? -- проснулся Саша.

-- Скорее, выздоровел.

-- Встречаетесь с ним регулярно? -- прищурился Пал Палыч.

-- Бывает.

-- Ваше впечатление? -- спросил Саша. -- Противный?

-- Нормальный, -- ответил я.

-- Будет с нами сотрудничать? -- спросил Пал Палыч.

-- Куда он денется! -- рассмеялся Саша.

-- А вы не смейтесь, референт, -- нахмурился я. -- Дайте мне еще время на размышление.

-- Ты не тyani, -- захрипел Пал Палыч. -- Страна дурит.

-- Удавку сзади и конец Серому, -- шепнул доверительно референт. -Поздравьте Пал Палыча, ему новую бляху дали.

-- Да ладно тебе, -- притворно смутился Пал Палыч.

-- Дуги золотые, обруч, листки сельдерея, -- ликовал Саша.

-- Двух дельфинов, сходящихся хвостами, забыл, -- не выдержав, просиял Пал Палыч. -- Помните, как я вас учил? Половину преступлений провоцируют сами потерпевшие, -- быстро заговорил он. -- Надо ходить в ватниках, в вязанных шапочках, дамам -- тоже в

ватниках, на низких каблуках, в темные переулки не заходить.

Силовики исчезли.

за секунду до кончины

Серый зажег свечи, врубил Вивальди.

-- Луноход, полный ход! -- осклабился Серый, запуская на ковер тело невесты с зубами. На теле невесты две кнопки страсти и один пяточок безумия. На теле невесты Серый воссоздал большой стиль советской галантереи образца года: васильковый пояс от чулков с резинками, болтающимися на больших белых пуговицах. У пуговиц удивленное выражение лица. Сам Серый нарядился в голубые кальсоны с тесемочками. Невеста поползла по ковру на локтях и коленях. Он -- давай фотографировать.

-- Одуван ты мой эротический, -- подобрел Серый, когда невеста уперлась в угол. -- На подоконник! Она вскарабкалась.

-- Покажи письку!

-- На! -- сладострастно застенялась она, сунув лицо в волосы.

-- В лифт!

Она помчалась на лестницу, тряся резинками.

-- В ванну!

Невеста поплыла в ржавой, чмокающей посудине.

-- Аними меня, как я писаю!

-- Ну, давай, -- нехотя сказал Серый, не поощряющий женской инициативы.

Невеста выпустила желтую струю в ванну.

-- Какие вы, все-таки, женщины -- гадость, -- сказал Серый, переводя кадр. -- Когда ссыте, у вас моча по волосам течет.

-- Аними меня, как я какаю! -- не унималась невеста.

-- Ты попу как вытираешь: снизу вверх или сверху вниз?

-- Понятия не имею, -- пожала плечами невеста.

-- Всем спасибо! -- закончил съемку Серый. Когда Серый проявил фотографии, он выглядел огорченным.

-- Одуван ты мой нефотогеничный, -- задумчиво сказал он.

Невеста вырвала у него из рук фотографии и побежала показывать мне:

-- А это я, за секунду до кончины! -- с гордостью заявила она. -Скажи: классно!

половина россии -- негры

Лена -- русская негритянка. Теперь она ведет ночную программу о сексе, но было время, когда она в нем совсем не разбиралась, путала мужскую мастурбацию с сонным почесыванием в паху. Мы познакомились в Нью-Йорке. Мне нужно было увидеть Гарлем, и она помогла найти нужных людей. Мы ехали в такси, и белый лысый таксист спросил:

-- На каком языке вы разговариваете?

-- По-русски, -- ответил я.

-- Вы русский?

-- Да.

-- А почему она говорит по-русски?

-- Она тоже русская.

-- Как?

Я подмигнул Лене.

-- Половина русских -- негры, -- сказал я.

-- Как?

-- Так, -- спокойно ответил я. Шофер резко затормозил и выругался.

-- А еще говорят, что у нас свобода печати! -- вскричал он. -- Они даже не могут сказать, что половина русских -- негры!

Я сначала рассказал эту историю как анекдот, но оказалось, я был прав.

ремонт

-- Я не смерти боюсь, я ремонта боюсь, -- сказал Серый, когда в пьяном виде вел жигули по Ленинскому проспекту. Он закрывал один глаз ладонью, чтобы лучше видеть.

Страна вечного ремонта. Здесь все так подгнило, не успев созреть, что, за что ни возьмись, чтобы сделать ремонт, надо начинать сначала, а лучше всего и вовсе не начинать.

описание внешних особенностей

Я придерживался традиционной ошибки: верил в описательность России. Всякий, кто брался писать о ней, думал, что русский имеет хотя бы оболочку нормального

человека. У него, казалось бы, две ноги и руки. Но это только иллю

зия. Это четырехногий зверь. Таково отражение сущности Серого в русском человеке, кем бы русский ни был. Конечно, есть некая группа русских, которые имеют ослабленную иллюзорность и потому смазаны как характер. Но оставим в стороне случайные явления. Поговорим о главном. Русский человек бесформен.

Поколенческие вибрации оставляют впечатление, что в России что-то происходит. Газеты выплескивают информацию. Читатели выклеивают из жизни сказку и продолжают в ней жить. Осознав опасность русских, я попытался их остановить. Но, найдя Серого, я увлекся русскими конструкциями. Может быть, Хайдеггер также увлекся нацизмом. Мне показался жизненно необходимым этот радикализм нации.

тараканьи цветы

Молодежь -- временное явление. Они оторвались и имеют свои представления о жизни. Ходят в "Пицца-хат", трахаются, танцуют. У них беспросветное будущее. В предчувствии этого невеста с зубами разводит на кухне если не цветы, то тараканов.

философия общего дела

Русский -- это человек, который слабее обстоятельств. Лаокоон -игрушечная забава по сравнению с русской жизнью. Но примешь стакан -- змеи с шипом расползаются. Небеса светлеют. Над Россией встает солнце.

Нормальное состояние русского -- пьяное. Пьянство ему идет. Неуклюжесть становится шиком. Косноязычие -- поэмой. Песни -- гимнами. Оборванство -жизненным

стилем. Стоит русскому стать пьяным, как он приобретает черты неземной элегантности. Если присмотреться к фотографиям пьяных баб, которые вывешиваются на витрине перед вытрезвителем, поражаешься силе чувств, отразившихся в телах и лицах. Призывный распад плоти стоит работы могильных червей. Это посильнее Микеланджело. Это очищенное видение судного дня. Есть ангелы, под видом алкоголиков их сюда засылает Бог проверить, кто есть кто. Проверка водкой -- русский Страшный суд. Потеря человеческого облика бесценна. Это полнейшая обнаженность, как после смерти, перед Богом: "Вот я такой и больше никакой". Не прошел испытание -- живи вечной смертью.

Что было раньше: Россия или водка? Вопрос теологически некорректен. Потому в России нет и не должно быть культуры пьянства, что есть метафизика, презирующая латинское отношение к вину, баварские пивные выкрутасы, но ценящая строгий набор ритуальных предметов: стакан, пол-литра, огурец.

Русский выпрямляется, расправляет плечи, если он православный, то крестится, и, став благообразным, как никогда, он выпивает. Картины мира сменяются с каждой рюмкой. Выпивание -- не линейный путь, а смена измерений. Русский проходит и познает состояния: от беспочвенного оживления, шумного веселья, похоти, счастья, войны, тоски, кручины до пребывания в русской нирване, которая в силу несравненности не знает словесного выражения.

Русский болезненно уходит в ненормальную категорию трезвости, и этот уход зовется похмельем. Он весь трепещет, душа беспокойна. Это все равно что уйти из дома. В ночь. В мороз. В колючую, беззвездную жизнь. А когда рус

ский возвращается домой, он топит печь и сидит у огня. Ему ничего другого не надо. Он -- домовитый мужик. Он живет дома несколько дней, неделю, месяц, и люди с уважением говорят, что у него начался запой.

В пьяном виде русский похож на себя.

гражданин мира

Наездившись по миру, чтобы лучше понять Россию, я пришел к выводу, что Россия представляет для мира серьезную опасность. Конечно, Россия -- яркая экзотика. Допустим, Россия, излучая свою духовность, что-то дает миру. Мало того: цивилизация, по определению, вещь скучная. Но кто готов променять скучную жизнь на веселую смерть? Я решил сократить Серого.

дурное влияние

Когда Серый стал молодым человеком, на него дворовая молодежь оказала дурное влияние.

Ну, хулиганы.

У русских принято считать, что дурное влияние -- корень зла. Что же такое, на самом деле, дурное влияние? Видимо, это совращение. Непонятно, однако, кто был тем первым человеком, который оказал на других дурное влияние.

Возможно, это был Серый. Да, так оно и было. Серый -- дурное влияние в чистом виде. Но тогда -- где логика?

стыд и срам

Раз исповедь -- так исповедь. Пусть тайное станет явным. Мне стыдно, но я потому и русский, чтобы говорить постыдные вещи.

Кто-то каялся, что трахнул в бане малолетку. Судя по Страхову, это был Достоевский. Трахнуть малолетку -- какая замечательная идея. Это лучше, чем трахать Анну Григорьевну. Официальный секс -- это такое постное масло. Не понимаю, как люди этим могут заниматься всерьез. Любовь быстро выветривается, а потом -- что там остается трахать? Что-то выветрившееся.

Но меня больше интересует кого-нибудь убить. Из автомата. Совсем незаслуженно. Отправить к праотцам. Надо будет как-нибудь сделать.

Или трахнуть малолетку.

У нее все такое миниатюрное.

организация природы

Серый выбросил бутылку из окна моей машины прямо на дорогу. Бутылка попрыгала-попрыгала и разбилась.

-- Ты чего? -- удивился я.

-- А чего? -- удивился Серый.

признание

Я люблю русских.

Я очень люблю русских. Прямо как Есенин.

сговор

Я встретился с Серым. Была осень. Поганое время.

-- Тебе здесь не жить, -- сказал Серый. -- Даю часа на размышление.

-- Хочешь, буду твоим? -- сказал я. -- Я тоже люблю бандитский привкус жизни.

-- Жизнь сделала меня бандитом, -- сказал Серый.

-- Капитализм тебя, блядь, причешет.

-- Не успеет, -- усмехнулся Серый. -- Помнишь, в детстве навозом мы мазали санки, чтобы они скользили. Говна не будет -- Россия кончится.

-- Я тоже мазал санки говном, -- обрадовался я. Я удивился тому, что обрадовался.

-- Ты мне не нужен, -- сказал Серый. -- Мне не нужен человек, который переводит на доступный язык мои заклинания. Этой стране не нужны аналитики. Мне нужен человек, который сдержал бы натиск дешевых слов.

-- Давай помогу, -- сказал я. -- Я тебя обозначу.

тайный советник

-- Что такое Россия? -- спросил меня Серый.

-- Россия -- это нравственность, -- ответил я.

-- Пять, -- сказал Серый.

-- На чем держится Россия? -- спросил Серый. Все русские боги задают каверзные вопросы. Это отразилось в фольклоре.

-- На бесчестии, -- ответил я. Серый ничего не сказал.

-- С тобой можно работать, -- сказал Серый.

Мы стали работать. Я был назначен советником. Боже, я -- советник! Конечно, я ничего не советовал. Я был порученец. По связи с интеллигенцией. Я был тайный советник русского Бога.

задание

-- Ты, значит, вот что, -- сказал Серый. -- Ты -- писучий, а я -- нет. Я тебе скажу, что писать, а ты -- напиши.

Серый не любил писателей, но он их почему-то немножко уважал.

-- Ты напиши, что бабы -- это говно. Их надо проучить. Вот у меня, например, была невеста. Ну, одна парикмахерша. Понял?

почему русские боятся евреев?

Мы разругались с Серым, потому что он подлец. Я писал для него. Мне казалось: работаю на Россию. Но он мне неожиданно предложил написать, что все евреи -- гады. И даже полукровки -- гады. Может быть, они опаснее, чем жидаы.

-- Ты чего? -- сказал я.

-- Ты пиши, -- буркнул он.

-- Почему ты боишься евреев? -- спросил я.

-- Они умные. Они пьют кровь христианских младенцев.

Русские сидят, как бобики, уши прижали -- боятся сионских мудрецов. Своих мудрецов нет -- помоги кулаком. Погром -- это целая программа обеспокоенности. У русских мало такого смачного

антисемизма, как у украинцев и поляков, -- у них просто поджилки трясутся.

-- Придут сионские мудрецы -- объебут.

-- А вы не объебывайтесь.

-- Как же нам не объебываться, если мы дурачки?

-- А вы не будьте дурачками.

-- Чего захотел! Мы -- порознь, а они кучкуются.

-- А вы тоже своих тащите.

-- Мы так не умеем.

Нет другого такого вопроса, где бы так ясно было видно русское бессилие. Сродни половому. Хочет мужик показать себя, а у него не стоит. Тогда тут все разнесешь от зло

бы. Но, кроме бессилия, сидит в подкорке физиологическое отвращение. Женщины боятся мышей, а русские -- евреев. Сюда бы психоанализ: откуда эта гадливая боязнь? Русскому еврей физиологически неприятен, он его отталкивает. И носом, и волосами, да и вообще. Но об этом в книжках не пишут. Антисемитизм -- бег в сапогах по жидкой глине. Русского "клинит" на евреях. Они как осколки древнего Бога рухнули ему на голову и отняли рассудок. Желание реванша. Распускание грязных слухов. Тактика скунса. Нелюбовь к евреям как пароль объединяет русских. Отними пароль -- не ясно, где кто. Суть не в доводах, а в позывных.

-- Богородица -- тоже еврейка, -- напомнил я.

-- Ну, тогда мы совсем пропали, -- перепугался Серый.

встреча в верхах

-- Рассказывайте, -- сказал реформатор.

-- Серый -- враг русского прогресса. Пора кончать с русской сказкой.

-- Зачем вы от меня бегаете? -- обиделся Саша. -- Мы должны вместе принимать ответственные решения. В конце концов, власть должна участвовать.

В газеты я не пошел. Безбытийственность России призвала к правлению русскую бюрократию.

-- Если идти во власть, первое знание: народ -- дрянь, -- сказал я. -Русский консерватизм знает это лучше всех. Чтобы оградиться от народа, нужно создать армию бюрократов.

Дозвониться не было возможности. Единственные живые люди во власти -служба безопасности. Но у них плохая наследственность. Я предложил им ликвидировать Серого.

-- Серый -- сплошная заморочка, -- сказал я. Пал Палыч выслушал со вниманием, несмотря на мистические трудности.

-- Значит, он есть? -- наконец спросил он.

-- Как я понимаю, ликвидация Серого откроет России пути процветания, -уточнил Саша.

Реформатор, которого не любит народ, никак не мог решиться.

-- А если он нам пригодится?

-- Как?

Я разочаровался в кремлевских мечтателях.

оборотень

Мне жаль мировых усилий. Я купил кинжал. У Серого сегодня много дел. Он пробудился к жизни. Он богатый и бедный одновременно. У Серого -- голубые глаза. Мы с ним вырабатываем концепцию будущего России. Решено: мы будем плясать, как грек Зорбе, сиртаки во льдах, на бесславных руинах.

-- Запуталась, старуха? Выжила из ума? Распадайся, дрянь! -- завопил Серый.

Я дал Серому денег. Он стал работать сторожем у меня в гараже. Он стал разбазаривать. Я подумал: нужно его кинуть. Я сдал Серого бойцам. Вдруг все активизировались. Серый стал прорабом. Звонит по телефону. С телефоном практически не расстаётся. Пошла жизнь.

-- Не хочу полного пиздеца! -- вскинулся Серый. -- Желаю супердержаву. Обгоним снова Америку!

Самое красивое в русской жизни -- гульба. Мы загуляли. Я гляжу: а глаза-то у него голубые-голубые.

убей невесту

-- Во, во, радость моя, -- сказал Серый нашей общей невесте с зубами. -- Видишь ли, матушка, братец твой болен, пришло время ему умирать. Умереть надо ему, матушка, а он мне нужен как важный спонсор. Для обители нашей, для сирот. Так вот и послушание тебе: умри за братца.

Невеста захлопала глазами от неожиданности, но быстро пришла в себя.

-- Благословите, батюшка, -- ответила она смиренно и даже как будто покойно.

Серый после этого долго-долго беседовал с ней. Невеста молча все слушала. Вдруг смутилась и говорит:

-- Батюшка! Я боюсь смерти!

-- Что нам с тобой бояться смерти? -- усмехнулся Серый. -- Для нас с тобой будет лишь вечная радость.

Простилась невеста, но только за порог, упала от глупости жизни. Серый послал бойцов, приказал положить ее на стоящий в сенях гроб, окропил, напоил святой водой. Невеста заболела и сказала:

-- Теперь я уже больше не встану.

Ее последние дни сопровождались видениями.

видения русской невесты с зубами

Если говорить о русском загробном фантазме, то это дворец из прозрачного хрусталя и золота. Зал заполнен одними молодыми девушками. Платья необычайной светлости. Блестящие венцы на головах. Входит невеста:

-- В храме я увидела величественную Царицу, неизреченной красоты, которая, призывая меня ручкой, сказала: "Следуй за мной и смотри, что я покажу тебе". Вдруг вижу,

что одна из девиц ужасно похожа на меня. Потом, по указанию Царицы, я стала рассматривать другую сторону залы и увидела на одной из девушек такой красоты венец, что я даже позавидовала! И это все были невесты, прежде меня бывшие и теперь еще живые, и будущие.

-- А ты выбросила из холодильника гнилые овощи?
-- спросила меня Царица.

-- Выбросила, -- потупилась я.

-- Зачем врешь? -- подняла брови Царица.

-- Я не вру.

-- Врешь, неряха!

-- Я выбросила морковку и гнилой огурец, а лучок забыла.

-- Лучок-рачок, -- зашумели девицы в венцах.

-- Покажи мне свою фотографию, ту, где ты снялась за секунду до кончины, -- молвила Царица. Я посмотрела ей в глаза.

-- Меня никто не снимал на смертном одре, -- твердо сказала я.

Царица наотмашь ударила меня по щекам.

Я

Я - как эмансипированный цыган с золотыми зубами, пишуший о вороватости своей нации.

недоверие к уму

Русский ум непредставим. У него нет доверия к себе. Кто бы ни пытался его обозначить, он остается неуязвимым, до него ничего не долетает.

Легко наехать на русских. Но, соглашаясь с Кюстином,

терпишь крах, когда оказываешься во Франции и начинаешь испытывать чувство тоски, тошноты, скуки от общения с нацией, ценности которой выражает собой Кюстин как критик России.

Тоска по родине в гораздо большей степени оказывается родиной, чем сама родина. Другие родины можно поменять одну на другую без особой болезни. Не

это ли поразительное свидетельство значительности русской сущности? Миллионы русских эмигрантов XX века, изнывавших в Берлине и Париже, неустраившихся, озлобившихся -- пример могущества России.

случайно

Серый случайно разбил окно. Ирина Борисовна случайно не подпала под сокращение. Отец Серого случайно трахнул мать Серого, а ведь был практически совершенно пьяным, и даже непонятно, как у него это вышло. Но ни мать, ни отец не удивились. Только почувствовали что-то склизкое внутри, а потом ничего. Наташа случайно попала под электричку. Россия -- случайная моя родина.

трупный запах

Бедный мой народ! Задроченные люди! Ну если не я, то кто? Зачем я это делаю? Ради исправления нравов? Во имя будущего? Или, может быть, исходя злобой? А, может быть, я люблю вивисекцию? Откуда этот трупный запах?

василиса и василиск

Родственники. Когда Василиск узнал, что Василиса любит цветы герберы, а герберы в Москве в ту пору не продава

лись, он пошел в Ботанический сад к своей бывшей однокласснице, и та посеяла герберы по его просьбе на опытном участке. Круглый год ходил Василиск в гости к Василисе с желтыми, красными, фиолетовыми и электрически-зелеными герберами. Василиса никак не могла понять, откуда цветы. Наконец они поженились,

прошло пять лет инцеста, у них родились дети, и Василиск с доброй улыбкой рассказал, как было дело.

врачи

Серый прикинулся интеллигентом и долгое время ныл по каждому поводу. Он не удержал инициативы, полетел вниз, упал, разбился. Интеллигенцию отменила свобода. Они боролись за освобождение. Допустим. Они победили. Справились. Оказались катастрофически беспомощными. Серого обошли, обскакали более предприимчивые. Серому нечего было сказать при свободе.

Цензура была спасением для прикрытия бесплодия, оформила множество липовых карьер. Цензура помогает мысли, -- считал Гоголь. В этом нет никакого свободного порыва.

Я зашел в Дом литераторов, который в юности казался мне значимым местом. В пустых помещениях с бодуна бродил Серый. Я всегда чуть-чуть презирал русскую интеллигенцию. За неадекватность дискурса. Серый как зарядит свое "мнекажется", "мнекажется", и я уже не знаю, куда бежать.

Правда, я отдавал должное русским врачам.

задор

Желание быть как можно более крутым -- совсем не крутое желание. Оно -все то же бегство от себя.

вглубь

Я -- монтер. Серый -- шахтер. Мы ушли вглубь России. Дорога вглубь России поросла мхом. Нутро России состоит из перепутанных проводов. Мы обратили

внимание на отсутствие вытяжки. Чучело России набито мертвыми птицами.

ветераны неба

Христианство превращается в фольклорный ансамбль под управлением Петра и Павла.

Глобальная деревня нуждается в метафизическом единоначалии. Но, если я разрушаю старых богов, не открываю ли я путь к тотальному хаосу? Неведомый бог не обеспечивает полицейского порядка. Кто знает, насколько затянется переходный период.

Энтропия Европы пропорциональна энтропии христианства. Европа чувствительно уловила закат христианства. Ницше ошибся в том, что Бог умер. Умерла его очередная маска. Больше, чем на новую маску, мы не можем рассчитывать. Иначе -- все другое. Иначе -- уже не мы.

Даже если я в корне неправ, пусть это будет оживлением старой полемики. Это -- не экуменизм. Мне надоели боги в театральных одеждах. В сарафанах. Пора бы всем нынешним богам на пенсию. Для них, ветеранов неба, найдется необременительная работа. Вместе с греческими олимпийцами и Дедом Морозом они станут наставниками детей, назидательными героями мифов, легенд, сказок.

Можно, конечно, созвать сессию ЮНЕСКО и заказать на ней нового Бога. Составить меню. Смешать на компьютере краски. Но, скорее, он появится сам по себе, из черной грязи Африки, из Интернета, среди русских бомжей, калькуттских мух, наркоманов Нью-Йорка.

Сущность христианской сделки была гениальна: предопределение смерти в обмен на выполнение моральных норм. Просто и понятно.

китайцы

Русские все стерпят, всякие унижения, они тренированные. И нагоняи начальства, и разные издевательства, и свободу, и завтрак без кофе, и диктатуру. Но если китайцы заживут богаче, они не стерпят. Нет, тоже стерпят. Стерпят: сгорбятся -- и запьют кипяточком на станции, с сахарком в прикуску. Я не знаю ни одной такой вещи, которую бы не стерпел русский. Не зря русских презирают на Кавказе.

еще про китайцев

Я вот думал, без чего не может жить русский. Без Бога -- может.

откровение

Не слишком ли все в России устало и переустало? Не нужно ли этой выжженной земле отдохнуть? Россия держится на инерции. Подражательная страна. Она подхватит любое начинание. Она обезьянничает, это ее сущность. Если сюда не впрыснуть новой самостоятельной энергии, Россия уйдет со сцены.

Нужна ли Россия для нового откровения? Нужна ли она вообще? Если бы она пропала завтра, полностью, кто-нибудь взгрустнул бы за границей?

-- Папа, папа, Россия пропала!

-- Какое облегчение!

В основном, обрадовались бы. Как будто гора с плеч. Ну хорошо, за границей. А в самой России, если бы она пропала, много было бы слез?

Но куда она денется? Лежит, мешает.

Правда, Большая Американская Зая считает, что Россия нужна для продолжения духовной жизни. Она имеет в виду Соловьева, Федорова, Бердяева, Мережковского.

-- Я хочу обожествить свое тело, как Мережковский,
-- ворочается она на диване.

достоевский

Достоевский всех вокруг обвинял в том, что они не знают русский народ. А он знал. И писал, что русские склонны к бесчестию.

откуда берется духовность?

Из неудачничества.

цепь

Русская история -- цепь неудачных реформ. Мы все сидим на этой цепи. Новые реформы -- старый скандал. Временные надежды, эйфория, трехцветные банты, краткая вера в свои возможности, напалмовая печать, от обличительства до стеба. Явление хуя с горы. На чем-нибудь военном: колеснице, танке, броневике. Компрометация идеи реформы за счет некомпетентности новых верхов. Быстрое развращение реформаторов. Голые бабы в бане слаще мечты о счастье России. Очередное разочарование верхов в народе и -- приличных людей в верхах. Отвращение от власти. Стрель

ба по хую с горы. Раны, болезни, отсохшая рука, неразборчивость в друзьях, подозрительность, алкоголизм и посредственный макиавелизм хуя с горы. Бюллетени о его здоровье. Мудацкие народные избранники.

Всеобщее желание порядка. Мутация. Хуй с горы как человек порядка. Террор. Краткий экстаз мазохизма. Массовое истребление населения. Обморок.

Подземный ропот интеллигенции. Сладкие катакомбы. Изживание террора. Послеобморочное возвращение к человеческим ценностям. Предпосылки к либерализации. Хуй с горы как освободитель. Пальба по освободителю.

Впрочем, есть дополнения. От реформы к реформе изнашивается потенциал населения. Население выбивается из сил.

знаменитость второго сорта

Можно привести тысячи доводов против России. Доказать всю ее никчемность, неспособность к труду, обреченность. Тем не менее, Россия привораживает к себе. Я сам чувствую на себе ее притяжение. Я люблю русскую пытливость, небольшой круг людей, которые живут весело. Смешливо. Безбоязненно. Умеют рисковать.

Но это такой маленький кружок. Я бы не мог жить в провинции. Скучно. Нерасщепленность мозгов. У меня смещены понятия.

Под словом Россия я воспринимаю этот самый кружок людей, которых я встречаю в Москве и еще

чуть-чуть в Петербурге, и совсем по крохам в нескольких городах.

Но чем они мне нравятся?

Я мало с кем из них нахожу общий язык. Я не вижу глубокой мыслящей страны. Философов нет. Писателей очень

мало. Горстка сильных музыкантов. Горстка художников. Вот и вся моя родина.

Остальное -- азиатщина. Почему, однако, я не бегу из этой насквозь лживой страны? Потому что моя хата -- с краю.

Я не хожу каждый день на работу. Не спускаюсь в шахту, не голодаю. Я живу несколько месяцев в году за границей. Италия, Германия, Франция, США. У меня социальный статус знаменитости второго сорта. Если бы всего этого не было, я бы взвыл. Меня бы разорвало. Фактически я не живу жизнью российской черни. На полноценную русскую жизнь меня не хватает. Я не иностранец в своей стране, но я и не ее задроченный гражданин. Я из тех *harry few*, кто может себе позволить любить эту страну странной любовью.

Она -- моя. Я мысленно совершаю большое количество гадостей, в реальности -- меньше, но совершаю. Мне хочется каждому иностранцу дать по морде. Я люблю очнуться непонятно где, голый, сраный, вот с такой головой. Я люблю русских баб. Я могу выпить три бутылки водки и не упасть под стол. Я наплевательски отношусь к своему здоровью, как и все прочие мои соотечественники. Мне привычен русский простор. Но я ненавижу эту страну. Как государство. Как скопище идиотов. Как гнилое место. И -- все равно -- я не

уезжаю. Но я знаю: в старости лучше жить в Калифорнии. Там до лет можно легко дышать свежим воздухом. Плавать на каноэ.

Но мне там будет тошно. Мне интереснее с русскими, чем с иностранцами. С русскими веселее. Мне тесно с иностранцами. Мне не хватает в них воображения. Русское воображение -- продолжение вранья. У русских сильное воображение.

Но мне надоело жить в государстве, которое не умеет быть государством. Мне противны фашисты. Радикальные, бритые и умеренные, бородатые. Мне надоело нытье, беспомощность.

Я живу в России как посторонний, потому что я живу лучше многих и могу себе позволить говорить все, что думаю. Я не боялся власти, я жил свободно в СССР, я так свободно жил, как никто. Надо мной нет начальства, подо мной -подчиненных. Свобода дает мне возможность думать так, как я думаю. Мне повезло. Но это только временное везение.

Я живу совсем с краю. Кто-то живет тоже с краю, но ближе к центру, кто-то живет между краем и центром русской жизни, кто-то живет ближе к центру, и чем ближе к центру, тем мучительнее и страшнее, тем грязнее и беспомощней, тем отчаяннее, и центр -- это ад.

народные умельцы

Я еду по Берлину под проливным дождем. Со студентами. Вдруг какая-то машина остановилась. Заглохла. Студенты выбегают и толкают. Мокрые полностью. А мы говорим -- немцы.

А тут у меня в Подмосковье машина сломалась. Я только махнул рукой: помогите -- набежала куча

народных умельцев. Доброжелательные ребята. Дима. Слава. И другие. Машину долго били кувалдой. Наконец она поехала, но когда я приехал на ремонт, знакомый механик Володя остолбенел.

русские радости

Застолье -- не русское слово, а перевод с грузинского, но это не имеет значения, потому что русский стол -- навер

ное, самый лучший стол в мире. Есть тихая прелесть русского приготовления еды, есть все эти женщины, которые, не считаясь с работой, готовят. Они так весело суетятся и вкусно готовят.

Я уважаю бесполезное застолье, с безобразиями. Помню, я дважды дрался с Иосилиани. Свирепо били друг друга по морде. Есть что вспомнить.

любовь

Мне говорил один знаменитый поляк:

-- Знаешь, чем русские девушки отличаются от всех прочих?

-- Знаю, -- уверенно отвечал я, -- они трахаются дней в году.

-- Неужели так много? -- удивлялся поляк.

-- Разве для них это много? -- удивлялся я.

-- Очевищче! дней в году они смотрят тебе в глаза и говорят: ангел ты мой!

рабочий класс

-- Советская власть кончилась в году, -- сказал мне старый маляр, который красил стены в квартире моих родителей в -е годы.

Я удивился осмысленности его слов и запомнил на годы. Возможно, маляр был троцкистом, не в этом дело. Главное, что он был. Это была единственно исторически продуманная часть речи, которую когда-либо я услышал от русского рабочего. Не помню его лица, но, может быть, он и был тем рабочим классом, пролетариатом, который кончился в -ом году

худшие

В России методично перебили всех лучших. Перебили лучшую аристократию, лучших попов и монахов, лучших предпринимателей, лучших меньшевиков, лучших большевиков, лучшую интеллигенцию, лучших военных, лучших крестьян. Остались худшие. Самые покорные, самые трусливые, самые никакие. И я -- среди них. Тоже -- из худших. Из отбросов. Мы засоряем землю. И понять, какими были эти лучшие, уже нельзя. Да и не надо. Все равно из худших не слепишь лучших.

гордость

Когда мы все совсем разбазарили и опростоволосились, тогда мы с особой силой стали гордиться собой.

друзья

Кто сказал, что друзья познаются в беде? Наверное, кто-нибудь из неудачников. У нас тут все живут в беде, и ничего: друзья не воют. Но если к тебе пришел успех, и не просто успех, а реактивный выхлоп, друзья разбегаются в панике в разные стороны. А те, кто не

разбежался, каменеют и становятся опасными. В таком случае лучше иметь дело с врагами.

знает ли жизнь английская королева?

Русский отвратительно вынослив. "Вынесет всё" и -- никакой дороги себе не проложит, поэзия врет, потекая своей мечте. Снова всё вынесет, и опять ни зги. Вместо света -

черный день. Черный день до сих пор остается русской нормой жизни. От черного дня надо плясать, как от печки. Черный день стучит в мозг бесконечным напоминанием о сермяжной правде. К черному дню будь готов! Красные дни календаря не перешибли генетическую народную память о черном дне. Надо отложить самого себя на черный день. Иначе не поймут.

Когда приходит черный день, русский переключает скорости: европейский активизм -- на азиатскую созерцательность -- и впадает в дрему духовности. Жизнь в землянке и черные сухари -- это самый надежный тыл, который он всегда оставляет за собой.

Русский уверен, что право голоса имеет тот, кто "знает жизнь". Остальных он если не презирает, то не считает за людей.

-- Ты жизни не знаешь! -- классическая русская фраза, которую говорят родители детям, старшие -- младшим, наставники -- всем вокруг.

Под "знанием жизни" скрыто пребывание и выживание в экстремальной ситуации. На войне, в тюрьме, лагере, на лесоповале, в больнице на коридоре. С такой точки зрения писателем, который "знает жизнь", оказывается Солженицын. Но таким же оказывается и Шаламов. Оба "хлебнули", только выводы сделали

противоположные, в разные стороны доверия и недоверия к человеку. Значит, даже если "знаешь жизнь", можно жить совершенно по-разному.

"Знать жизнь" -- это гадость, мерзость, пурга, грязь в лицо, ожидание подлянки по всему азимуту. Национальная философия закладывается на глухую самооборону, ожидание внезапного удара. От такого "знания жизни" рождается тяжелая подозрительность русских, настороженность, тугодумство, недоброжелательство, о котором как о нацио

нальном недуге писал Пушкин. Социальная патология объявлена компасом, по которому требуется ориентироваться.

"Жизни не знаешь" -- значит духовно проштрафился, не состоялся как личность, зря проболтался на этой земле. Вот, казалось бы, русская философия существования. Раз дошел до пограничной ситуации, то постиг смысл жизни.

Однако это не совсем так, или даже наоборот. Экзистенциализм как традиция зовет к ответственности отчаяния. Предлагает сохранить интегральность личности в невыносимых, абсурдных условиях. У нас же "знать жизнь" -- значит спасайся, как можешь, учись выкручиваться любыми способами. На этот случай и заготовлена и знаменитая спецпоговорка: "не объебешь -- не проживешь". Конечно, некоторые тонкие деятели тут же морщатся и начинают поговорку вымарывать. И это тоже выход в национальную философию. Надо выживать по коду, который не разглашается. Не вскрыть гнойник, а поджать губы. Поговорка для служебного пользования. Но все-таки: кого именно поговорка призывает "объебать"? Адресат чудесным образом не

указан. Мы все -- ее адресаты. Пограничная ситуация оказывается ситуацией вседозволенности. "Знать жизнь" -- не искусство жить, а искусство выживать.

Нужны ли искусству выживания хорошие манеры? Смешной вопрос. Если у меня успех, слава, оvationи, две машины или, не дай Бог, личный самолет -знаю ли я, что такое жизнь? Нет. Это не жизнь. Это дешевка. Более того, это раздражительная дешевка. Чем больше успеха, тем меньше жизни. Успех в России вообще бранное слово. Успех не обсуждается, а осуждается. Он противоречит этике отечественной жизни. Тогда зачем мечтать о "широкой дороге"? Зачем сюда запускать поэзию? Какое-то глубокое несоответствие. Русский уверен, что положительные вещи не продол

жительны. Нас так учит наша история. Мы так измочалены жизнью, что смотреть на процветание других -- противно. Хочется это процветание опорочить, объявить ему войну. Но если мы принимаем все это как данность, то нам вместо дороги светит санкционированное чувство злобы и зависти, узаконенное злорадство, если у соседа сорвалось и не получилось. А это уже существенный запас чувств. Своего рода вдохновение. Но, самое главное, философия "знания жизни" и "черного дня" находит свое подтверждение в моральном кодексе религии, освещаются христианством. Это очень удобно.

Если вся страна настроена на черный день, надо скрывать другое отношение к жизни. Таиться. Прикидываться, что живешь на оклад. А напоказ -нить. Счастливых у нас любят только в песнях и после смерти. Итак, я знаю жизнь, когда хлебаю много горя. Или делаю вид. Тогда я в буквальном смысле несчастный герой.

Лучше всего -- без нижнего белья. И тогда меня любят. При жизни. Немедленно. Как я выжил, меня никто не спрашивает. Никакая налоговая инспекция. Выжил -- и молодец. Жизнь -- суровая, сумрачная стихия. Равняться надо на это. Шаг влево, шаг вправо -- и жизни уже не знаешь. Английская королева вообще не знает жизни.

и еще раз о китайцах

Китайцы выйдут на призовое место, заполнят все мировые рынки, а мы ничего не умеем. Мы только из себя продаем, от нефти до проституток.

Построим проституток рядком. И даже не сообразим, кого брать, кого ебать, кого оставить.

-- Сашок, я чего-то не соображу, иди ты, кого брать?

А они стоят, как солдаты. Выстроены. В переходе.

Бляди.

не хочу

Не хочу, чтобы русские стали богатыми.

милый

-- Мне надо подраться, Серый, -- признался я.

-- Ну, поколоти хоть меня, -- подставился Серый.

диван

Время идет, а я еще не встретил ни одного русского, кто бы умел сидеть на мягком диване. Ноги расставят, голову втянут в плечи и глядят удовлетворенным сычом.

серый-каша

-- Здравствуйте! Что такое Серый?

-- Серый -- это каша.

советский союз

"Сдать кал на загранпаспорт", -- занесла Катюша Мишутина в свой интимный дневник.

похуизм

Известно, что похуизм -- русская национальная философия. Основа всех основ. Не Ломоносов, не Пушкин, не Толстой, не Ленин, а именно похуизм овладел массами. Мы говорим народ -- подразумеваем похуизм. Никто, однако, не вникал в изгибы этой формы мышления. Не опускался на дно похуизма. Собственно, это тоже похуизм -- подобное отношение к похуизму.

Здесь есть методологическая дилемма. Низкое происхождение этого философского термина для тонких деятелей служит достаточным основанием от него отвернуться. Делается это не без тайного умысла оставить родину без света, чтобы легче гуманно бесчинствовать. Производные от матерных слов -наилучшее средство для стирки родной действительности, их порождающей и ими порожденной. Гласный запрет на них -- тормоз познания -- можно сравнить с запретом аптек как разносчиков наркомании.

Похуизм -- стройная система. Он возник из ощущения шершавости жизни. Слишком много заноз -- лучше ни до чего не дотрагиваться. Слишком по-чужому звучат все абстрактные слова -- не стоит и вслушиваться. И тогда хоть трын-трава не расти:

"Раньше молодцу вс[е] было по плечу, а теперь вс[е] по хук".

Обобщенный опыт поколений, похуизм, на первый взгляд, знак облома. Все обломалось, и всех придавило. Но это -- полправды; подспудное самооправдание. Врет молодец: в те былинные дни, когда ему только казалось, что "все по плечу", было ему уже слишком многое по хую.

Похуизм утвердился благодаря безмерным поборам со времен раскола, Смутного времени, самозванцев, Петра Первого, с отменой Юрьева дня, с приходом коллективизации, с уничтожением приусадебных участков, кампании против алкоголизма, государственного уничтожения вкладов. Похуизм - философия нокаута.

Я лежу, не охаю, -- Мне теперь вс[ ] по хую.

Казалось бы, стоическое "не охаю" -- но это только видимость стоицизма, и здесь гнездо моего презрения: это -

негордый "блэнд" смирения и задушенной ненависти, горечи и отчаяния, покорности и раздавленности. У нас нет философов западной складки и мудрецов -- восточной, но зато есть похуизм -- отфильтрованный базар безымянной народной мудрости. Ее кладезь переводится на нормальный язык как андерграунд единственно возможного исторического сознания, вытеснившего другие формы жизни, негативно относящегося к любым пафосным предложениям. Бункер похуизма оказался прочнее революционного романтизма и пропагандистского пафоса первых пятилеток:

Гудит, как улей, Родной завод, А нам-то хули -- Ебись он в рот!

Из разряда общественного подполья, с отчужденной собственностью трижды иронического "родного" завода, похуизм распространился на все ощущения жизни, разлился, как нефть по воде, подмял под себя общий тонус национального существования, вторгся в зону чувств, настроений и расположился настоящим хозяином положения.

Это вам не французское "жманфу". "Жманфу" -- ласковый ветерок ношиаланса, небрежно закинутое кашне через плечо. Ограниченное понятие. А похуизм -- без границ. По большому счету, нам действительно все равно. Это не фраза, а руководство к бездействию.

Похуизм можно было бы назвать русской версией европейского цинизма, но такое определение больше запутывает суть дела, чем проясняет аналогию. На Западе любят рассуждать о цинизме советских времен, вообще о русском цинизме. Это -- проекция постороннего, не слишком взыскательного к своей точности взгляда. Похуизм, на первый

взгляд, близок цинизму разочарованием в возможностях связи между "я" и "другими", мстью "другим" за ее невозможность. Между тем, похуизм разительно отличается от цинизма равнодушием к успеху и отказом найти выигрышное положение для саморазвития. Цинизм динамичен, похуизм -неподвижен; это идеология раздавленных иллюзий. Цинизм -- не народное слово; он -- продвинутая часть индивидуализма, подчинение всего и всех своим интересам, активное высокомерие, переходящее в философское истребление других как соперников, безусловное смешение их с говном, что может закончиться и реальным уничтожением. В России цинизм

ограничен горсткой "выдвиженцев", существующих в каждом поколении. В русских низах нет чистого цинизма из-за неочищенности "я" от общинной шелухи (отсюда о "родном заводе": не мне, а нам -то хули...).

Цинизм верхов и похуизм низов -- вот что такое русская смерть.

Похуизм -- пассивное сопротивление, саботаж, ставший пожизненным тормозом. При невыносимом режиме похуизм достигает почти что статуса диссидентства, и его часто путают с активно выбранной социальной позицией. Тот же "родной завод" можно прочесть как надежду для русской эмиграции, хотя он скорее работает в пользу НКВД. Похуизм и в последние годы советской власти считался у либералов прогрессивным явлением, вызывал восторг, умиление. Но когда режим кончился, оказалось, что похуизм настолько вошел в кровь народа, что сработал против либеральных идей.

Трудно сказать, что было причиной, а что -- следствием, но разочарование первой шеренги реформаторов в собственном народе было, во всяком случае, мотором кор

рупции. Народ не откликнулся -- значит, обогащайся. Похуизм похоронил романтику реформ так же однозначно, как и романтику революции, показал невозможность общественной жизни в России ни в каком виде. Он априорнее любой попытки перемен; "ветер перемен" оказался конфузливый выпусканьем газов. К началу -х годов народ был уже окончательным похуистом, к реформам исторически опоздали, разница в сорок лет между Ригой и Москвой стала "судьбоносной", разрыв времен -- необратимым. Из функционального

расстройства, которым похуизм еще был в России года, он перешел в органическое состояние.

С другой стороны, реформаторы вовсе не считались с похуизмом, не закладывали его в свой компьютер, не понимали, что похуизм изменил национальную стратегию истории так, что деформация оказалась мейнстримом.

Похуизм -- не разочарование западника и не фундаментальная ценность славянофила, похуизм -- конечное слияние двух направлений. Западничество привнесло сюда свою рефлексию, славянофильство -- созерцательность и здоровую лень. Похуизм "замочил" русскую демократию.

В русском сознании, несмотря на "общинность", закодирован изначально комплекс одиночества. Ничем никого не удивишь с точки зрения хуже.

Из расстегнутой ширинки Серого торчит клочок жеваной рубашки. Это тоже деталь похуизма, вроде цветочно-ягодного орнамента модерна. Похуизм в одежде, как и весь поведенческий похуизм, -- стиль-диктатор, не любящий отклонений, которые он привычно "топит" в грубом сарказме.

-- Серый, у тебя бабушки с дедушками умерли?
Смеется:

-- А как же? Умерли.

-- А родители?

-- Ага.

-- А дети?

-- И дети умерли.

-- Значит, ты один?

-- Вроде того.

пасхальные яйца

Меня не смущает, что Серый покажется тонкому деятелю странной точкой. Возможно, какой-нибудь иностранец даже заявит, что все это -- русский шаманизм и пасхальные яйца. Но плевать на иностранца. Не будь Серого, я бы не знал, что сказать о предназначении этой страны. Не социальном и не планетарном, но мистическом, то есть строго божественном.

Мой контакт с Серым -- единственная возможность выйти за порочный круг. Это не обобщенный образ, да и вообще не образ. Это видение моей жизни. Не будь Серого, я бы думал, что Россия -- конченная страна, а теперь я так не думаю.

Я думаю, напротив, что Россия нужна для продолжения человеческого проекта. Эта мысль может показаться натяжкой, если учесть, что в России умирает больше народу, чем рождается. Но Россия не нуждается в логических рекомендациях.

ненадолго

Когда Серый умер и ненадолго ушел от нас, его вдова нашла в гараже пыльные пачки фотографий. Она поразилась тому, что он жил великой жизнью.

бабульки

Бабулька -- не возрастное явление, а национальный продукт. Ни у кого нет таких бабулек. Ни у китайцев, ни у американцев. В чем секрет бабульки? Она похожа больше на другую бабульку, чем на себя как на человека. Даже если бабулька бабульке -- рознь, и даже

существенная рознь по характеру, то общий климат бабульки един.

молодая россия

Молодой человек в России называется грубым словом пацан. Пацан -- это сплошные прыщи. Он живет без понятий. У пацана, например, непонятно, откуда течет слюна, откуда -- сперма. Пацан -- недочеловек, а потому отношение к "молодежи" (уст. сов. понятие) в России недочеловеческое.

закон серого

Даже самые чистоплотные русские девушки оставляют свою попу немного грязной. Каждая русская девушка с одной стороны застенчива, а с другой -блядовита. Есть, правда, тонкие деятели, которые считают, что подобное сочетание невозможно, потому что противоречит конституции жизни. Однако, если познакомиться с девушкой, то ее переход из одного качества в другое будет осуществляться закономерно. Я сам имел возможность установить это опытным путем.

повесть о настоящем человеке

По поводу старинного спора Серый говорил, что разница между капитализмом и коммунизмом не больше, чем между

пауком и тараканом. Я же доказывал ему, что коммунизм вреден для жизни, а капитализм -- для души.

Есть значительное количество тонких деятелей, которым кажется, что коммунизм выдумали евреи. На самом деле, каждый русский человек -коммунист. Коммунистами были Андрей Рублев, Пушкин, Николай Второй и все остальные русские люди. Серый тоже был

коммунистом. Он тоже полз куда-то с отмороженными ногами, как и все остальные.

отец

Даже мой отец и тот на старости лет разочаровался в русских. Сидит на кухне, ест сосиски и восклицает совсем иронически: Great Russian people! Great Russian people! После такого все дозволено.

самобытность

Русские стали жертвами собственных добродетелей. Я не знаю ни одного другого народа, у которого бы деградация зашла так далеко, как у русских. Это уже не народ, а пододеяльник, в который можно засунуть, запихать, влить, втемяшить все что угодно. Хмурной народ -- запойный, развратный, ленивый, равнодушный, лишенный общей значимости и общих представлений о добре и зле. Интеллигентская игра в хороший несчастный "народ" и плохую "власть" кончилась поражением самой интеллигенции. Не советская власть навязала себя народу, а народ согласился принять и терпеть советскую власть.

Нас многократно предупреждали о катастрофе, приводили доводы. Мы только отмахивались. Самых умных объявили сумасшедшими. Русская культура имеет удивительную

особенность: у нее короткая память. Знания не копятяся. Они сливаются, как помои.

Русская мысль -- следы на песке. Наговорят, накурят, вспомнят Тютчева, похохочут, расскажут анекдот, поругают власть, поспорят, потанцуют,

поцелуются, подерутся и разойдутся по костям, по могилам.

Придет следующее поколение -- и вс[е] опять "от яйца". Опять накурят, опять вспомнят Тютчева.

Мысль Пушкина, что в русских есть "равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству -- презрение ко всему, что не является необходимостью" (черновик письма к Чаадаеву), до сих пор звучит как в первый раз.

Мы никуда не продвинулись в наших рассуждениях, может быть, прежде всего потому, что по-прежнему впускаем в себя эту отраву местоимения "мы".

Мы убиваем без счета, но не только не каемся, но даже не помним. Пример с Катынью. Тот же Пушкин как национальный поэт участвовал в брошюре "На взятие Варшавы".

Сейчас происходит формирование той странной массы людей, которая расселена на территории России. Эти люди схожи в одном: они не готовы помочь друг другу. Но они не готовы помочь и самим себе. Говорят, русские щедры. Но грузинское гостеприимство сильнее русского. Говорят, русские -бессребреники. Но индусы еще более бескорыстны. Русских скорее объединяют дурные качества: лень, зависть, апатия, опустошенность.

Насрать. Не думать. Плыть в своей лодке.

сигареты

Конечно, если в начале -х Серый торговал сигаретами, то Серый -король.

А вы что об этом знаете?

Кто платил милиции за побел стен?

радость убийства

Русский раздирается между самоуничижением и волей к насилию. Помню, как у нас дома большой советский сановник вставал на колени перед нашей домработницей. Это его возбуждало до такой степени, что Пал Палыч превращался в пунцовое животное.

Трудно представить себе народ, который был бы более благосклонен к мучениям себя и других. Русский любит испортить другому жизнь, засадить в тюрьму или хотя бы измотать нервы. У русского глубоко в душе спрятано желание убивать. Русский всегда любил публичные казни. Всегда переживал и за палача и за повешенного. Он был пополам. Это и есть русский национальный театр, а МХАТ -- это только Чехов.

Нет ничего роднее блатного трафарета: убить, грабануть, пропить и в кабаке поплакать о душе, о любви. Серый уважал блатную музыку.

дружба народов

В советские времена фарцовщики уважали американцев и "бундес". Теперь -- прошло. Фактически "наши" никого не уважают. Традиционно не уважают соседей. Дружбу народов советские коммунисты насаживали показушно и насильно и по-своему были правы.

молитва

-- Бог, зачем ты сделал Серого?

-- Для потехи.

Когда Серый просыпался, я засыпал. С заспанным лицом он просыпался, а я засыпал. Когда я просыпался,

он уже спал. Никак не получалось поговорить. Он был с детства обрюзгший.

сибирь

Серый ушел в тайгу на целый день. Он открывал пивные бутылки большим пальцем.

-- Серый, это ты разбил окно?

-- Ну.

Серый жил с какой-то женщиной. У той был сын от первого брака, но Серый уже давно утопил его в Оби, чтобы малый не мешался.

-- Серый, поехали в Москву? -- сказала невеста с зубами.

-- Запросто, -- сказал Серый.

сестра

У Серого была сестра -- парикмахерша из Омска. Когда они напивались, он к ней приставал, рвал одежду, ища промежность. Ее звали Олей. Она хохотала. Ее промежность -- тоже. Серый ходил по двору и прятал деньги в коровьи лепешки, чтобы никто не догадался. А тетя Варя, их мать, залезая на пихту, кричала Серому:

-- Гитлера на тебя нет! Сталина на тебя нет!

-- Что б ты сдохла, старая, -- огрызался Серый.

-- Что б ты сам поскорей окошел! -- кричала с пихты мать.

-- Ну, как тут с утра не пить? -- риторически спрашивала себя сестра и снова хохотала промежностью.

субботник

Серый отсидел за убийство десять лет, освободился, поехал в Москву на субботник. Серый любил прижигать соски проституткам американскими сигаретами.

-- Девки, -- говорил он проституткам, -- вы мне всю любовь истоптали.

есенин

Из книг больше всего Серый уважал Есенина.

масоны

Масоны поручили мне обмануть Серого. Евреи приказали мне сделать из него мацу. Американцы предложили мне расчленить Серого.

Я получил много заданий. Некоторые из них хорошо оплачивались.

Я стал агентом мирового заговора против Серого.

волки

Серого не устраивали ни правые, ни левые, ни военные ястребы, ни демократы. Ему нравились бритоголовые фашисты. Вот хорошие ребята. Охотнорядовцы, погромщики, большевики. С ними не скучно.

Я волновался за свою страну. Мне не хотелось, чтобы она превратилась в кровавое месиво. Мне надо было убить Серого. Убить Серого -- кастрировать Россию. Мне нравилась идея кастрированной родины.

уважение

Серый угонял автомобили. Случилось, проламывал головы хозяевам автомобилей.

-- Ну это так хорошо -- измываться!

Люди боялись и уважали его.

тишина

Серый притих.

как быстро спасти россию?

Раньше, когда в России зевали, крестили рты, чтобы черт не влез вовнутрь. Чтобы быстро спасти Россию, нужно заново крестить рот. Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Крестите рты! Серый любил зевать. Он зевнул.

армия

В детстве Серый служил в армии и дослужился до того, что его наказали. Тюрьма лучше армии, но армия лучше тюрьмы.

равнодушие

Серый очень устал. Усталые люди -- равнодушный народ.

церковь

Серый зашел в церковь и в душе почесался. Серый перднул в церкви. Церковь осталась. Я тоже остался.

баня

Серый не любит мыться. Он моется с трудом. С сосков стекает гной-янтарь-смола.

-- Сколько кусков на рыло? -- бычатся "синяки".

-- УЖбисто.

-- Ну, тогда заверни!

В паху у Серого затор: училки-педрилки и школьницы-мандовошки.

александр иванович

К Серому пришел Александр Иванович.

-- Серый, подъем! Серый встал, постоял.

дороги

Серый знал, что дорога -- это мучение.

деревенская жизнь

-- Сашок, -- сказал Серый, -- светает.

-- Темнеет, -- ответил мужик.

лучше не будет

Серый был очень подозрительным по жизни. Он правильно делал -- был подозрительным.

хлеб

Эти, которые пришли, они зачем пришли? Серый обнял родину. Но глаз был тухлый. Серый неспеша ел хлеб. Ему зачем торопиться? Хорошо бы еще кого-нибудь смутить.

менты

Менты попрятались в овраге. Они разделись и разбежались. Над оврагом долго стоял запах служебного пота.

любимый писатель

Русское отношение к слову провернуто через историческую мясорубку. Из такого фарша можно свалить любую котлету. Какому слову еще верят на Руси? Никакому. С другой стороны, почти всякому. "Я верю, что я не верю, что я не верю..." -- и так до бесконечности, но

эта цепь обрывается в какой-то случайный момент, и тогда, как с ромашкой: когда "верю", когда "не верю".

Я не верю ни одному русскому слову: ни официальному, ни печатному, ни оппозиционному, ни независимому, ни бытовому -- каждое слово содержит в себе подвох, угрозу, насилие, опасность для жизни. Я научен, естественно, горьким опытом, но я невольно поддаюсь слову, потому что, как у всякого русского, у меня тоска по надежде.

В такой неловкой ситуации, с воспаленными нервными окончаниями я изобретаю для себя субъективно авторитетное слово, которое становится со временем авторитарным. Я ищу и пытаю его методом исключения из исключения: прогоняю через медные трубы, вывариваю в кипятке, проверяю на запретность и разрешенность, сверяюсь с друзьями, перечеркиваю и воскрешаю. Или, забыв обо всем, просто влюбляюсь в слово и верю ему "на слово".

У каждого русского есть свой "любимый писатель". Русский спит с ним, как дети -- с мишкой. "Любимый писатель" -- это и есть то неразлучное, обсосанное слово, что в России, на первый взгляд, прочнее прочного. Мы за "люби

мого писателя" глотку перегрызем. Мы воздаем ему сверхбиографию, громоздим сверхрепутацию. Конечно, лучше всего быть гонимым, непонятым. Гумилев сдал поэтический экзамен на вечность только одним фактом своего расстрела. Но в основной интеллигентский иконостасный набор МЦАП он все равно не вошел.

МЦАП одно время был сильнее крылатых ракет. МЦАП принимали на коленях как просфиру. Это была большая пушистая кошка -- МЦАП-царап. Немножко, как

видно теперь, сиамская и истеричная. МЦАП-ценности стали когда-то фортом-либерти и для меня, о чем не жалею. С МЦАПом мог конкурировать только Набоков благодаря идеальному эстетическому нонконформизму и абсолютно непроходимой, по старым международным, а также советским меркам, "Лолите".

Набоков был у нас обожествлен подпольно, в катакомбах. Позже я и сам принял участие в "набоковизации" всей страны, составив его четырехтомник, вышедший тиражом экземпляров. Нас тянет, как на падаль, на "культ личности". Слово Набокова стало сакральным, несмотря на сопротивление очевидности. Если любить -- то "без извилин", иначе не русское это дело.

"Любимый писатель" не бывает голым королем. Может быть, это и составляет сильную сторону русских, но тотальная любовь через одно-два поколения невольно взрывается, и уже более не любимый писатель становится совсем голым и совсем незаслуженно, как сначала Максим Горький, а потом и пафосный МЦАП, над которым теперь волен глумиться всякий продвинутый автор. У нас нет той комнатной температуры культуры, при которой не лопаются краски, а только восторги и взрывы на пустом, в общем-то, месте.

дом серого

Серый не любит хаоса -- но хаос любит Серого во все дыры. В доме у Серого нет правильного вида вещей. Они у него напользают: вещь на вещь. Зверски синего цвета стены. Ковер напользает на стену, стена -- на диван, нож -- на скатерть, собака -- на будку, грядка -- на лук, огурцы -- в ароматных пупырышках. Лампа висит криво, иконы висят вверх ногами, земное притяжение --

не указ, ватерпас отменен, табуретки неровные, калитка покачнулась, забор рухнул, зубы черные, выключатель отвалился, буквы гнутые, проводка искрит, у вилки нет ложки. Щеколды щелкают. Подоконник потрескался. Плитка колотая. Пищат школьницы-мандавошки.

-- Цыц, юные суки!

Все на скорую руку. Дом нетерпения. Построить все неровно -- большая забота. Серый справился, блядь, но устал, он теперь отдыхает.

серый -- богатый

Серый решил быть богатым. Украл деньги, построил себе Гастроном. В Гастрономе продавались разные продукты. Он докупил Галантерею. Его посадили в тюрьму. Серый докупил и тюрьму.

паралич воли

Можно обойтись без многих вещей. Можно обойтись без всего. Без папирос можно тоже обойтись.

Хотел ли он? Он чего-то хотел. Но хотел ли того, чего он хотел?

членовредительство

Серый зашел в гараж. В гараже висели старые шины. Пахло аммиаком. Автомобиля нигде не было видно. Серый взял с полки ржавые кусачки. Откусил кусачками мизинец левой руки.

-- Больно! -- Серый стиснул зубы.

Затем -- безымянный палец. Затем -- все остальные. Он отрезал себе руку, потом две ноги. Когда Серый пошел поступать в Московский университет, в приемной

комиссии ему сказали, что у людей без трех конечностей документы не принимают.

богоносец

На пруду Серый повстречался с богоносцем. Богоносец -- это такое животное, вроде свиньи.

серый на севере

Серый всегда на севере.

серый в мыле

Внешность Серого равна нулю.

-- Разве это жизнь? -- сказал Серый. -- Я ем гадость, пью гадость. Все, что можно было уничтожить, мы уничтожили. Мы уничтожили семью, Бога, традиции. Нельзя сказать, что нам было много что уничтожать. Русский Бог качался как зуб, и большевики его вырвали разом.

клей

В доме у Серого никогда не было клея. Невеста с зубами, ковыряя в носу, вешала трусы на батарею. Закатывала их специальным образом. Чтобы быстрее сохли. Козявками стреляла в Серого. Ради потехи.

-- Смешная ты, -- оборонялся Серый.

собаки и кошки

Серый прилетел к собакам и стал молодой. Он запел и пел долго, так долго, что задремал.

русская формула

-- Еще "Шабли"? -- спросил Саша, когда ожила и задвигалась картинка клубной жизни. -- Хотите устриц?

-- Хочу.

-- Мне одинаково противны оба: и Грегори, и Серый,
-- сказал Саша. -Нам, молодым, нужна отчетливая страна.
Решайтесь.

-- Не хочу, -- сказал я.

-- Убейте гада!

-- Сами убейте.

-- Вы верите в формулу России?

-- Тютчевскую?

-- Нет. Что бы вы сделали с человеком, который
вывел русскую формулу- ?

-- Это невозможно.

-- А если возможно?

-- Жить в разгаданной России? -- Я покачал головой.

-- Да вы любитель острых ощущений! -- вскричал
Саша, подливая в бокалы "Шабли".

-- Нет, но пресная жизнь, такая, как везде, -- не
мое.

-- Вывод?

-- С одной стороны, убил бы, -- усмехнулся я. -- С
другой...

-- Другая сторона меня не волнует, -- заметил Саша.

-- Ваши устрицы, референт, очень вкусные, --
продолжил я клубную жизнь.

лебединое озеро

Мы встали до рассвета, когда на небе в нетронутом
виде сохранялась звездная чистота. Выпили банку
парного молока, съели вкусной чесночной колбасы и -- в

лес. Облака терлись друг о друга предутренними нежными боками. Как заколдованные цапли, летала крупная мошкара. Черные елки пахли растительным счастьем. Простой мужик с чудными глазами встретился нам по дороге. В руках он держал маленькую стерлядь с умным лицом.

-- Где поймал?

-- На Лебедином озере.

Нагруженные грибами и букетами, мы с Серым перемигнулись, побежали и -заблудились. Аукались до хрипоты. На счастье, Нюрка шла топиться, получив двойку по рисованию. Мы с уважением отнеслись к решению зареванной пятиклассницы.

-- Дяденьки! -- с надеждой спросила Нюрка. -- Вы умеете мяукать?

-- Нет, -- развели мы руками.

Серый раздвинул грозди рябины: это было самое узкое и самое красивое озеро в мире. Нюрка быстро разделась и в одном рваном лифчике кинулась в воду. В костюмах Адама, без аквалангов, мы с Серым полезли спасать ее душу.

я не думаю

Откуда берется безмерное самомнение? Нет, пожалуй, ни одного русского человека, который бы не считал Россию первой страной.

так нельзя

"Это невозможно" -- формула Европы. От французов: "Ce n'est pas possible" до поляков: "To

nemozliwe". У них там рыцарство самоограничения. И даже хохол потянулся за рыцарством:

-- Я тоже рыцарь. И наш Гоголь -- рыцарь. Он отомстил за вашу оккупацию страшной мезтью и мертвыми душами.

Новость. Хохол встал у края Европы, а не с нашего края.

У русских "это невозможно" имеет другой смысл. Невозможно -- значит "не получается сделать то, что хочется". Для Запада "невозможно" значит переход границы самоидентификации. Самоистребление. Для Серого все возможно.

Распад внешних запретов произошел очень быстро и незаметно. По скорости избавления от табу Россия за последние десять лет прошла дистанцию в несколько столетий. Были незаметно отменены не только советские, но традиционно русские запреты.

"Бандит" -- ласковое имя.

Запад оказался в оборонительной позиции. Сила Запада -- в нестандартных решениях. Русский в сущности придерживается ломового развития. Я что-то не припомню, чтобы русский придумал в последнее время что-нибудь полезное для людей. Например, более удобную форму

дуршлага или новый тип велосипеда. У него не придумывается.

Европа акробатически гибка.

интеллигенция

Пора подвести предварительные итоги. Цикл существования интеллигенции закончился. Она

выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненадобностью.

Когда-то "Вехи" ее одернули. Только однажды ее по-настоящему и одернули. Вышло несколько изданий этого одергивания. Ничто не изменилось. Разве что несколько ренегатов откололось.

Интеллигенция осталась верной себе. Целью ее деятельности была забота о счастье народа. Теперь, когда ясно, что это счастье никогда не наступит, деятельность интеллигенции можно признать благородной, но не дальновидной.

Русская духовность уходит в небеса. В архив сдаются рулоны светлых помыслов. Сворачиваются в трубу миллионы стихов, прогрессивных рецензий, статей с направлением. Разорвалось сердце поэзии, отказывается работать печень прозы. Остановились миллионы часов кухонных бесед. Над всем бессрочный луч надежды. Пронзительные прожектора веры. Кафельные стены дружбы. Трупы великих писателей. Спите спокойно. Глубокая заморозка. Некрасов. Белинский. Добролюбов. Самые чистые.

Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!

Одни светильники. Лампочки перегорелые. Прозекторская. Еще долго будут изучать внутренности наставни

ков. Ковыряться в устройстве. Русская культура -- пятизвездочный морг. Не стыдно показать. Устроить экскурсию. Есть чем гордиться. Вечная память!

товарный поезд

-- Есть страны, -- задумался Серый, -- где люди балдеют от сильных растений. Мистика России -- в другом.

-- Мистика? -- усомнился я.

-- Тыходишь в милицию, тебя встречают с цветами. Приехал забрать жену из роддома с ребенком, тебя встречают в штыки. Бандит дарит тебе шоколадку, а первоклассник отрезает тебе тупым ножом яйца.

-- Зачем? -- спросил я.

-- Не задавай в России этот вопрос, -- сказал Серый. -- Если ты однажды получишь на него ответ, этой страны не станет.

-- Пароль: нехилость? -- спросил я. Серый поморщился.

-- Русский -- бесконечное явление. Он, как товарный поезд, которого ждешь у переезда, пока он весь не пройдет.

похороны

Хоронили Серого трое. Дядя Миша, еще кто-то и я.

-- В гроб кладут не тебя, а твою смерть, -- сказал мне как-то на досуге Серый.

Серый в порядке

русь визжащая

Весной, когда снег в Москве превращается в сочную грязь и бледнолицая молодежь в модных тряпках выходит на двор порезвиться в сумерках, я снова слышу удивительный русский звук, никем еще до сих пор не описанный. Он возникает в весеннем воздухе такой

запредельно высокой, пронзительной нотой, что ему не сыскать аналога в звуковой культуре.

Когда русских девок щекочешь, обливаешь ледяной водой, подглядываешь за ними, догоняешь, срываешь с них одеяло или просто пугаешь по-хорошему, когда они хотят тебе приглянуться, -- они визжат, как визжали и встарь, дрожа всем своим естеством, конвульсируя, визжат в беспамятстве, с отлетевшим в канаву сознанием. Визжать не выучишься, это с рождения, визгом не овладеть, он -от невладения собой. Визги вырываются совершенно произвольно, с неслыханной силой, сравнимой разве только с фонтаном кита. Они поражают меня своей экстремистской архаикой. Визг -- хтоническое образование. В обоих смыслах слова "образование".

Маленькие девочки визжат, видя дохлую мышь. С маленькими девочками все ясно -- их визг одномерен. Но чем

дальше, тем больше двусмысленности в учащенном сердцебиении. Девки визгом отзываются на любовное применение силы. Замужние женщины не визжат -им уже все равно.

Визги девок рождаются от испуга, переходящего в наслаждение, и от наслаждения, переходящего в испуг, -- изначальная амбивалентность русского желания. Визгами заывают, визгами отпугивают. Это бурное объяснение скорее не в чувствах -- в инстинктах. Визг -- докультурная модель "оборонки", первобытное перераспределение страстей. Визги -- холодное оружие русских девок. Они парализуют агрессора, как укус африканской ящерицы. Визги -распечатанная страсть русских девок. Когда девка визжит, на ней нет лица, все

лицо в визг уходит и визгом становится. Визги проносятся по стране как цепная реакция, гормональный взрыв, связка русской истории, эстафета девичьих поколений, переключка столетий. В России визги сильнее рок-н-ролла.

Тонок лед русской бытовой культуры. По нему лучше не ходить, и ступать на него не надо; на него лучше любоваться при чтении книг, стоя на берегу. Визг пробивает изоляторы воспитания, хорошего тона, благородных манер, уроков музыки, танцев, тенниса, иностранных языков. Даже в самых хороших семьях визги изгоняются, но не изживаются. Университетские девушки, филологички и журналистки, в недрах своих гуманитарных душ хранят верность визгу. Визги -- это принципиальная невозможность контроля над собой как поверхностно окультуренной телесной массой, торжество психоделической распущенности над обанкротившимся просвещением.

Визг -- только видимая часть айсберга, симптом общего состояния души, охваченной вечной паникой. В сущности, это животный признак социальной незащищенности,

ожидание преследования, готовность к предельному сопротивлению и одновременно кромешная беспомощность. Под водой остаются морские чудища и шевеление водорослей. Визг -- волеизъявление ночного кошмара, выплеснувшегося в явь, волнами идущая опасность. Визг -- признание исчерпанности словарного запаса, нормативного и даже вовсе не нормативного.

Когда думаешь о России, слышатся визги. Вот чего нет за границей, так это визгов. Тишина. Давно отвизжали французские девки. Не слышно больше на

Британских островах визгов английских девок. Вот уже итальянки перестали визжать. Даже в самых отдаленных сицилийских деревнях итальянские девки перешли на крики и дикий хохот. То же самое можно сказать и о польских девках. Но это -- Европа. Там дисциплина. Там самоограничение. Но если поехать в африканскую, мексиканскую или непальскую деревню -- там тоже плохо с визгами. Не визжат. Как же так? Вроде бы должны визжать, а не визжат. Я ходил, специально прислушивался -- не визжат. Бедно, с примусом, живут в африканской глуши -- а девки не визжат. Или, может быть, колониализм по их визгам танком прошелся?

Так вот в чем наша планетарная самобытность -- в визге. Русские девки визжат, как резаные. Но их и в самом деле режут. Они визжат, когда их режут. Их мучают, пухленьких, бледненьких, с косой, бровастых, щекастых и панкообразных, их режут, режут, прижигают железом, их режут, им заливают жидкое олово в дырки, ртуть заливают, их порят, маленьких девок, школьниц-отличниц, двоечниц режут, комсомолок режут, она подмахивает -- ее еще пуще режут, до костей режут, ноги режут, она не дала -- ее снова режут, живот режут, груди срезают, сухожилия и горло перерезают, щеки режут, высоких девок режут, статных девок, космонав

ток режут, кухонными ножами, эстафету девичьих поколений режут, кинжалами режут, бритвами, заточенными финками режут, сибирских девок режут, политических девок режут, пулеметчиц и пианисток режут, седых девок режут, юных грешниц режут, владивостокских девок режут, мелко-сисястых режут и крупносисястых режут, разутых режут, кто ноги плохо бреет -- тех режут, и кто не бреет -- тех режут, кто зубы не чистит -- режут, и кто хорошо ноги бреет -- тех

особенно сильно режут, в ямах режут, на скотных дворах, в крематории режут, у шурина на именинах режут, а шурина стоит, руками разводит, а девок режут, визжит невеста с зубами, визжит и бьется, а ее, суку, режут, сестер, племянниц, своячениц режут, дворянских кровей девок режут, русских девок и умных девок, в трусиках девок и без трусиков девок, в платочках в зеленый горошек -- режут, в шортиках и в норках богатых девок режут, всех режут и режут, Ярославну в Путивле режут, невесту Пушкина режут, дочерей интеллигенции режут, мою невесту с зубами режут, они визжат, на холоде визжат, на свежем воздухе русской деревни, на молодой месяц визжат, на страшные кусты визжат, на красивых пацанов визжат, через костер прыгают и визжат, наперегонки бегут и визжат, на голых мужиков с вилами визжат, а их все больше режут, их совсем уже режут. Зачем девок режут? Кому, спрашивается, какое дело, что их режут? Раз они визжат -- их режут, а так же, выходит, наоборот. Визги -- доминанта деревенских истерических страстей, но Москва недаром "большая деревня", и ее безвременная суть проступает в девичьих визгах на фоне Макдональдсов и электронных табло. В Питере, Смоленске, у казахской границы -- по всей стране визжат резанные девки.

Сколько еще осталось визжать русским девкам? Непонятна глубина их животных визгов. Смолкнут визги -- ис

сякнет русская душа. Закроется последняя страница моей энциклопедии. В библейской культуре вначале было Слово, на Руси -- визг.

детство, отрочество, юность

Мама мыла Серого. Серый мыл куклу. Кукла была Петром Первым, мужчиной высокого роста.

-- Мама, -- спросил Серый, -- что такое быть русским?

-- Запад есть Запад, Восток есть Восток, -- весело, по-молодому заговорила мама, стирая пот со лба, -- и вместе им не сойтись.

-- Не сойтись! -- в свою очередь обрадовался Серый.

-- Сойтись! Сойтись! -- решительно возразила мама.
-- Киплинг не прав. Восток и Запад сошлись в России.

-- Зачем? -- нахмурился Серый.

-- Что "зачем"? -- не поняла мама.

-- На хрена они сошлись в России? -- Краска бросилась Серому в лицо.

-- Ты что? Ты что? -- изумилась мама. -- Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему и -- неудавшийся спотыкач, Западо-Восток по факту, по эмпирическому наполнению.

-- А вдруг это стереотип? -- испугался Серый.

-- Не надо бояться, -- мягко возразила мама. -- Мы живем в мире победившего стереотипа.

-- От описания национального характера до фашизма -- один шаг, -грустно сказал Серый.

-- Знаю.

Они помолчали.

-- Ну, вставай! -- скомандовала мама. -- Давай мыть спину и живот.

Серый встал, держа Петра Первого за руку.

-- Как ты вырос! -- смутилась мама, осмотрев тело сына. -- Ты вырос и возмужал.

-- Лучше нас только Бог, -- со смешком заметил Серый.

-- Русский народ -- богоносец, -- сказала мама. -- Что это значит?

-- Нет такого излишества, на которое были бы неспособны русские мужчины и женщины, когда они берутся утверждать свою свободную личность, -- сказал Серый. -- Меня не заставишь пристегнуть ремень в машине. Пристегиваться входит в мое представление о трусости.

-- Почему немцы называют нас русскими свиньями? -- спросила мама. -- А ведь мы в самом деле свиньи. Нечистоплотные, неблагодарные свиньи, сыночка! У русских грязная душа?

-- Напротив: мир слишком грязен для русского.

-- Кто-то, не помню, кто, сказал, что русский наклоняется к супу, а не подносит ложку ко рту. Он заискивает перед супом. Он пресмыкается перед супом.

-- Русский склонен к заимствованиям, -- сказал Серый. -- Он -- сама восприимчивость.

-- Русская истина выведена за пределы русского человека. Она не в нем, а где-то там. -- Мама подняла глаза к потолку.

-- Бог создал русского для нравоучительного примера. Русские в метро смотрятся так, как будто выпрыгнули из себя.

-- "Ничего" -- на самом деле главное русское слово. Это уступка вечному поражению.

-- А вдруг и это стереотип? -- снова испугался Серый.

-- Русскими не становятся, сынок, -- сказала мама. -- Русскими рождаются.

-- Как это? Как это? -- недоумевал Серый.

-- Спроси своего отца, -- сухо сказала мама, намыливая голову Серого.

-- Он не ответит, -- убежденно сказал Серый. -- Он лежит пьяный в канаве. На огороде. Под забором.

-- Он умрет под забором, а пока он уехал в командировку.

-- Наш папа -- разведчик?

-- Наш папа -- Генштаб.

-- Я горжусь своим папой, -- сказал Серый.

-- Он протрезвеет и ответит, -- машинально сказала мама. -- Почему ты не моешь уши? У нас, русских, уши вырабатывают большое количество серы. Русские уши надо мыть каждый день. Мы -- великая страна.

-- Он не протрезвеет, -- нахмурился Серый.

-- Да здравствует, сынок мой, Россия! -- сказала мама. -- Нет в мире прекрасней страны.

-- Верно, -- глубоко вздохнул сын.

-- Вот говорят, -- подхватила мама, -- что у нас дороги плохие. А дело не в дорогах, а в климате. Ни одно дорожное покрытие не выдерживает, --добавила она с гордостью.

-- Да и вообще, -- сказал Серый, поднимая голову, -- в русском человеке важна не форма, важно содержание.

-- Русский человек состоит весь из содержания, -- возразила мама. -- У него форма отсутствует.

-- А как же тело?

-- Видимость. У русского человека нет тела.

-- Постой, -- Серый наморщил лоб. -- Что ты сейчас конкретно моешь?

-- Я мою твое жизненное содержание, -- невозмутимо

сказала мама.

-- Понял! -- обрадовался Серый. -- Теперь я понял, почему все русские тетки такие толстые.

-- Они полны жизненного содержания, -- сказала мама. -- Им это содержание никак не унять.

-- Знаешь, какая у меня мечта? -- сощурился сын. -- Я, когда стану большим, займусь подробным описанием русского человека. Мы наконец должны заняться своим самоопределением.

-- Мысль сама по себе неплоха, -- согласилась мама. -- Но вот беда. Русский человек неопишуем, -- она развела руками. -- В этом его отличие от других национальностей.

-- Я боюсь только, -- продолжал страстно Серый, не слушая маму, -- как бы из этого не получилось торжество стереотипа.

-- Только дураки считают стереотип бранным словом.

-- Верно! -- обрадовался сын. -- Я весь горю желанием послужить русским людям в новом тысячелетии. Я хочу вывести формулу русской души.

-- Для этого надо много ездить по стране, -- сказала мама. -- Надо объехать Россию вдоль и поперек.

-- Я объеду! -- вскричал Серый. -- И тебя возьму вместе с собой.

-- Как здорово! Только я не поеду! Я уже стара, мне пора на покой.

-- Покой нам только снится, -- отшутился Серый.

-- Ну-ка, давай мыть наши дорогие конечности! -- приказала мама.

Серый поднял ногу, держа Петра Первого за руку.

-- Вот чего русские не знают, -- сказала мама, покосившись на Петра Первого, -- так это собственной истории. Вот когда он родился? Когда умер?

-- Родился когда, не знаю, а умер в году.

-- И чем он был знаменит? -- подлила мама масло в огонь.

-- Ой, мамочка! -- сказал Серый. -- Ну и вопрос ты мне задала! У нас еще история не началась.

-- А по-моему, уже кончилась, -- недобро усмехнулась мать.

-- Не скажи! -- встрепенулся сын. -- Русские еще всем покажут.

-- Да, нас боятся, и за дело! -- сказала мать. -- И пусть боятся! Мы им всем покажем. А это что у тебя?

-- Ссадина. С горки упал.

бум

Не успел я убить Серого, как все избы стали кирпичными. Некоторые из них превратились в небоскребы. Импотенты стали любовниками. В кратчайшие сроки построили Днепрогэс. Зажглись миллионы лампочек Ильича, даже в тех местах, где их не ждали. Северные реки сами по себе повернули вспять. Киллеры ушли в монахи; киллерши -- в медсестры. Здравоохранение достигло высот. Русские рванулись в банки открывать личные счета. У них скопилось столько денег, что они стали помогать продуктами и ширпотребом Индии, Индонезии, Анголе, Перу. Освободительные движения захлестнули мир. Африка пошла по русскому пути. Воздвигли мордовские лагеря для шпионов и иностранцев. Начались показательные процессы. После долгой кровавой войны победили Гитлера. Захватили Восточную Европу. Просвещение удалось. Землю наконец отдали народу. На птицеферме "Маяк" был выращен экспериментальный вечный гусь, который после того, как его употребят в пищу, воскресает из обглоданных костей, завернутых в скатерть, по крику: -- Гусь, подь сюда!

зоофилия

У всех невесты как невесты, а у моей -- пизда похожа на собачью. Четыре пары сосков, шерсть тигриста, нос приплюснен. По утрам крутится перед зеркалом в одних французских трусах. Открыто говорит мужчинам о наступлении менструации, но не часто пользуется прокладками, отчего пол в комнате закапан кровью. Почти каждый второй (%) русский хозяин собак и , % владельцев кошек вступают со своими животными в половые отношения. Животные не только

приглашаются в свидетели для возбуждения плоти. Они -- активные соучастники супружеской ебли. Они лизут, сосут, расцарапывают до крови гениталии хозяек и хозяев, которые, по русской традиции, называют себя при этом их "мамами" и "папами". Бывают случаи, когда возбужденный пес откусывает хуй своему хозяину. По милицейской секретной статистике это чаще всего происходит в Нижнем Новгороде. В области зоофилии Россия бьет все рекорды. Для примера, США сильно отстают, находятся на -ом месте, Франция -на -ем, Англия -- на -ом. На втором месте, серебряным призером по зоофилии -- Сейшельские острова. Там собак после траха употребляют в пищу практически в сыром виде.

танец "да"

Мне попался американец, большой враг России. Все ему не нравилось. Мы гуляли в лесу. Ему хотелось привести Россию к нравственному знаменателю или -- уничтожить.

-- У России нравственность не должна отличаться от других стран, -сказал мне Грегори на прогулке.

-- Но она только-только начала свой путь в цивилиза

цию. Еще вчера здесь было мертвое место. Дай ей время.

-- Не дам.

Я не выдержал и пустился на лесной дорожке танцевать перед ним танец "Да":

Да, я люблю все это.

Рыжики.

Рыбку.

Водку.

Шашлык по-карски.

Да.

Официанта Васю.

Не обижайте.

Люблю.

Да.

Грегори с подозрением стал смотреть на меня, танцующего танец "Да".

зато

Русский государственный порядок, придя в противоречие со внутренним хаосом, как правило, вызывает очередную порцию самоедства (мы и есть самые настоящие самоеды).

бобруйск

Серый никогда не был в Бобруйске. Я тоже в Бобруйске не был и не стремлюсь. Бобруйском больше, Бобруйском меньше -- какая разница. Но Серый, даже не будучи вхожим в Бобруйск, -- организатор Бобруйска, его хранитель, оберегатель от ереси мелких дел. Доводы в пользу России, разумеется, есть. Россия, конечно, безрукая дура. Бобруйск создан не для того, чтобы выдумывать удобную машинку для протирания овощей, он вял в изобретении штопора, но за

то Бобруйск имеет святыни и много ярких талантов: музыкальных, актерских, писательских. Чем бездарнее и мутнее бобруйская общая масса, чем гнилее картошка на

бобруйских полях, тем больше Бобруйск плодит ученых, он готов завалить ими весь мир.

-- Ну, вот и все, -- потер руки Саша. -- Помер Серый. А вы боялись.

три сестры

-- Приехав в Россию, Екатерина обзавелась мебелью. Однажды в Америке мне рассказали, что "Вог" не посмел опубликовать фотографии этой ебущейся мебели на своих страницах.

-- Что бы ни говорила Екатерина о том, что Россия -- европейская держава, Пушкин прав: нахождение России в Европе -- ошибка географии.

-- Россия вообще опечатка.

-- Не страна, а бездонная пизда.

-- Здравствуй, снотворное!

-- Останься Екатерина в Европе, она бы не писала слово "еще" с четырьмя орфографическими ошибками -- исчо.

-- Я тоже хочу исчо.

-- Она сбесилась не потому, что была нимфоманкой, а потому что в России женщинам страшно хочется ебаться. Об этом исключительном явлении писали все путешественники, включая мадам де Сталь.

-- Русский климат давит на клитор.

-- Почему в России все так бесстыже устроено?

-- Кислотно и депрессивно...

-- У нас ничего не было, но у нас, кажется, была совесть. Мы потеряли совесть.

-- Персики! Как хорошо быть бессовестной...

-- Русское население не только отлично от европейцев, но радикально противоположно Европе.

-- Если мы не они, то -- кто? Мы -- не Азия. Не ссы, сестра, не сняв трусы. Ну, пожалуйста.

-- Нас также трудно назвать евразийцами. Мы не соединяем две культуры, а внутренне враждебны обеим. С большим основанием можно сказать, что нас нет.

-- Мы -- онтологическое "ничто". Чистый продукт. Зефир в шоколаде.

-- Стремление определить наш зефир вызвано не философской неудовлетворенностью, а насущными вопросами самообороны. Как защититься от самой себя, если ты русская?

-- Я подумала сейчас, сестры, что если русский -- мочило самого себя, значит, такова судьба и прихоть. Монтень утверждал, что каждый имеет право на самоуничтожение.

-- Русские уничтожают самих себя как большими статистическими порциями, так и поодиночке, но не отдают себе в этом отчета, им кажется, напротив, что они себя не уничтожают.

-- Ешьте торт! Помимо саморазрушения, мы производим еще и разрушение, уничтожаем то, чем мы не являемся и что нам не принадлежит. Иностранцы не могут себе представить, что бывают такие люди, которые заточены на самоуничтожение, но об этом не догадываются.

-- Тем более что внешне мы отчасти похожи на европейцев: у нас белые груди.

-- Но у нас желтые пятки.

-- Да. Никто не заметил наши желтые пятки. У нас белые груди и желтые, китайские пятки.

-- Жирный торт. Я люблю все жирное: в природе, в людях, в самой себе. Я хочу быть очень жирной, с жирными ляжками, жирной спиной, жирным языком, жирными, отвислыми складками на животе.

-- Белые груди -- не повод для братания. Конечно, некоторые соседи, познавшие прелесть умирать от русских пуль, высказываются достаточно определенно и неприглядно, но даже они не способны сказать всю правду, потому что ее не видят.

-- Как может мужчина, за исключением Джойса, описать потоки женской менструации? Как может иностранец описать русского, если у русского другие процессы в организме, не западные и не восточные?

-- Когда девушки живут в одном доме и ходят в один туалет, у них менструация постепенно синхронизируется и все начинается в один день.

-- Глупости. Мы просто щадим свое национальное самосознание, оберегая его от врагов.

-- Персики! Мы -- главные враги России. Россия -- наш главный враг.

-- Даже любя Россию "странной любовью", мы останавливаемся и прячем эту правду. Иначе -- обвинение в сумасшествии.

-- В России нет любви. Одни выкидыши.

-- Я хочу жирной любви с желто-розовым кремом.

-- Березовая кудрявость, уклончивость, вязь, наличники, изворотливость, витиеватость. Наш стиль -- заноза.

-- Мы -- одалиски-незабудки.

-- Мы -- онанистки-рекордистки.

-- Чаадаев был видным критиком страны, но последовательными были те, кто бежал из нее, как Печерин.

-- В чем главное наше отличие от всех прочих людей?

-- Нелюбовь к прямой линии.

-- Персики! Пора валить из Москвы...

пожар

Серый отличился на пожаре. Но потом ему стало стыдно.

мама

Мне приснилось: невеста с зубами встретила с моей мамой на даче родителей. Невеста вела себя достойно, только суетилась. Мне было приятно, что она суетится, но я смотрел на нее мамиными глазами и не мог понять, нравится она мне или нет. Невеста не владела не вилок, ни чашкой. Переделанная левша, она подала для добавки чая чашку без блюдца.

-- Подают с блюдцем, -- сухо сказала мама.

Как всегда, мама шпыняла всех. Она не понаслышке знала этикет, но почему-то не учитывала простые законы гостеприимства. Когда невеста куда-то скрылась, мама сказала:

-- Толковая, но суетливая. У меня отлегло от сердца.

-- Но какая же она некрасивая! Снова заныло сердце.

-- Твоя мама -- грубиянка, -- промычала невеста.
несерьезное отношение к жизни

-- В чем прелесть России? -- спросил Серый.

-- В буреломе? -- задумался я.

-- Сам ты -- бурелом! Главное -- несерьезное отношение к жизни. Немец -- серьезен, француз -- серьезен, аме

риканец -- тоже, паскуда, серьезен. А мы -- нет. В нас есть охуительная несерьезность.

-- Ничего себе, -- сказал я. -- А как же все эти пытки?

-- Какие пытки?

-- Ну, вся история.

-- А это -- наказание за несерьезность.

без имени

-- Как дела?

-- Ничего.

Съел. Мой брат. Ваш дом. Наш ключ. Год. Иванов.
Глаз. Муж. Друг. Завтра.

-- Иван -- ваш друг?

-- Да, он мой друг.

-- Иван -- ваш муж?

-- Да, он мой муж.

Потом. Плохо. Много. Отвечать. Хорошо. Магазин. Жизнь потихоньку устаканивалась, возвращаясь в учебник русского языка для иностранцев. Алла Ивановна. Директор Дома ученых. Всеми командует. Сталин местной жизни. Отгоняет от меня людей. Народ. Скромный. Немолодой. Стесняется своих имен.

-- Как вас зовут?

-- А что?

-- Чтобы подписать книжку.

-- А вы так подпишите, без имени.

-- Ну, хорошо.

официальная россия

Наивность помыслов; садизм поступков.

цинизм

Причеши старушку-мать с особым цинизмом.

слова

Никола Угодник

мама

Солженицын

экстремистка тетя Женя

юродивый

Иван Поддубный

бандит

Набоков

мент

кабанчик
еврей
блядь
бурлаки на Волге
француз
американский друг России
Распутин
Иван Грозный
ведьма
Горбачев
Иван-дурак
народ
татарин
японцы
степь
Запорожская Сечь
монгольское иго
бедные люди
Обломов
лишние люди
умиление
эмигрант
хитрый русский
злой мальчик

поп

чиновник

бюрократия

лесоповал

алхимия

маковки

каша в голове

Ирина Борисовна

водопроводчик

солдат

генерал

Вехи

зависть

душевные люди

чечен

халтурщик

халявщик

отшельник

созерцатель

рабочий класс

сказка

совесть

уборная

Иван Грозный -- Серому

-- Что ты тарачишь губы?

Уборная -- соединение Серого с туалетом.

Стаханов

Стаханов -- это такое животное. Вроде свиньи.

водка

Водка -- это такое животное. Вроде свиньи.

квас

-- Квас -- за нас, -- считал Серый.

пушкин и сталин

Пушкин -- хорош, но Серый -- лучше. Сталин должен быть сильным, красивым, неожиданным. Как космонавт.

гордость

Серый любит, чтобы ему верили на слово, оставляя за собой право никому на слово не верить. Поэтому Серый любит лозунги. Женись, когда женится. Разводись, когда разводится. Не насилуй себя. Насилуй других. Кто послабее. Гордость -- вот что совершенно отсутствует у Серого. Мы -- люди не гордые. Серый терпит унижения с большой покорностью. Серого приятно унижить.

детектив

Серому поручили найти убийцу.

-- Лады, -- ответил Серый.

Серый стал искать. Он долго искал убийцу. В хрущобах. В других местах. На чердаках. Наконец он нашел убийцу.

-- Здравствуй, -- сказал Серый.

счастье

Серый проснулся утром совсем молодым человеком. Он побрил лоб и затылок, накачался и стал телохранителем, поборником православной монархии.

-- Империю развалили масоны, -- сказал Серый. Масоны развели руками.

-- Йес, -- сказали масоны. -- Это мы.

начальник

Серый расхлябанно содрогнулся. Русские к. начальнику испытывают глубокую искреннюю неприязнь.

любовный роман

Серый увидел девушку и встал на четыре лапы. Серый ударил страшным ударом поддых, потом в мошонку, потом в сонную артерию. Самарская девушка Юля имела спину от сфинктера до астрала.

-- Одно удовольствие, -- пил водку Серый. -- Я князь -- ты княгиня!

-- Ты граф -- я графиня!

телевизор

Из всех программ Серый больше всего любил футбол. Чем хуже играли, тем он больше любил футбол. А зимой любил музобоз и хоккей. Хоккей уважал. А теннис не любил. Надо расширять внутренние человеческие возможности.

-- More! -- возвестил Серый новый закон.

молодая гвардия

"Скоро опять будем вешать", -- подумалось Серому.

помойка

Серый был романтиком, ударившимся о помойку. От травмы он захромал, зато нашел чистоту жанра. Нарвался на "колеса" -- стал визионером. Ебнулся так, что увидел голубую луну. Расшибся о рекламный щит -- искры из глаз стали его новым стилем. Потом искусство кончилось, и Серый приобрел ларек с пивом.

Кавказ

А все-таки, несмотря на все поражения, мы лучше кавказцев.

налоги

Серый знал, что тетя Дуся платит налоги, но он никогда не видел тети Дуси.

страхи

Серому приснилось (всякое может присниться), что он -- старый.

-- Началась агония, -- сказал Серый.

буддизм

-- Все знаменитые футболисты -- буддисты, все знаменитые рокеры -буддисты, а я остаюсь с тобой, родная моя сторона, -- запел Серый. -- Гондон -- не гондола, до Венеции не доплывешь.

курочка-ряба

Ноль. Ноль -- ноль. Ноль.

царь

Царь -- это такое животное. Вроде свиньи. Царь во всем виноват, но он наш.

вечная женственность

-- Серенький!

-- Аиньки?

еврей

Еврей -- друг Серого. У каждого русского есть свой еврей. Еврей -- это такое страшное слово, что его боятся даже сами евреи. В русском языке нет более неприятного слова, чем еврей.

-- Берегись, пизда и срака! -- запел Серый. -- Едет с Севера ебака!

ручник

У Серого все спорится, он кирпич кладет на кирпич. Вот -- раствор. Вот -- кирпич. Кипит работа. Серый машинам не доверяет. Он верит своим рукам. Он -- ручник

яблоня в цвету

Чтобы понять Россию, надо расслабиться. Это примерно так же, как когда тебя бьют ногами. Расслабься, совсем

расслабься, и ты увидишь яблоню в цвету. Я не знаю другой такой красоты. Чем сильнее бьют, тем ярче яблоневого свет.

Антоновка.

Ты только не бойся.

В России обещали отменить телесные наказания. Я сам ратовал за эти бредни. Я поддавался легкомысленным настроениям. Я забыл запах яблок.

Только теперь я вижу, что просчитался. Кому пришла в голову безумная мысль, что Россия должна перестать кочевряжиться? Не пострадаешь -- не будет жизни. Судорога -- наш импульс.

Черный передел -- завет отцов. Родные, бейте!
Проституток -- на виселицу. Наркоманов -- четвертовать.
Пидерасов -- на кол. Патриарха -- под лед! С нами,
братцы, Иисус Христос.

Звезда Богородицы! Отнимите скупленные
квартиры. Остановите джипы! За каждый спрятанный
доллар -- по пуле! Рабочие, ваш класс -- алмаз.
Пенсионеры -- наденьте ордена! Комиссары -- введите
голод!

Вокруг враги. Все -- враги. Хочу гражданскую войну!
Дайте нам цензуру. Мы -- силачи! Украина -- к ноге!
Только птичек Божьих не обижайте.

Что может быть прекраснее русского застолья? Ну,
разве что яблоня в цвету. Под нее улеглись в траву трое
не опознанных мною офицеров. Между ними уселись в
яблочный запах три наших сестры в веснушках и в белых
косыночках. Милые! И посмотрели непосредственно
своими среднерусскими глазами. С корявыми букетами
яблочных цветов в руках. Офицерский, должно быть,
подарок. И я там был. Зачем? Скорее всего, из умиления.

макулатура

У Серого нет границы. Граница. Граница. Хамство.
Недоделанность Серого, необожженность. О России и так
слишком много написано.

нескучный сад

В Нескучном саду Серый пристал к французской
зверюшке Сесиль, жене французского посла, и даже
немного поебал ее, испугав ножом. После этого случая
маленькая женщина своим ходом тронулась к себе в
резиденцию.

ВОТ

Нам с Серым не нужны ни жидаы, ни эти самые, никто нам не нужен, кроме нас самих. Серый переоделся в мещанина.

-- Мне идет мещанское платье, -- говорил Серый. -- Оно меня украшает.

перемены на западном фронте

Каждую минуту мы отставали на год. Вчера отстали навсегда. Не торопись. Замедли шаг. Пора повернуть в другую сторону. Жалобное будущее индийских обручков нам ближе, роднее. Оно так сладостно унижительно.

пословицы

-- О, это родное, -- сказал Серый.

-- Ты помнишь: невеста с зубами уважала пословицы и пела частушки?

-- Давай Россию порвем на куски, -- сказал Серый. -- Ну, чего? Не знаю, мне нравится.

-- Я люблю модные вещи, -- ответила невеста. -- Обожаю бриллианты.

семья

Все рассыпалось. Вдрызг. Развалилось. Жена. Сын. Сначала казалось -- не развалится. И тут же развалилось.

Все -- на соплях. Все напридумано. Когда нет тепла. Черствые люди. И все разошлось по интересам. Разбитое корыто.

дети

Русские дети ходят в валенках до самого лета. Русские очень переживают, когда их дети болеют. Сходят

с ума из-за каждого прыщика. Но русские дети, действительно, много болеют. Они болеют такими страшными болезнями, что становится не по себе, когда приходишь в детскую больницу.

А потом -- забываешь.

Ко всему привыкаешь.

Ко всему.

машины

Русские плохо водят машины. Однажды русские купили себе много новых дорогих машин и сбили много прохожих. Себя тоже сбили. Машины каждый день вылавливали в реке. От этого русские не стали ездить лучше. Норовят мчаться по встречной. Сталкиваются лоб в лоб.

Много народа гибнет. Много всего этого русским показывают по телевизору. Горы трупов. Русские кушают и смотрят. Трупы -- это всегда волнует.

молодые козлы

Молодые козлы мечтали быть крутыми.

неоконченный разговор

Мне позвонил Грегори:

-- Надо встретиться.

Он говорил так взволнованно, что я подумал: он просек насчет нас с Сесиль. Мы встретились.

-- Старик, -- сказал он. -- Ты знаешь, где живет Саша?

-- Понятия не имею. -- Я никогда не думал, где живет Саша. -- Зачем тебе?

-- Да так, -- сказал он, -- просто интересно. Ты не скажешь его телефон?

Ну как мне было сказать его телефон, если Саша был законспирирован?

-- Я узнаю, -- сказал я, -- и перезвоню. Грегори колебался.

-- Я сделал, кажется, одно открытие, -- наконец скромно сказал он. -Вроде как уравнение. Если оно подтвердится, Россию можно считать расколотым орехом.

Я вышел на Сашу.

-- Странное дело, -- сказал я. -- Мы с вами провели столько времени вместе, а я даже не знаю, в каком районе Москвы вы живете.

-- Недалеко от вас, -- сказал Саша. -- А что?

-- Или мы дружим, или мы только по работе.

-- Грегори просил вас узнать мой адрес?

-- Он, кажется, вывел русскую формулу- . Возможен общий проект.

-- Понятно, -- помрачнел Саша. -- Он вам ее сообщил?

-- Он держит ее в секрете от всех. Мне показалось, что вы каким-то образом включены в эту формулу.

-- Вы -- шутник, -- усмехнулся Саша. -- Воздержитесь от встреч с американцем в ближайшее время.

вагина филипповна

Когда вагон метро резко встал, Вагина Филипповна почему-то подумала, что началась война. Невесту с зубами мы с Серым сдобрили водкой, обмазали тестом,

черной икрой, несмотря на длинные волосы. Сначала Серый не любил царя, потом -- Ленина, потом -- Сталина, потом сел, отсидел, освободился. Народ в вагоне решил, что вырубили свет, несмотря на то, что вагон стоял освещенный. Правда, тускло освещенный. Кто-то сказал:

-- Наводнение.

-- Да хватит вам ерунду говорить! -- огрызнулась Вагина Филипповна.

Вагина Филипповна сжалась. Она не хотела умирать под водой. К тому же ее внимание было прикреплено к дверям поезда. Они были удивительно похожи на дверцы ее кухонных шкафчиков. Дверцы потихоньку набухли водой. Оставалось средство пробуждения, но оно не действовало.

-- Даф лу кра. Рецепт с волосами, -- сказал Серый.

-- Нет, чJ, -- заупрямился я. -- Лука мне дай.

-- Блин вы, лук, зима шу, -- сказала невеста.

-- Да, не Монтени мы, -- обиделся я.

-- Накати-ка, ко? -- впился в нее Серый. -- Пуск!

Потом он не любил социализм. Чуть было снова не сел. Потом полюбил Пражскую весну. Потом ничего не любил. Но первым делом он любил нравственность.

патриоты

На крышах сидят патриоты. Такие славные. Такие молодые.

голубой "Мережковский"

Раз в году, когда во влажных лесах Британской Гвианы расцветают цветы, БАЗ. (Большая Американская Зая) складывает вещички в рюкзачок и вылетает в

экспедицию. За последние четыре года она открыла четырнадцать видов новых цветов и "Емелей" сообщила мне, что если найдется пятнадцатый, то назовет цветок "Мережковский".

Истомила ты меня, моя родина! Я -- не раб моего народа. Отъебись! Вдруг в последний момент, в июле, прикатила БАЗ. с "Мережковским" в горшке. Голубой "Мережковский" все собой затмил: и невесту с зубами, и Сесиль, и Россию.

-- Сбегу, -- подумал я.

-- Лишь бы не было войны, -- прошептала мне БАЗ.

сесиль в слезах

Сесиль держала голову Грегори за волосы.

-- Не вкладывайте денег в Россию, -- сказала отрубленная голова. -Русские всегда обманут. Мы вместе упали в обморок.

-- Мафия.

-- КГБ.

Сесиль позвонила в слезах.

-- Грегори погиб, -- сказала она.

-- Авария?

-- Заказное убийство. Сбила машина. Мы завернули голову в целофан.

-- Грегори был близок к разгадке России, -- сказала она. -- Он копнул глубоко. В день смерти он заканчивал работу над русской формулой- . Что с тобой? Ты вздрогнул.

-- Совпадение. Я тоже последнее время думал о русской формуле- .

-- У вас с Грегори много общего. Даже запах кожи.

-- Не отнимай у меня мой запах. Где его бумаги?

-- Похищены. Грегори считал, что эта формула сделает весь мир безопаснее.

-- Ты помнишь формулу?

-- И остановит распад России. Он по-своему очень любил эту страну.

-- Ты не ответила.

-- Я не верила в формулу. Я даже смеялась над ним. Я не хотела, чтобы у России была формула. А ты думаешь, она есть?

-- Во всяком случае, его работа показалась кому-то опасной.

-- Грегори сказал, что Саша связан со спецслужбами. Я промолчал.

-- Ты почему молчишь?

-- Он сказал правду.

-- Я так и думала. Значит, ты тоже?

-- Это был единственный шанс выйти на Серого.

-- Дурак! -- сказала она. -- Я узнала, где живет Саша. Поехали?

ништяк

Мне всегда хотелось понять назначение места, где закон не для всех, а у каждого свой, по индивидуальному положению, зато беззаконие общедоступно. Наконец, благодаря проводнику, случилось невозможное.

Презрение переплавилось в понимание. Те самые качества, которые вызывали презрение, теперь умиляли меня. Через презрение я пришел к примирению с действительностью. Не как Белинский, заразившись Гегелем, а через понимание назначения России. Это уже хорошо.

ваше боголюбие

Беседуя о Святом Духе, мы удалились с Серым в окоп.

-- Что же ты не посмотришь мне в глаза? -- спросил Серый.

Я глянул. Алмазы. Золото. Красота. В середине солнца лицо Серого. Ветер. Снег. Тепло, как в бане. Нестерпимо. Не могу смотреть.

русская свинья

С Сесиль мы подъехали к старому серому дому. Половину уже переделали новые русские. Половина была коммуналкой.

-- Это тебе пригодится, -- Сесиль протянула мне крупнокалиберный револьвер.

-- Я не большой любитель стрелять, -- недовольно сказал я, пряча его за пояс.

На сетке лифтовой шахты висела шуба жирной грязи. Мы позвонили в Сашину квартиру. Раздался слабовольный

звонок Никто не отозвался. Наконец открыла беззубая старуха.

-- Саша дома? -- спросил я.

-- Какая Саша? -- подозрительно спросила она.

-- Здесь живет мой друг Саша, -- сказал я как можно более беззаботно.

-- А вы кем будете?

-- Я же сказал: другом.

-- Нет у него таких друзей.

Я ударил ее рукояткой ствола по темени. Она свалилась. Внезапно появилась другая старуха, тоже беззубая. Сесиль по-французски ударила ее каблуком в низ живота. Та рухнула на пол.

-- Encore une старуха-процентщина, -- сказала Сесиль. -- Идем.

Огромная квартира. Черный телефон. Мой телефонный номер, косо записанный на депрессивной стене. В глубине квартиры огромная дверь. Васильковая, много раз перекрашенная. Мы толкнулись туда. В пустой комнате, на старом дубовом паркете сидел Саша. Ел курицу. Саша, конечно, был Саша, но он был и не Саша.

-- Значит, ты -- Серый? -- сказал я.

-- За знание надо платить, -- мотнул головой Серый.

-- Он пустил нас по ложному следу, -- злобно сказала Сесиль, схватив меня за руку.

-- Подожди, -- сказал я. -- Скажи формулу, Серый!

-- Русскую формулу- ? -- Серый захохотал. Бросил курицу на пол. -- А ты что, все еще не догадываешься? Мы уперлись друг другу в глаза

-- Он и есть русская формула- ! -- выпалила Сесиль, от волнения заговорив с гротескным французским акцентом.

-- Серый, -- отгоняя бред, сказал я. -- Почему ты такая свинья?

Саша снова захохотал:

-- А ты знаешь, Сесиль, кто попросил меня убить твоего американского мудака?

-- Пока! -- сказал я.

Я открыл беспорядочную стрельбу. Серый менялся на глазах. Он был трактористом и выезжал в поле пахать. Он был Чапаевым, кит-рыбой, Чкаловым-Чайковским в бархатной курточке и просто русской литературой, которая, обрушившись с неба белым, искрометным водопадом, вышла из берегов и тут же горячо, по-собачьи, облизала униженных и оскорбленных. Серый шел по женским делам: он был стопудовой бабой, он был Терешковой, которая билась о спутник с криками: Чайка! Чайка! Чайка! -- после чего крупным планом чайки хором спросили Катюшу Мишутину:

-- Ты сдала кал на загранпаспорт?

Серый был тонким деятелем и, конечно, МЦАП-ценностями, православным батюшкой, кушающим икорку, модной певицей, в рваных трусах запевшей под светомузыку:

Самое грязное в мире, Черное море мое.

Я на секунду впал в экологический столбняк Серый с размаху был сразу всеми. Я снова выстрелил. Сесиль задергалась на полу. Я промахнулся. Я убил мою лучшую французскую подругу. Я растерялся. Кинулся к ней. О, моя боевая подруга! Ты помнишь, как в Париже мы с тобой рано утром волокли мой чемодан через сквер к

метро, когда не было денег на такси? Ты помнишь, как в том сквере волновались на ветру платаны и цвели темно-красные розы? А твоя вечно розовая мыльница, которая, как у всех француженок, пах

нет самшитом? Я гордился тесным знакомством. Неужели она тоже умрет, вместе с тобой? Прижал к сердцу:

-- Сесиль!

Из ее влагилица осмотрительно высунулась мышь с окровавленной шкурой.

-- О'ревуар, -- пробормотала Сесиль со слабой улыбкой, -- на том свете, которого нет.

Серый захохотал.

Я выстрелил с колена, держа ствол двумя руками. Серый превратился в рекламный щит вдоль дороги. На щите улыбалась невеста с зубами и было написано:

Я ТЕБЕ ЛЮБЛЮ!

Я измолотил пулями щит.

Серый стал мною. Я никогда не видел самого себя в трех измерениях и испугался. Я был поразительно не похож на себя. На то представление, которое у меня было о себе. Я не знал, куда целить. Это было похоже на самоубийство. Это было нехорошо. Я выстрелил подряд три раза.

Серый умер каким-то странным стариком.

серый-серый

Ни зги.

смерть

Достигнув высоких ступеней духовности, Серый с радостью ожидал день смерти. Бывало, нетерпеливо тер холодные руки и подначивал:

-- Чего тянешь, косая?

Просветленно, приняв пивка, Серый сидел у загодя приготовленного дубового гроба, сделанного собственно

ручно: он был искусен в столярном деле. Давно было им отмечено тяжелым камнем место, избранное для могилы, у алтарной стены.

-- Покинув тело, душа просияет, как солнце, -- с восторгом говорил Серый. -- Она будет с удивлением смотреть на свою смрадную темницу.

Серый называл смерть возвращением от многоплачевного, болезненного странничества в небесное, немерцающее отечество.

-- Там увидимся, -- сказал мне Серый и поднял руки к небу: -- Там лучше, лучше, лучше!

-- Значит, русскому смерть не страшна?

-- Смерть грешника люта, -- заметил он.

Серый уже не оглядывался на землю. Родственные связи для него не существовали. Он был в том состоянии небожителей, когда все земное одинаково дорого, без пристрастий, лишь постольку, поскольку нуждается в его помощи, но не привязывает к себе. Один заехавший к Серому офицер спросил, не прикажет ли он передать какое-нибудь поручение своим сибирским родным. В ответ Серый повел офицера к иконам и, с улыбкой любви глядя на них, сказал, указывая рукой:

-- Вот мои родные. А для земных родных я живой мертвец.

Его жизнь была ежедневной борьбой с врагом спасения. Для одоления врага Серому пришлось нести величайшие труды. Пост был столь строгий, что три года в пустыне Серый питался исключительно отваром горькой травы снитки. Тысячедневные и тысяченощные моления на камнях были орудиями, которыми он одерживал победу, но эти орудия тяжело, болезненно отразились на Сером. Недаром как-то под вечер вырвалось у него признание, что он борет

ся с врагом, как со львами. Серый смирял себя, не находя возможности жить без внешней муки.

-- Ну зачем ты носишь на спине тяжелый рюкзак, набитый песком и камнями?

-- Томлю томящего меня.

отмучился

Слово-разгадка русской жизни. Вся жизнь -- мука. Физическая, эстетическая, стилевая, любая.

некролог

В последнее время отечественные некрологи все больше приобретают оптимистическое направление. То же отражается в речах на панихидах. Складывается впечатление, что если в советские времена покойника хоронили всерьез и надолго, то теперь неофитская вера в загробную встречу с ним и уверенность в благополучном исходе Страшного суда призваны снять шок смерти и невыносимое горе разлуки.

чувство вины

Изувеченный Серый. Пиджак внакидку с пустыми рукавами. Согбенный Серый -- после того, как избит почти до смерти хулиганами, напавшими на него в пустынной келье:

-- Дай денег!

Денег у него не было и в заводе. От хулиганов он не защищался, хотя по необыкновенной силе своей, мог бы и врезать. Между лопатками страшная рана. На ногах от долговременного стояния тоже неизлечимые раны. Из ран постоянно сочилась сукровица. В довершение ко всему Серый

изобрел мучительный образ сна, на который я не мог смотреть без боли. Он спал, стоя на коленях, опустив голову книзу и поддерживая ее стоящими на локтях руками. Увидев меня, он сказал:

-- Я могу молиться за тебя только дома. В храме за тебя молиться нельзя.

метро

Я ехал в метро. Вдруг увидел человека, который раньше служил помощником генеральных секретарей, а потом, во время перестройки, его выгнали, и он ехал в метро. Он посмотрел на меня и узнал. Ему было стыдно, что я его увидел.

У него не было бляхи. Я подумал, что человек, который стыдится ехать в метро, не жилец. Скоро его действительно не стало. Его звали Пал Палыч.

инвалид

Инвалид вызывает у русских спазм смеха, злобу и желание прикончить. Русские жалостливы, но без сочувствия. Одноногого пиздят его же собственным

костылем. Безногого топят в луже. Горбатого распрямляют ударом ноги. Косому выдавливают с хрипом последний глаз. Беременная женщина -- тоже по-своему инвалид. На нее норовят спустить дворовых собак. Но иногда, когда в палисадниках расцветают астры, русские слагают об инвалиде дивные песни.

реклама распятыя

Когда Серый умер, его душа, изнуренная болезнью, прилетела ко мне, когда я спал. Мы встретились в промежуточном

измерении, приюте усопших и спящих душ, отличительной особенностью которого был серый, облачный фон. Душа Серого обладала резвой стремительностью, говорящей об освобождении, многочисленности посмертных возможностей. Веселая, радостная, она обласкала мою душу порывистым восторгом дружбы. Я был не только внутренне польщен ее выбором, поскольку всегда гордился этой дружбой, но и обрадован легким преодолением каких-то наших земных противоречий и недомолвок. Вместе с тем, моя душа была не столь стремительна. Она была смущена.

Проснувшись, я устыдился своего смущения и долго думал о Сером как о моем единственном собеседнике среди людей. Возможно, смущение, некоторая даже холодноватость были защитной реакцией, доброй обязательностью моей души, боящейся увлечься, взметнуться, забыть воротиться, хотя Серый и не звал меня с собой. Возможно также, что в смущении выразилось мое сущностное "я", гораздо более глубинное залегание неведения о нормативах людского общения, о моей креативной прохладе, нежели я ранее обо всем этом подозревал. Столь очевидная мистическая суть сна

не оставляла сомнений в высших ценностях мира и моей "по касательной" принадлежности к ним, ибо светская святость друга была если не абсолютной, то хотя бы исключительной в моем жизненном окружении. Я воспринял встречу душ не только как порыв, но и как последний в этом мире царский подарок Серого мне, поистине благовую весть.

Это заставило меня оглянуться на мои опыты. Меня не возбуждает мнение о России как о пустом месте. Оно только развязывает руки, которые хотят быть развязанными. Я -- частный случай гнойной принадлежности.

Россия повешена на дверной ручке, распята на осино

вой балясине. Наш точный парфюм -- тварь дрожащая. От всех этих перестроек наши хуи превратились в соленые огурцы.

я люблю смотреть, как умирают дети

В отдельно взятой стране начался обещанный конец света. Очевидно, его лучше всего встречать стихами раннего Маяковского. Но даже самая эпатажная строка русской поэзии покажется нынче слабой. В ней слишком много пафоса отчаянного протеста еще той, прекрасной эпохи. Теперь все -- другое. Никто от конца света в ужас не приходит. Почему не пожить и без света?

Это же надо так оскотиниться!

Можно прекрасно представить себе, как обиженные бомбардировками своей малой родины, террористы рванут Москву, не несколько спальных домов, а всю Москву. Какая же будет радость для провинциальных политиков, как оживятся Питер и Урал! Надо будет

выбирать новую столицу, в политических распрях и хлопотах скоро о Москве позабудут, да и не любят ее нигде, только позлорадствуют: одной Москвой меньше -- какая разница.

Россия превращается во "фрагменты географии". Может, России уже нет? Как нет? Вот -- карта. Так это только карта. Может быть, Россия чистая фикция? То, что мы живем в иллюзорной стране, с иллюзорным главнокомандующим, иллюзорным правительством, иллюзорным парламентом, иллюзорной внешней политикой, иллюзорной экономикой и иллюзорной оппозицией -- это и так ясно. Но то, что из-под нас всех эту страну уже вынули, как матрас, и не с тем, чтобы продать, кому нужна рухлядь, а просто тихо от

несли на помойку, никому не сообщив -- это, по-моему, очень возможно.

Ведь мы живем в абсолютно ложной реальности. Нам говорят, если вообще что-нибудь говорят, что мы совершаем поход из одной общественной системы в другую, и этим мы занимаемся в течении всех -х годов. Полный бред. Из какой системы мы выходим? Из социализма? У нас не было социализма -- социализм в Швеции, а у нас был государственный произвол. Куда переходим? В капитализм? Но у нас нет даже зачатков инфраструктуры рыночного общества, есть только видимость деятельности и реальность опять-таки государственного произвола, видоизмененного -- да, но лишь с тем, чтобы существовать дальше. Мы по-прежнему боимся властей, хотя, казалось бы, их выбираем. Они несутся мимо нас с наглыми рожами, с наглой мигалкой; мы по-прежнему ходим им кланяться, а они по-прежнему воротят нос.

Россия нам уже только снится.

Это возмездие за откровенный расизм русского обывателя, за цинизм верхов и похуизм низов, за весь наш чудовищно прожитый век, от Ленина до сегодня. Нам в России все казалось: обойдется. Как-нибудь проскочим. С помощью воровства, Бога и Запада. Мы летели в пропасть, но делали вид, что парим. Пыжились, изображая из себя сверхдержаву. Мы никогда не хотели признать глубину собственного падения.

Нет ничего удивительного, что у нас украли родину.
непосредственная реакция

Серый прижался ко мне и сказал, весь красный от возмущения:

-- Наконец-то ты пишешь о том, о чем не шутят. На глаза у обоих навернулись слезы.

кокаин

Мы шли вдоль быстрой речки и даже поцеловались. Б.А.З. сказала, что хочет меня лучше узнать. У нее работа, которую она не бросит. Это был какой-то слабый градус страсти.

Она рассказала, что иногда через свернутую долларовую бумажку она нюхает кокаин.

-- Кокаин! -- фыркнул я. -- Помогает при гайморите.

Она рассказала еще, что жена ее друга, коллеги по бизнесу, Марина, русского происхождения, косметолог из Голливуда, ее однажды трахнула на уик-энде.

Она вообще была очень доверительна. Я понял -- это пиздец.

дача

Мой первый бог -- Дед Мороз. Вдруг Б.А.З. спохватилась. Мы поехали смотреть Красную площадь. Все складывалось как нельзя лучше. Ночью -- ко мне на дачу. Пить чай. До чая дело не дошло. Боже, она была душистая и бесстыже-целомудренная, как белая сирень. Я ломал ей ветки до самого утра. Утро было туманным. Я обломал ей много белых веток

б. а. з.

Большая Американская Зая улетела первым классом вместе с голубым "Мережковским". Позвонила из Шереметьево:

-- У меня голова перевернулась от России. Я хотел спросить:

-- Ты любишь меня? Но не спросил.

последняя крыша

Деревня, состоящая из дырявых крыш без домов. Юродство -- последнее прибежище.

воскресающий гений

После похорон Серого я вернулся к себе домой. Что-то будет. Всеобщая стачка. Смена правительства. Переворот. Распад государства.

Мне было интересно.

Мне было все равно.

Я учился смотреть на Россию как на иностранное государство. Россия насрала мне в карман. Я торговал перегаром, запахом "Примы" и мочи. Мне крупно повезло. Я умудрился продать обвалывшуюся родину, которой никому не надо. Я с ней разделался. Я убил гения места. Меня колотило. Я знал: милиция охотится за

мной. Я вяло скрывался. Переходя из дома в дом. Я знал: страна обречена. Меня это мало заботило. Я получил все, что можно. Я перестал болеть Россией. Я почувствовал, как освобождаюсь от подлой зависимости твердить ее имя с той же частотой, с которой немец произносит слово "шайсе". У меня вырастают крылья. В меня хлынула новая радость. Пора сматываться!

Русский опыт научил меня, что человек должен быть привязан к бытию. Как угодно. Как протестант, верящий, что Бог ценит его труд. Как католик, включенный в непогрешимость Папы. Как буддист, обнаруживший в своих мантрах систему реинкарнаций.

Я зашел в свой подъезд. Поднялся на второй этаж. Меня дожидался человек. На подоконнике в коридоре.

-- Ну, чего? -- сказал он. Я всмотрелся в него:

-- Ты зачем с ножом ходишь?

-- А с чем мне еще ходить?

-- Как дела? -- спросил я его, чтобы оттянуть развязку.

-- В порядке! -- ответил он.

-- Волки! Волки! -- закричал я.

Никто не услышал. Его синие глаза светились радостью жизни.

открытый гроб

Не выставляйте меня напоказ в открытом гробу. Что за манеры! Зачем русские рвут себе душу, прощаясь с покойником? Зачем ведут под руки почерневших близких, чтобы те неменяемо гладили покойнику волосы? И так тошно. Или это подстрекание вытья? Бабы, войте!

Плакальщицы в деревенских платках, вперед! Запричитали. Заголосили. Уж заводиться так заводиться. Не хоронить же просто закрытый ящик! Вдруг он пустой, и тогда конфуз получается. Мало нам, что ли, похоронных конфузов? То не того в гроб положат, то перевернут и вывалят, неся вниз по лестнице. Пусть ящик стоит открытым. Чтоб все без обмана. Откуда взялся этот истерический протокол? Последняя проверка на дороге. Куда смотрит Церковь?

Тонкие деятели вскрикнут: традиция! МЦАП грянет: вечная память! Так заведено прощаться: и с царями, и с холопами. Мало ли что! Мы -- заложники неприличных обрядов, отпрыски телесных наказаний. Наш катехизис: дави! Ненависть радует душу. Мы запутались в традициях, совсем

растерялись. А с открытым гробом -- не надо о страшном! А это не страшное -- это наш национальный триллер.

Католические похороны -- для нас светский выезд под черной вуалькой, собрание выглаженных костюмов, солнечных, с титановыми душками, очков, напوماженных молодцов. Протестантские фюнералы -- ах, эти голливудские колокольчики при выходе из кирхи! Учтивые, все друг друга вперед пропускают, как будто из кино вышли. Да они из кино и вышли -- видеокассетные похороны. Всех немедленно обвинить в лицемерии. Венки слишком вычурны. Скупые слезки не удовлетворяют родного чувства самоистязания, саморасцарапывания. Мы рождены изводиться в лоскуты, вплоть до русского погребального катарсиса.

"Вот я лежу, но этот я -- не я, а где же я?" -- мой скорбный надмирный вопрос.

Их западные могилы слишком хорошо вырыты, заправлены, как постели, защищены со всех сторон от червей. Не то что наши -- с плавающим окурком. Не то что наши по весне -- с провалом до гроба, как сойдет снег. У их священников слишком постные лица, у их могильщиков чересчур осмысленные физиономии. Западный отказ от поминок -- дурное следствие жизненной скупости, нам подавай долгое прощание, с посткладбищенским тщательным мытьем рук и застольем, медленно уходящим в шумное беспмятство, водочное небытие.

Но отведи нас на Ганг, и мы превратимся с испугу в Европу при виде, запахе горящих на набережной трупов. Мы ошалеем от показательных костров и бесслезных, худеньких родственников, сплоченно уверенных в реинкарнации. Мы разглядим здесь только дикость, язычество и -- кубарем домой. Нам позволяли смотреть всего лишь в глазок крематория, чтобы не было дефицита кошмаров, да и то -- до поры, до времени. У нас в ушах не треск бамбука, а стук заколачиваемых гвоздей. Сначала-- застенчивый, под конец -- с оттяжкой. А если это тяжелый обычай, так есть люди, которые и "тяжелые фильмы" не смотрят. Но я, сколько ни хоронил покойников в открытых гробах, знаю наверное, что это только против их памяти. Помнятся, как нашатырь, одни синюшные лица и отталкивающий замогильный холод руки, и где-то на горизонте стоит отодвинуто маленький живой человек и не смеет приблизиться с живыми ручками.

Батюшка, ну, чего застыл? Отпевай. Я не любитель спорить. Почему тогда только лицо и руки? Уж лучше бы совсем голым, как в морге. И все бы разглядывали мертвый припорошенный хуй и спущенные яйца, делая

вид, что их это не интересует. Есть похоронный генерал с дарами, всем похоронам -- венок сонетов, на который живо реагирует вдова. Она ничего не видит, а тут срывается с места и жадно глотает слова соблезнования. Сутулый караул с подвязками похоронных дружинников. Выводок проходимцев с серьгой в ухе и без серьги. Женщины с остановившимися, лисьими мордочками. Чем хуже сложилась их жизнь, тем сильнее они балдеют от разглядывания знакомых покойников. А где-то там дальше кладбищенские бабульки -- стахановки трупного любопытства. Нюхая парные стебли неприлично пахнущих цветов, одни замечают лишь мертвое в открытом лице покойника, другие настаивают на красоте.

-- Как он не похож на себя.

-- Раздулся.

-- И цвет нехороший.

-- Нет, лучше, чем в жизни.

-- А она-то, смотри, как держится!

-- Устал лежать. Потемнел.

-- Потемнеешь тут с вами.

Как из подворотни, поэтесса во весь свой изломанный

ГОЛОС:

-- Прекрасное лицо!

-- Врешь, сука!

Некроэксбиционизм. Ну, все! Зарывайте. Я стесняюсь.

новый бог

Главным событием XXI века будет рождение нового, планетарного Бога.

Мы разговорились с Серым о новом Боге. Не о русском Боге, потому что локальные религии уйдут, а вообще. Энтропия религиозного умысла Запада, российская ортодоксальная окаменелость, мусульманский фундизм -- яркие знаки агонии старых богов. Каким быть новому: прямым? хромым? крашеным блондином? В любом случае мы останемся за чертой античного мира. Мы быстро сойдем в разряд доисторических существ. Мы прижмемся друг к другу, обнявшись лапками динозавров. Мне стало себя жалко. Новый Бог будет, конечно, непредвиденным. Нежданно-негаданным. Выскочит очень страшным. В перьях или шубе? Фаллическим? вагинальным? смешанно-андрогенным? порнографическим? ученическим, как десятилетняя кукла? Скорее всего -- попсово-придурочным, как все прошлые Боги, но с учетом новой тоски и high-тек достижений. К нему логически не приноровишься, не приспособишься. Но ясно, что новая маска Бога будет внеевропейской. Европа его не сразу примет.

Боги сдали. Они не выдерживают человеческой конкуренции. Они больны клаустрофобией. Они уже в спиртовом растворе. Их маски сорваны. Ницше -дурак! Принял имя за сущность. Вгрызание в Японию, дорога к ашрамам, потроха тигров для вудунов, ностальгия по Полинезии, идейные робинзоны и племенное мышление made in USA -- все это так хорошо зашевелилось. Уж коль сознание недостойно бессмертия, реинкарнации греют души.

Камень -- это всегда основание. Мы с Серым взяли камень. Мы были не только подавлены грузом ответственности, но и обрадованы. С помощью каких-то левых людей, развозящих обычно мебель, мы оттащили камень на Воробьевы горы. Воспользовавшись покровом ночи, мы покатали его в сокровенную рощу, где круглый год по ночам поют соловьи. Невеста с зубами по этому случаю специально вернулась к нам. Мы ее не узнали -- она летала над нами в легкой тунике и бросалась в нас сладкой клюквой. Зрелище засасывающее. Она была неземной красоты, зубы ей кто-то вправил. На ней, прямо скажем, хотелось жениться. Москва тоже смотрелась "кул". Мы толкали камень в четыре руки, кряхтели, мокрые и веселые. Новая метафизическая активность России вошла в нас, взбурлила и обогнала другие народы. Россия снова взяла планетарное место первенца. Невеста сверху, с желтыми пятками и с желтым фломастером за ухом, со спелыми дольками влажной грязи, как будто выдавленными шиной грузовика, освещала нам путь фонарем. Там, на склоне с видом на Москву, мы поставили первый камень неведомому Богу.

1997-1999 гг.